

ВЕСТНИК

«««««««« «««««««««««« «««««««««

«« 1 / 2004

«««« ««««««««»»

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(главный редактор)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
(зам. главного редактора)
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
(зам. главного редактора)
Ю. И. Баженов, д-р биол. наук
Г. А. Засобина, канд. пед. наук
М. В. Клюев, д-р хим. наук
В. Н. Куликов, д-р психол. наук
Л. Н. Маурин, д-р физ.-мат. наук
В. С. Меметов, д-р ист. наук
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
Д. И. Молдавский, канд. физ.-мат. наук
(ответственный секретарь)
А. Д. Ноздрачев, акад. РАН (С.-Петербург)
А. Н. Портнов, д-р филос. наук
К. Префке, проф. (Германия)
В. П. Раков, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Л. Е. Файн, д-р ист. наук
В. Н. Шуков, д-р экон. наук
Т. М. Явчуновская, канд. юрид. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
О. М. Карпова, д-р филол. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *О. Я. Литвак*, *О. А. Кручинина*
технический редактор *И. С. Сибирёва*
компьютерная верстка *Г. Б. Клецкиной*
обложка *Р. Е. Круглова*

ISBN 5-7807-0422-8

© Издательство «Ивановский
государственный университет», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Страшнов С. Л. Журналист как интеллигент,
просветитель, посредник 3

Лакербай Д. Л. О метапарадигме историко-
литературных исследований 13

Ермолаева Н. Л. Христианские мотивы и об-
разы в очерках И. А. Гончарова 26

Тюленева Е. М. Серийность не-события в
постмодернистском тексте (Саша Соколов
«Школа для дураков») 35

Анцыферова О. Ю. Южный миф vs киномиф
в романе Уокера Перси «Любитель кинемато-
графа» 42

Таганов А. Н. «Преодоление метафизики» во
французской литературе рубежа XIX—XX
веков 48

Самуткина Л. А. Иудейская апокалиптиче-
ская литература и христианская всемирная
хроника 54

Казакова И. А. Становление эстетической и ху-
дожественной концепции Бориса Виана 60

Кромер Э. В. Проблема типологии синтакси-
ческих конструкций разговорного типа 70

Григорян А. А. К вопросу об успешности
языковых реформ: гендерный аспект 78

Ужова О. А. Эволюция лингвострановедче-
ского словаря 84

Бабаева Р. И. О прототипическом подходе
к описанию частиц немецкого языка 89

Вансяцкая Е. А. Невербальные компоненты
коммуникации и их описание в тексте ху-
дожественного произведения (На материале
романа Ш. Бронте «Джейн Эйр») 94

Лаврентьева Н. Г. Некоторые лингвистические характеристики сложных слов, функционирующих в языке делового общения **98**

Хроника

Хроника общественной жизни (январь — февраль 2004 г.) **103**

Хроника международной жизни (январь — март 2004 г.) **106**

Кафедра современного русского языка и методики преподавания **111**

Отчет о проведении областной олимпиады для абитуриентов по русскому языку и литературе **113**

42-я олимпиада школьников по русскому языку **114**

Отчет о работе секции «Современный русский язык и методика преподавания», прошедшей в рамках конференции «Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ — 2004» **115**

VI научно-методическая конференция «Ушаковские чтения» **117**

II Всероссийская научная конференция «В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык — словесность — культура — словари» **118**

Кафедра русской словесности и культурологии в 2003 году **123**

Кафедра теории литературы и русской литературы XX века (2003 год) **124**

О работе Диссертационного совета Д 212.062.04 по филологическим наукам в 2003 году **126**

Семинар посольства США **127**

Кафедра журналистики **128**

Кафедра общего и славянского языкознания **129**

Юбилеи **131**

Сведения об авторах **141**

ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Выпуск 1
Серия «Филология»

Подписано в печать 29.04.2004.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 12,4. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 100 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (0932) 35-63-81

С. Л. Страшнов

ЖУРНАЛИСТ КАК ИНТЕЛЛИГЕНТ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ПОСРЕДНИК

Рассматриваются понятия и процессы, характерные для современных средств массовой информации. Автор пишет об актуальности просветительской журналистики, ее посреднической роли в отношении общества и государства.

The notions and processes, which are typical for modern mass-media are reviewed. The author considers the actuality of enlightenment journalism, and the role of mediator between society and State.

У известного современного философа Г. Померанца есть любопытная статья, которая называется «Фельетонизм и Касталия» и которая была адресована прежде всего как раз медиасообществу. Среди прочего автор рассматривает процесс появления журналистики в эпоху Возрождения. Центристское средневековье (с его прикованностью к вечному, к Богу, к душе) сменил в истории центробежный Ренессанс, для которого характерна экспансия буквально во всех областях (географические открытия, развитие наук и т. д.). «Журналистика — часть этой экспансии <...> Интерес к новому требовал информации. Информация о новом была разведкой в великом сражении за политическую власть над миром и за власть над природой» [16, с. 51].

Итак, журналистика зародилась накануне Нового времени в результате демократизации общества, секуляризации культуры (вытеснившей культ) и распространения грамотности, просвещения. А также как следствие общественной активности личности — в противовес божественной предопределенности человеческой судьбы. Одновременно журналистика являлась мощным фактором всех этих процессов.

Уже так мотивируется необходимость разговора о просветительстве, ее основном проводнике — интеллигенции, с одной стороны, и средствах массовой информации, с другой. Это тем более объяснимо, что вся история отечественной журналистики, по крайней мере, с 30—40-х годов XIX века и до 90-х годов XX, ощутимо совпадает (за малым вычетом) с историей русской интеллигенции и наоборот. Однако анализ их взаимоотношений не может и не должен вестись исключительно в ретроспекции. Ситуация последних десяти-пятнадцати лет, когда многие национальные, именно просветительские, традиции были поначалу переосмыслены и даже отброшены, но затем вновь оживали, вступая в конфликт с тенденциями буржуазного толка, делает заявленную тему насущной и заостряет ее именно в качестве актуальной проблемы. Но вначале — о некоторых основных терминах.

Начнем с понятия *интеллигенция*. Принято считать, что его ввел в оборот в середине XIX столетия Петр Боборыкин, хотя иногда приоритет писателя-натуралиста оспаривается и переадресовывается, например, роман-

тику В. А. Жуковскому (см.: [4, с. 9—10]). Что касается классических определений, то к таковым, наверняка, можно отнести суждение Д. Н. Овсяннико-Куликовского из «Введения» к «Истории русской интеллигенции». Интеллигенция для него есть **«образованная и мыслящая часть общества, создающая и распространяющая общечеловеческие духовные ценности»** [14, т. 7, с. 5].

Бытует устойчивое представление о том, что интеллигенция — слово и явление чисто русские. Однако Ричард Пайпс указывает и на французский, и на немецкий эквиваленты понятия. Русскую же специфику он усматривает в том, что «мерилом здесь является приверженность общественному благу: интеллигент — это тот, кто не поглощен целиком и полностью своим собственным благополучием <...> По условиям такого определения, образовательный уровень и классовое положение играют подчиненную роль» [15, с. 330]. И по той же причине возможны рабочая интеллигенция, крестьянская интеллигенция и т. п. «Интеллигенция в таком определении, — продолжает Р. Пайпс, — появляется везде, где существует значительное несоответствие между теми, в чьих руках находится власть, и теми, кто представляет (или считает, что представляет) общественное мнение. Она сильнее и настойчивее в тех странах, где авторитарное правительство сталкивается с восприимчивой к новым идеям образованной элитой. Здесь возможность и желание действия вступают между собой в острый конфликт, и интеллигенция кристаллизуется в государство в государстве. В деспотиях традиционного типа, где отсутствует многочисленная образованная публика, и правильно функционирующих демократиях, где идеи могут быстро воплощаться в политике, интеллигенция скорее всего не складывается» [15, с. 330—331].

Уже отсюда, думается, ясно, что в России, начиная с послениколаевской эпохи, существование интеллигенции было неизбежным. Колебания страны в сторону деспотии (период правления Сталина) или демократии (1905—1907 годы, считанные месяцы после февральской революции, начало — середина 1990-х) были неустойчивыми и чаще всего непродолжительными.

В последнее время принято противопоставлять преимущественно русское понятие-явление *интеллигент* и преимущественно западное *интеллектуал*. Л. Гудков указывает «на три основные функции интеллектуалов в современном обществе». Это «систематическая инновация; критика и отбор наиболее важного и ценного; хранение и ретрансляция всего того, что составляет интеллектуальный ресурс общества» [7, с. 206]. Иными словами, во главу угла интеллектуалы ставят сугубо определенные, конкретные задачи и профессиональное их решение. Дело понимается ими не как служение на общественном поприще, а как внятный, частный и специальный интерес. К тому же интеллектуалы четко отделяют его от политики.

Вполне симпатичная, на первый взгляд, особь. Однако русское общественное мнение никогда ее не жаловало. Интеллектуал для него имел презрительную кличку бездушного дельца, этакого Штольца. Зато интеллигент широк, склонен ставить цели неблизкие и непрагматические, он отвлечен от мелочей, занят духовными несвоекорыстными исканиями. Естественно, разновидностей много: в среде интеллигенции, как, впрочем, и в любой другой, есть свои руководители и исполнители, радикалы и хранители традиций, инициаторы и посредники. Но основной тип все же таков: интеллигент — это убежденный сторонник нарождающегося (всякий раз!) гражданского общества.

-Кто-то возразит, что это не сущность, а положение, и будет почти прав: своеобразие интеллигенции, действительно, определяется ее переходным положением между властью и народом. Поэтому и сама интеллигенция напоминает не определенную, самостоятельную фигуру, а скорее — связующую нить (подробней об этом см.: [14, т. 9, с. 13; 11, с. 132—135]).

При любом к ней отношении власть для интеллигентов — неперемнная инстанция, к которой они обращаются с возражениями или негодованием, советами или надеждами. И показательно: их действия всегда решительнее там, где правящие круги как раз лояльнее. Во всяком случае, бесспорно, что наибольший заряд интеллигентской критики получали именно те, кто подарил обществу особенно много свобод: Александр II, Хрущев, Горбачев, Ельцин.

Находясь в зависимости (как правило, материальной), интеллигенция сама претендует на власть (прежде всего духовную) и ее безграничное распространение. Отсюда — неприятие опеки как принуждения и необходимость опеки как помощи. Государство чаще всего воспринималось и воспринимается интеллигенцией как одряхлевший регент, которому необходим поводырь, зато народ для нее — это чистое дитя, нуждающееся уже в наставнике.

Интеллигенция готова совершать то, что Овсяннико-Куликовский назвал демократизацией высшей культуры, то есть производить окультуривание народа, но когда, по словам того же автора, «оказывается, что нет отсюда ни спроса, ни сочувствия, ни отклика, — вот тогда-то и начинается та трагедия, которая выпала на долю русской интеллигенции» [14, т. 7, с. 125—126]. Одним из способов разрешения патовой ситуации стала идеализация народа как производителя жизненно безусловных, абсолютных материальных ценностей и как кладезя незамутненного, недостижимого нравственного здоровья. Отсюда — характерный риторический вопрос, вынесенный П. Н. Ткачевым в заголовок одной из своих статей: «Народ учить или у народа учиться?» (1875). Отсюда же — все интеллигентские профессии и занятия «получали свое оправдание в том лишь случае, если писатель, ученый, художник (добавим от себя: и журналист. — С. С.) подымал и разрабатывал вопросы, так или иначе относящиеся к жизни народа, если, при этом, он был воодушевлен идеей служения народному благу и т. д. Соответственно этому, классифицировались и идеи, направления, идеалы, тенденции: одни одобрялись, как полезные или могущие быть полезными народу, другие отвергались, как бесполезные или вредные...» [14, т. 7, с. 126]. Понятно, почему примерно тогда же С. Л. Франком будет сказано: «Вся история нашего умственного развития окрашена в яркий морально-утилитарный цвет» [6, с. 179]. Тем самым укреплялись и позиции просветительства в искусстве, литературе, журналистике. Вспомним хотя бы картины передвижников, «гражданскую музу» Некрасова, образцы журнальной «реальной» критики и т. п.

Как замечал тот же Овсяннико-Куликовский, «в России плохо обрабатывают землю, но отлично культивируют всякую — нужную и ненужную — идеологию» [14, т. 9, с. 83]. Получается, что в отношении к народу положение интеллигенции столь же двойственно, как и в отношении к власти. Поэтому сущность интеллигенции не слишком меняется от того, кто является основным объектом приложения просветительских усилий: народ, как в XIX веке, или государство, как в веке XX. Ведь, мечтая об освобождении народа, нельзя было не считаться с государством, и наоборот — попытки

завязать диалог с властью обязательно обосновываются заботами о судьбах нации.

Заметим к тому же, что, поклоняясь народу, интеллигенция обычно и снисходительна к нему, а власть почти всегда разоблачает или, по крайней мере, поправляет. *Либеральная* интеллигенция не раз выступала на российской социальной сцене в роли диктатора, а просветитель — в роли пропагандиста. А это уже деятельность управленческая, то есть политика. Наличные формы мироустройства интеллигента никогда не устраивают, он — вечный преобразователь, вечный романтик. И романтик как раз политический, по уточнению И. Берлина [5, с. 199].

Заметнее всего это тогда, когда мечты интеллигента начинают сбываться. Идеал, как уже говорилось, — свободное гражданское общество, но лишь только создаются для него условия и перспективы, интеллигент теряет идентичность, опускает руки и оказывается в растерянности, не принимая мечту в ее реальных очертаниях. Как Дон-Кихот, грезивший о Дульсинее Тобосской, а в результате обнаруживший скотницу Альдонсу. Но и горько разочаровавшись, интеллигент уверен, что Прекрасную Даму заколдовали мерзкие Мерлины. Нечто подобное происходило в течение 1917—1921 годов, а затем в начале 90-х. И недаром замечательный критик-шестидесятник И. Дедков не раз вспоминал в последних своих статьях [8, с. 8, 69] прощальное стихотворение А. Блока:

Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Да и по сей день от тех, кто готовил и накликивал во время перестройки реформы, можно услышать: да, революция произошла, но совсем не та, к которой мы стремились, — криминальная. Дальше обвиняются исполнители, поскольку план сам по себе был хороший (в частности, выступления О. Попцова и А. Панарина см.: Лит. газ. 2002. № 5, 10).

Однако для современной российской интеллигенции, одно время уже похороненной, конечно далеко не все. Интеллигентские противоречия, двойственность фатально обусловлены самим промежуточным положением этого социального слоя. Он всегда пребывал и пребывает между молотом и наковальней, Сциллой и Харибдой: между властью и народом, между булатом и златом, познанием и развлечением, элитой и толпой. Но одновременно, существуя в промежутке, он и посередине, он — звено интегрирующее и созидательное. А потому и необходимое, если учесть, что мир часто оказывался и до сих пор находится в состоянии разобщенности, а подчас и раскола. Не будучи отдельным классом, интеллигенция либо тянется к другим (правящим и бесправным классам), отчего непременно оказывается в зависимости от них, либо возвышается над ними и становится выразителем общечеловеческих устремлений. Но последнее возможно лишь при условии, что целью интеллигенции станет не борьба, а достижение согласия между разными людьми и социальными группами.

Посредничество — это, видимо, главное, что роднит журналистику и интеллигенцию, поскольку важнейшими средствами консолидации людей являются не только языки, но и новости (подробней об этом см.: [13, с. 66—68]). Если же взглянуть подробнее и дискретней (не избегая при этом и негативных продолжений), то типологические модели интеллигента и журналиста

пересекутся сразу в нескольких точках. Начнем с того, что журналистика и фиксирует действительность, и воздействует на нее. Более того, некоторые авторитетные исследователи — такие, например, как С. Г. Корконосенко, — советуют не особенно преувеличивать не только информационно-отражающую, но даже и посредническую роль журналистики: «Сосредоточиваясь на посреднических функциях журналиста при потоках информации, мы снижаем его социальный и творческий статус» [10, с. 5]. Можно сказать, что это очень характерные и очень уж просветительские поправка и акцент: журналист в подобном толковании — прежде всего публицист (т. е. автор волевой, не способный мириться с несовершенством окружающего), интеллигент-общественник.

Действительно, в классическом русском варианте и журналист, и интеллигент располагаются в центре социальной жизни. Это люди, выполняющие общественный долг, более того — это люди, привыкшие исходить из должного, деонтологи по своей предрасположенности. И тот, и другой коммуникабельны, динамичны, это натуры увлекающиеся, причем в своих увлечениях достаточно переменчивые, а потому универсальные и поверхностные одновременно. Мобильность привязывает их к настоящему, даже к моде, делает несколько приземленными, и вместе с тем авторитет деятельности журналиста и звания интеллигента заставляет постоянно помнить об этических нормах, порождает чувства гордости и ответственности.

В интересной книге Л. Г. Свитич «Феномен журнализма» есть глава под названием «Журнализм в мире профессий», в которой журналистика соотносится с областями деятельности, привычно называемой у нас интеллигентской: с писательством, искусством, наукой, работой историка, политического (общественного, государственного) деятеля, юриста, оратора, педагога, священника. Обрисованная ниже «профессиограмма журнализма» [18, с. 110—124, 138—154] усиливает ощущение сходства. Поэтому если и возникает в конце концов вопрос, то абсолютно риторический: кем как не интеллигентами считать журналистов и чем если не просвещением публики они занимаются?

Правда, в уличной мифологии имиджи тех и других как раз сильно различаются: одни деликатны, вторые, напротив, настырны и нахальны, одни непрактичны, вторые предприимчивы и инициативны, одни склонны к утопиям и мечтательны, как гости из будущего, вторые, напротив, погружены в текучку, они наблюдательны, знают жизнь и умеют вертеться. Но в том-то и дело, что журналисты-просветители каким-то (кажется, совершенно непостижимым) образом многие крайности в себе примиряют. Достаточно напомнить о практичном идеалисте Некрасове, реалисте-просветителе Твардовском, конъюнктурном неприспособленце Егоре Яковлеве.

И такая нераздельность путей отечественной журналистики и судеб просветительской, политизированной интеллигенции просматривается не только в прошлом — она очевидна даже на материале последнего десятилетия. Одним из перестроечных намерений было превращение именно интеллигенции в средний класс. Но этот прожект не реализовался — так же, как и конверсия интеллигентов (выражение Б. М. Фирсова: [21, с. 169]), факт перепроизводства которой в СССР признан теперь неоспоримым, в интеллектуалы. Мирная метаморфоза как раз и не состоялась — произошел новый болезненный разрыв.

От интеллектуалов интеллигенцию до сих пор, в основном, жестко отделяют, подчеркивая наличие у нее совести и гражданской позиции. Такова романтическая традиция, которая толкует интеллигента как натуру героическую, бескорыстную и жертвенную, наделенную за свои убеждения «готовностью взойти на костер» (В. Брюсов). Вспомним и другие стихи — например некрасовские, а также выступления Пушкина и Блока против полупросвещенной черни, Солженицына — против «образованщины». Последней противопоставляется «несомненное интеллигентское ядро» [19, с. 98], куда публицист относит людей «по чистоте устремлений, по душевной самоотверженности» [19, с. 111] — прежде всего диссидентов-патриотов и отчасти интеллигенцию техническую. Впрочем, С. Н. Булгаков, напротив, оценивал такой максимализм весьма скептически, находил в нем черты индивидуалистического самообожения и противопоставлял ему христианское подвижничество (см.: [6, с. 30—48]). Но даже если и не требовать ригористически от интеллигенции непререкаемого крестного пути и подвига, все равно ее главная задача определяется сегодня по-прежнему: «осмысливать жизнь, вносить в нее новые смыслы» (Известия. 2001. 18 авг.). Так, например, полагает Д. Шаховской, один из лидеров современных кадетов.

Открывшиеся коммерческие возможности не только не привлекли журналистов старшего и среднего поколений, но были встречены ими враждебно. Уже на исходе перестройки И. Дедков в одном из интервью предрекал, что *его поколение* не сможет жить при капитализме (Юность. 1991. № 9. С. 83). Его дневники, более того — судьба публициста сполна это подтвердили. Сегодняшняя интеллигенция по преимуществу антибуржуазна, и здесь она унаследовала антимеркантильные настроения собственных отцов и дедов (подробней об этом см.: [1, с. 199—209]). Однако такой пафос оказался явно несвоевременным: сейчас — в отличие, допустим, от времен «оттепели» — общественное мнение совсем не склонно его перенимать и разделять. Пресса вовсю работает на утверждение позитивного имиджа так называемого «среднего класса». Но что такое средний класс, если не обыватели, состоятельные горожане, добропорядочные граждане? По крайней мере, в этимологии некоторых славянских языков — скажем, в польском — все эти понятия синонимичны.

Интеллигенцией же рыночные реформы, напротив, воспринимаются, в основном, как хаос, как пропасть, которую, к сожалению, проскочить не удалось. Так говорит тот же О. Попцов и некоторые другие наши маститые журналисты. И недаром, по наблюдениям социологов, интеллигенты оказались в разряде «новых маргиналов» (см.: [17, с. 66—71]). Неудивительно поэтому ностальгия по перестройке, политической активности тогдашней интеллигенции и влияния прессы. «СМИ — не посредник, а инструмент общественного мнения, — уверенно провозглашает М. Полторанин, и, тоскуя о событиях 10—12-летней давности, говорит. — Ты вспомни, какой уровень народного доверия был на стороне СМИ!» Теперь же, по его словам, «русская журналистика потеряла свою основную черту — просветительство» (Журналист. 2001. № 12. С. 9), то есть учительство, авторитет.

Оказалось, что наша интеллигенция не столь уж и нуждается в той независимости, о которой она долго и публично мечтала. Свобода обернулась утратой воздействия и конкуренцией, к чему многие были внутренне не готовы. С оправданной резкостью высказался по этому поводу А. Алтунян,

который уверен, что «российское общество в начале 90-х получило не по чину много свобод <...> правовые и политические институты оказались слишком продвинутыми для нас сегодняшних» (Общая газета. 1999. № 51).

Понятно, отчего в начале минувшего десятилетия контроль интеллигенции над средствами массовой информации был утрачен, инициативу перехватили бизнесмены. И только с 1996 года (в провинции — несколько раньше) интеллигенты вновь несколько оживились, став потихоньку восстанавливать свои акции в прессе. Одновременно с усилением здесь государства. Потому что везде, где есть претензия на воздействие, обязательно — уже в силу наличия контактов как таковых (а они могут быть и оппозиционными) — возникает зависимость, как бы анархично на словах ни дистанцировался при этом образованный слой от власти.

Нынешние процессы столь очевидны, что о них говорят многие — вот только оценки разные: одни оправдывают действия властей, а другие упрекают, в первую голову, именно интеллигенцию. Да, можно понять сегодняшнее стремление федеральной власти к идеологическому управлению (вспомним призывы середины 90-х годов дать новую национальную идею или более поздний эпизод с осуждением новейших учебников истории), укреплению управленческой вертикали и ее желание найти союзников в лице СМИ — таковы, в конце концов, общие инстинкты волевых, хотя и не всегда дальновидных начальников. Любопытно другое: почему застрельщиками таких действий выступают подчас сами журналисты? А они спокойно называют теперь своих коллег сообщниками власти (Известия. 2001. 21 июля. С. 6) и упрекают прессу уже не в ангажированности — напротив, в конфронтации с нею (Журналист. 2000. № 11. С. 9; Лит. газ. 2001. № 33. С. 11—12), настаивают на орудийной функции телевидения (Аргументы и факты. 2001. № 16. С. 4). Наблюдатели отмечают явный процесс огосударствления СМИ (см., к примеру, наблюдения А. Пушкова и Б. Лозовского — соответственно: Журналист. 2001. № 7. С. 25 и Журналист. 2003. № 7. С. 83), причем снизу он осуществляется не менее интенсивно и охотно, чем сверху.

Уже в начале девяностых годов независимость была расценена кое-кем как ненужность. Ощувив себя в ходе перестройки властителями дум, журналисты тем болезненнее пережили последовавшее вскоре резкое понижение давления — чуть ли не полную утрату публичным словом его результативности. И вот теперь, лишившись эфемерного звания «четвертой власти», они потянулись к тем, кто наделен полномочиями по статусу и определению, отступили к авторитарному пониманию эффективности как права сильного.

Конечно, в подобном выборе есть элемент голосования протестного. Для большинства журналистов оказались одинаково чужды как коммерциализация, так и специализация СМИ, как деполитизация, так и дебилизация их. Не стало исключением и молодое поколение, вкусившее сезонных заработков во время предвыборных кампаний. Смирившись с тем, что без рекламы изданиям и каналам не выжить, внутреннее предпочтение редакторы отдают материалам все-таки не коммерческого, а именно политического толка — более привычным и более соприродным себе. Под них и подстраиваются постепенно многие другие рубрики. Более того — появилась целая разновидность изданий, называемых «газетами влияния».

Политизация в России чаще всего была основным ресурсом единения государства ли, общества ли, всех социальных институтов, включая СМИ.

Приблизительно так же рассматривается она отдельными идеологами и сегодня. Однако, не будучи тотально-вынужденной, как в некоторые периоды советской власти, когда журналистика чуть ли не полностью превращалась в «политинформацию», но не будучи и добровольной, как во времена перестройки с присущей ей социальной активностью населения, политизация в современном ее виде вряд ли способна всерьез ослабить дезинтеграционные процессы. Вот и получается, что, пытаясь управлять, журналистика теряет даже роль посредника и снова попадает в подчинение.

В последнее время, надеясь вернуться к гласности, она стремительно двигается по направлению к концепции «единства», и поэтому нынешняя ситуация не внушает обычного оптимизма. Вспомним: любая прежняя либерализация потому таковой и воспринималась, что возникала на фоне мрачного или удушливого семи-, пяти-, тридцати-, двадцатилетия. Сегодня же интеллигенция, пробиваясь к умеренной или ограниченной гласности, способна расстаться и с пугающими самостоятельностью, многообразием, и с постылой свободой слова. Жертвой это не считается, и тем не менее в речах преобладает отнюдь не шестидесятнический энтузиазм — усталое удовлетворение. И характерно, что интеллигенция (подмечено Б. Дубиным) впервые в аналогичных как будто бы условиях обращается не к молодежи, а по преимуществу к пожилым людям [9, с. 341].

Получается, что отечественная интеллигенция до сих пор признает для себя лишь две журналистские модели: «четвертой власти» и «авторитарную» — однокоренную — просветительской ставке на авторитеты, но на проверку оказывающуюся «инструментальной». То есть идейным оппонентом «является не идеология новейшей «тоталитарной системы», а идеология «правового государства» с «эффективной рыночной экономикой» [3, с. 118]. Может быть, потому что третьего не дано: либо «власть прессы», либо «пресс власти» — если именно такая жесткая альтернатива неоднократно возникала в заголовках сборников и конференций минувшего десятилетия?

Но третья (помимо «единства» и «гласности») концепция журналистики как раз существует. Это плюрализм, в рамках которого, по словам А. Алтуняна, «задача публициста заключается не в посредничестве между властью и обществом, а в том, чтобы быть посредником между различными идеями, между политически равноправными членами общества. <...> Эта схема предполагает неиерархическое понимание отношений между «властью — обществом — политическим публицистом» [2, с. 179]. Алтунян представляет подобные отношения в виде горизонтальной структуры и поясняет, что она «свойственна для демократий с развитым гражданским обществом», более того — надеется, что такая структура «начинает утверждаться и у нас» [2, с. 180].

Но даже если это и так, то следует признать, что приживается плюрализм в России с превеликим трудом — в силу традиций, амбиций и особенностей национальной политической культуры. Как остроумно заметил Георгий Кузнецов: «Никак мы не можем следовать общемировому правилу — "держаться с начальством на расстоянии вытянутой руки". А нам все хочется либо лизнуть, либо куснуть. Лишь бы быть замеченными» (Журналист. 2001. № 1. С. 73). Равновесие власти и общества остается утопией, хотя бы потому, что если у первой по отношению ко второму просматривается четкая стратегия, то у второго не всегда уловима даже тактика. И это понятно, поскольку

гражданское общество нам надо еще создавать. Видимо, на основе диалогичности. Конечно, слышимость на горизонтали всегда приглушена — это вам не приказы сверху, однако политико-культурное просветительство в журналистике не может иметь ничего общего с авторитарным менторством и антидемократизмом — напротив, оно предполагает склонность к медиаторству и толерантности, волю к построению целого.

Просветитель — посредник между культурой и цивилизацией. В этом — неопределенности, утопичности «третьего пути» — его слабость, и в том же — всепроницаемости, готовности к контактам с любым человеком — его сила, потому что в мире, разрываемом противоречиями национальными, конфессиональными, имущественными и образовательными, именно распространение общечеловеческих идеалов может стать потенциалом для согласованных гуманистических действий.

Катастрофическим вызовам нового века может противостоять убеждение, что на единственной нашей планете Земля «человеческая жизнь ведь всегда есть совместная, т. е. именно общественная жизнь» [22, с. 15]. Таковы, по С. Л. Франку, основы социальной философии. Отталкиваясь от крайностей как индивидуализма, так и коллективизма, он искал ту силу, которая способна объединить разнородные страты и организовать общественное мнение. Франк находил ее в первую очередь в церкви, в «соборности». Но ею могли бы стать — по причине своего особого, срединного, положения в обществе и духовно-нравственной доминанты своей деятельности — также интеллигенция, которую иногда предпочитают называть теперь культурным сообществом (см., напр.: Неприкосновенный запас. 1998. № 1. С. 2), и просветительская журналистика, прояви они устойчивое стремление обновляться. Последняя, если вдуматься, — звено совершенно необходимое — не столько промежуточное (между СМИ качественными и массовыми, которые вообще представляются многими (см., напр.: [12, с. 69]) как единственные формы современной прессы), сколько интегрирующее, связующее в структуре масс-медиа. И от того, насколько скоро просветительская журналистика вернет себе хотя бы часть былого значения, зависит общее состояние российских средств массовой информации.

Наверное, поэтому как бы ни критиковал, а подчас и высмеивал современную интеллигенцию Б. Дубин, даже он признает эту ее постоянную задачу и роль — «обеспечивать репродукцию, связность и устойчивость социально-культурного целого» [9, с. 338]. И он же, в другой своей статье, подчеркивает, что «эта опосредующая, интегративная и обобщающая, универсализирующая функция неизменно занимала одно из самых почетных мест» [9, с. 191]. В самом деле: кто, если не интеллигенты, способны эту абсолютно необходимую социальную задачу исполнить — во всяком случае интеллектуалам она явно не по нутру, да и не по плечу. Их медиа-кредо и удел — издания и каналы специализированные, элитарно замкнутые, самодостаточные. Вот почему стоит если не поддерживать, то и не отбрасывать с порога тезис Д. Л. Стровского о недооцененности просветительской миссии советской журналистики [20, с. 239—240], в особенности если мы очистим просветительство от прежних пропагандистских наслоений. Гуманистическими (нравственными, духовными), а отчасти и антибуржуазными традициями такой журналистики неплохо бы дорожить.

Видимо, долго можно спорить о том, являются интеллигенты-просветители творцами идей или сеятелями, их распространяющими; являются они разведчиками или разработчиками недр; конкистадорами, завоевателями культурных пространств или колонистами, обживающими и цивилизующими их (сравним здесь шестидесятников и восьмидесятников позапрошлого века); однако пока нам проще сойтись в следующем: журналисты (иногда весьма талантливые) выступают по преимуществу как популяризаторы и посредники. Не обязательно чьего-то определенного (например официального) мнения, но обязательно того, что существует в общественной атмосфере как неосознаваемая порой потребность, и того, что он — журналист — острее других ощущает и острее других выражает.

Библиографический список

1. *Азадовский К.* «Судьбы его печальней нет в России...»: (Еще раз о гибели русского интеллигента) // Звезда. 2002. № 7.
2. *Алтунян А.* О единстве, гласности и плюрализме // Знамя. 2001. № 2.
3. *Алтунян А. Г.* От Булгарина до Жириновского: Идеино-стилистический анализ политических текстов. М., 1999.
4. *Балашов Н. И.* Русская интеллигенция в ее классическом виде как субъект формирования живой культуры России XIX—XX веков // Культурологические записки. М., 1998. Вып. 4: Роль интеллигенции в формировании картины мира.
5. *Берлин И.* Рождение русской интеллигенции // Вопр. лит. 1993. Вып. 6.
6. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Репр. воспр. изд. 1909 г. М., 1990.
7. *Гудков Л.* Интеллигенты и интеллектуалы // Знамя. 1992. № 3/4.
8. *Дедков И.* Любить? Ненавидеть? Что еще?..: Заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей абсурдной жизни. М., 1995.
9. *Дубин Б.* Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001.
10. *Корконосенко С. Г.* Коммуникационные иллюзии в теории журналистики // Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития: Тез. науч.-практ. конф. М., 2001. Ч. 1.
11. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
12. *Мурин Д. А.* Очерк типологии деловой прессы // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 2003. № 2.
13. *Никитаев В. В.* Пресса и журналистика в рамках культуры // Вопр. философии. 1998. № 2.
14. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции: В 3 ч. // Собр.соч.: В 9 т. СПб., 1914.
15. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
16. *Померанц Г.* Фельетонизм и Кастанья // Журналист. 1997. № 12.
17. *Попова И. П.* Новые маргинальные группы в российском обществе: (Теоретические аспекты исследования) // СОЦИС. 1999. № 7.
18. *Свитич Л. Г.* Феномен журнализма. М., 2000.
19. *Солженицын А.* Образованщина // Публицистика: Ст. и речи. Вермонт; Париж, 1989.
20. *Стровский Д. Л.* Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. Екатеринбург, 2001.
21. *Фирсов Б. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века // Звезда. 2001. № 8.
22. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М., 1992.

*Д. Л. Лакербай***О МЕТАПАРАДИГМЕ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Рассматривается одна из актуальнейших проблем современного литературоведения. Анализируя различные позиции, связанные с теоретическим обоснованием истории литературы, автор очерчивает границы возможностей исследовательских подходов и предлагает эскизный вариант своей модели изучения истории литературы. Вводится также понятие «метапарадигма» и дается первичная характеристика ее составляющих.

This article is dedicated to one of the most actual problems of modern philology. Analyzing different theoretical approaches to the literary history the author outlines their limits and suggests the sketch of his own model. The term «metaparadigm» is introduced into practice and its components are investigated.

В настоящее время исследователь литературы сталкивается со значительным количеством методологических проблем, часть из которых носит общекультурный характер, а часть проистекает из специфичности объекта исследования и пограничности отдельно взятого предмета изучения, на который нередко претендуют другие гуманитарные дисциплины (во всяком случае, литературоведение вынужденно постоянно оглядываться на них). Если же ограничиться самыми общими вопросами, то можно констатировать следующее.

Традиционные теория и история литературы с их устойчивыми, исторически сложившимися системами категорий, разумеется, не могут быть «сданы в утиль» — они по-прежнему успешно работают там, где требуются собственно филологические, «профильные» исследования. Иными словами, поэтика остается поэтикой, однако современное состояние научной теории позволяет, с одной стороны, обозначить границы возможностей традиционной науки, а с другой, особенно в области истории литературы, — учитывать ее конвенциональные основания, что лишает привычные построения «автоматической» объективности и дает возможность воспринимать ту или иную «историю литературы» как «идеолого-интерпретативный конструкт», открывая его тем самым тотальной (в том числе кросс-парадигмальной) критике.

Изменился и сам модус восприятия литературы. Литература с большой буквы, аргіогі содержащая стержень духовного бытия нации и воплощенная прежде всего в пантеоне классиков, перестала единовластно определять сознание и превратилась в грандиозный, но все же, очевидно, исчерпанный в своей глобальности культурный проект. Произошла характерная для XX века историзация самого научного знания и его объекта, что (если не упираться в постструктуралистско-постмодернистские крайности) не отменяет значимости духовно-эстетического опыта, запечатленного в классике, но позволяет задуматься об исторической специфике производства культурных смыслов. Традиционная национальная история литературы ныне сталкивается с множеством вызовов, игнорировать которые — значит догматически замыкаться

в системе символов и категорий, когда-то оформивших «дисциплинарный режим» данной сферы знания (см.: [13, с. 19—20]). Эти вызовы связаны с изменением роли литературы в обществе, изменением способов ее производства, передачи и потребления, с динамикой самой культуры (достаточно указать на размывание или трансформацию оппозиций «высокое-низкое», «элитарное-массовое» искусство), с явственно обозначившейся открытостью литературы как культурной системы этой динамике, непредрешенностью литературного развития и самого содержания понятия «литература» в историческом и тем более прогностическом аспекте. Очевидно, что история литературы как традиционная научная дисциплина, то есть исследующая литературу в качестве «инструмента создания и поддержания национальной идентичности» [15, с. 159], сама есть конструкт совершенно определенной — минувшей — эпохи¹.

Определив свой предмет как область, лежащую на пересечении разнообразных практик, мы тем не менее не ликвидируем саму научную дисциплину — если осознаем потенциал и границы каждого из возможных измерений литературы, умеем «переключать» их в регистр оптимального использования, владем гибким определением своего предмета. Вопрос в том, как возможно *реально* осуществить такое понимание и при этом не потерять специфику объекта и предмета своей научной области.

Прошедшие в последнее десятилетие дискуссии выявили множество различных позиций по этому вопросу, вплоть до отрицания самой возможности теоретически фундированной истории литературы. Так, на круглом столе в «Вопросах литературы» в 1997 году позиции участников в принципе сводились к двум: 1) выделение доминирующего аспекта литературного развития и построение его истории; 2) «плюрализация» контекстов, подходов, расширение содержательной базы. Доводы «плюралистов», указывающих на невозможность традиционной «одноколейной» истории, будь то история «литературных генералов» или литературных шедевров, «больших стилей», жанров или «методов», звучали убедительнее, однако предложения изучать литературу в максимально широком контексте «поэтики культуры» [12] означали фактически отмену научной дисциплины «история литературы», поскольку, сделав предметом исследования весь культурный текст, историк литературы лишается возможности организовать свое знание в сколько-нибудь законченную картину, лишается, собственно говоря, и специфичности этого знания. В лучшем случае остается «принципиальный эклектизм», для приличий называемый «многовекторным анализом». В худшем — принципиально снимающий специфику литературного текста подход в духе «нового историзма», где тезис об «историчности текста и текстуальности истории» реализуется путем

¹ См., напр., характерный пассаж: «Модель литературной истории, принятая на сегодня в качестве «базовой», восходит к началу XIX столетия, когда романтики «застолбили» идею автономии литературы и особой ее привилегированности — способности и права представлять *целое* культуры, служить источником знаний о человеке вообще <...> Оттуда, из позапрошлого века, — расположенность нашей дисциплины к построению всеобъемлющих систем (чем обобщеннее, тем концептуальнее), причинному объяснению явлений (происхождение — ключ к сущности, преэссенциальность — основополагающий принцип), подчеркнутой объективности, научности языка и стиля» [5, с. 13].

ликвидации специфической иерархичности исследуемых объектов (условно говоря, «Шекспир» здесь не имеет преимуществ перед «сапогами»)².

Очевидно, что правомерен вопрос: не коренится ли действительная причина методологической неразберихи не столько в гносеологической рефлексии и релятивизации знания, сколько в нашей неготовности принимать вызовы современности и при этом отстаивать принципы научной рациональности? Ведь «любые штудии во внелитературных рядах имеют смысл для литературоведа, лишь пока они могут объяснять нечто в системе литературы» [2, с. 179—180]. Иными словами, кризис историко-литературной методологии — это и кризис познавательных моделей, невыстроенных либо вошедших в конфликт с новой реальностью.

С точки зрения «здравого смысла» уместен минимизирующий теоретические трансформации «позитивистический академизм», основанный на убеждении, что «проблемные новации» по-настоящему продуктивны лишь на базе «бесконечных подсчетов» и концентрического расширения контекста вокруг изучения «ядра» — поэтики: «Конечно, в книге об истории литературы эти бесконечные подсчеты не будут красоваться на виду, а прячутся в примечания, в приложения, в библиографические ссылки. В текст пойдут выводы и обобщения. А вокруг этих выводов и обобщений по основной части литературы, по поэтике, будет все, что относится к бытованию и окружению литературы и что редко включалось в традиционную историю литературы» [6, с. 144—145]. По сути дела, предлагается оставить основной объект в покое и расширять периферию. Каждый из двух подходов — «расширительная» трансформация объекта и расширение только периферии — уязвим уже в первом приближении.

Во-первых, научная дисциплина, в процессе своего исторического складывания оформляющая объект, предмет, методы в рамках дисциплинарной онтологии, не может механически расширять свой объект до бесконечности, да еще за счет присвоения предметов исследования других наук. Ведь эти разноплановые и разнокалиберные предметы есть не феномены действительности, а конструкты других научных дисциплин, своей гетерогенностью способные уничтожить специфику объекта истлита. Во-вторых, если истлит есть исторически обусловленный нарратив, а не абсолют, деформация и трансформация его *в любом случае неизбежна* (иначе мы тотализируем один вид научного дискурса, один идеологически-интерпретативный конструкт, отменяя все возможные остальные или отводя им сугубо факультативную роль на весьма сомнительных основаниях), а вторжение множества гетерогенных объектов делает эту трансформацию абсолютно беспорядочной и лишает ее смысла, о чем и говорят как о конце единой истории литературы. Но ведь и множества разных историй литературы так же не выходит, так как потеряны конституирующие признаки нарратива — выходит множество историй совершенно разных вещей. Подобная «междисциплинарность» означает лишь сочетание все более узкой специализации с абсолютно сво-

² См. критику подобных воззрений: «Худо, если, изучая в тексте культуры бытовое явление, мы не ощущаем его ценностного различия с литературным фактом. Это худо не только для того, кто занимается литературой. Невозможно достоверно исследовать "текстуальность истории", не отдавая себе отчета в специфике текстов, ее составляющих» [14].

бодным сочетанием таких специализаций. Очевидно, что оба варианта изучения истории литературы в «широком контексте культуры» — и радикальный, и периферийный — не решают, а только ставят всерьез вопрос о *конфигурации современного теоретически фундированного истлита*, и, например, весьма продуктивное в целом разграничение «центра» и «периферии» само нуждается в обосновании и прояснении. Иначе единственной опорой и аргументом остается лишь сам сложившийся исторический облик науки (который и нуждается в новом обосновании).

Пограничность и гетерогенность объектов истории литературы вынуждает искать ответ на вопрос, как совместить, используя одну теоретико-методологическую базу, изучение поэтики текста, истории его рецепции, творческой биографии автора, внутрисистемных жанровых трансформаций, идеологической и психологической мотивации, механизмов социокультурной динамики и т. п., как вообще соединить эстетическое и историческое (социальное) измерения литературного творчества. К тому же несколько советских литературных эпох, когда были подвергнуты ревизии основные представления о художнике и тексте, до предела проблематизировали «поле русской литературы XX века», заставив учитывать множество, казалось бы, «экстра-литературных» реалий, для которых (а более всего для последствий которых) в традиционной науке не оказалось адекватного теоретического и методологического инструментария³. Сам процесс развития науки, тем более гуманитарной, с неизбежностью ведет к пониманию относительности разных участков ее объяснительной базы, их опять-таки неизбежной ограниченности в истолковании фактологически и аспектуально нового. Кроме того, нельзя не учитывать процессы на метауровне — в данном случае глобальный кризис исторического познания как такового, проблематизирующий саму возможность адекватных историко-литературных построений. «Объективность или трансцендентность истории — мираж, ибо историк сам вовлечен в дискурсы, с помощью которых он конструирует исторический объект. Не сознавая этой вовлеченности, история оказывается лишь проекцией идеологии» [11, с. 258—259].

Конечно, «исчезает» в качестве опоры прежде всего «История» как некое единое целое, наделяемое полнотой значений культуры и воплощающее национальную идентичность. Такая «История» может существовать лишь в форме всеобъемлющего нерационализируемого нарратива, монолита, исключаяющего ее многомерное, конструктивное видение, альтернативные концепции, «представление об истории как *историзации*, ставящей под вопрос однозначность любого случившегося (случилось что? произошло с кем? увидено в чьей перспективе? описано как? подтверждено чем? а стало быть, *об истории чего* и *о чьей истории* идет речь?), подрывающей догматизм каких бы то ни было окончательных определений реальности» [8, с. 213]. Подрыв «Истории» может быть осуществлен с разных сторон, например с точки зрения философии культуры. Вслед за В. Беньямином, Т. Адорно, М. Фуко современные исследователи культуры говорят о «гуманитарной

³ Собственно говоря, по замечанию Х.-Р. Яусса и его коллег, симптомом неадекватности традиционных интерпретативных моделей является тот момент, что истолкование фактов, выходящих за нормы традиционной поэтики, осуществляется в негативных категориях [17, с. 34—35].

археологии», важнейшая особенность которой в том, что прошлое доходит до нас, «выпав из тех смысловых цепочек, в которые оно было заключено <...> как странное нагромождение фрагментов, которые мы стремимся включить в континуум наррации». Как следствие, «артефакты оказываются одновременно включенными во множество связей, они располагаются в нескольких временных слоях» [16, с. 77].

Можно сказать, что традиционный облик истории литературы подрывается с обеих сторон: и литература, и история на глазах превращаются в гетерогенные проблемные поля, причем «подрывные» усилия напоминают своеобразное перетягивание каната. «Предполагается, что для того, чтобы вписать литературный текст в историко-литературное повествование, его необходимо достаточно жестко структурировать, сделать тождественным самому себе. Если же считать, что литературность текста предполагает его несводимость, принципиальную незавершенность, смысловую открытость и т. п., то подобное историко-литературное структурирование должно восприниматься как недопустимая редукция» [15, с. 161].

Таким образом, если «общепримиряющая» история литературы невозможна, а замена ее «множественными историями ее производства и восприятия», «институтом литературы», «поэтикой культуры» означает в конечном счете отказ от специфики литературы как таковой, игнорирование ее аксиологической — важнейшей! — стороны, то можем ли мы, оставаясь внутри научной дисциплины, перестать быть «ортодоксами»?

Всегда велик соблазн (и он никогда не исчезнет) найти «волшебную палочку», взмахом которой можно разрешить если не все, то хотя бы важнейшие проблемы. Подобные попытки внутри дисциплины обычно связаны с изменением исследовательского ракурса, переноса акцентов на то, что считалось периферийным; «междисциплинарные» — с включением самой дисциплины в проблемное поле какой-либо «универсальной» методологии. Последняя из собственно литературоведческих попыток (и поныне весьма авторитетная) — рецептивная эстетика; для примеров второго рода показательна социология П. Бурдые. В первой, поставившей во главу угла «горизонт ожидания» текста и читателя и «эстетическое отклонение», «намечался некий синтез социальной истории, эволюции приемов и генезиса текста — сопряжение, которое можно было бы признать идеальным, если бы на практике все не вернулось в привычную колею: история литературы — это история великих писателей, тех, чье величие определено смелостью "отклонения". Еще проще — это история корифеев модернизма» [9]. П. Бурдые вводит литературный текст и его автора в широкое поле производства и функционирования символических значений внутри конкретного социума с его экономическими интересами, борьбой за власть и т. п. Это понимание авторов, критиков, издателей и прочих как агентов специфического культурного производства, существующих в социальном пространстве «поля литературы», занимающего подчиненную позицию внутри «поля власти» (что, разумеется, более чем актуально для советских литературных эпох). Бурдые утверждает, что «избежать выбора между имманентной философией эволюции литературных систем (науки, искусства, литературы и т. д.) и концепцией, называемой иногда социологической, которая объявляет движущей причиной изменений "социальные силы", можно только при условии ясного различения между:

— с одной стороны, пространством произведений, понимаемых в их взаимоотношениях, т. е. понимаемых как историческая структура осуществляемых в определенный момент манифестаций;

— и, с другой стороны, пространством социально институированных позиций, которые конституируют поле производства как силовое поле и поле борьбы за трансформацию сил» [3, с. 42].

От Вебера до Бурдьё социология знания обращалась к этой «загвоздке» — дуализму в объяснении явлений культуры. Для историка литературы данная проблема — краеугольная, и ее можно обозначить как **проблему сопряжения литературного текста и социально-исторического контекста в их специфической иерархичности** (и немедленно возникающие при этом проблемы традиции, ценности, автономности творца и его произведения и пр.). Решает ли ее социология литературного поля? Рассматривая литературные тексты как манифестации социально обусловленных позиций, анализируя процессы символического обмена между агентами поля литературы и т. п., мы получим массу необходимых сведений — однако не решим главную проблему, поскольку предметом исследования может стать даже «эволюция литературных систем» (разумеется, социологически интерпретированная), но не сам текст в его эстетической сути, не сама аксиологическая проблематика, **в принципе ни к чему иному не сводимая и ни из чего однозначно не выводимая.**

Пожалуй, главный «грех» любой теории и любого теоретика — абсолютизация метода; ошибка всегда состоит прежде всего в желании найти единственный ключ, знаменатель, интеграл, т. е. в неспособности ограничить неизбежный тотализирующий потенциал теории. Отношение литературоведов (да и читателей) к теории подытожил А. де Компаньон: «Да, конечно, автор умер, литература не имеет ничего общего с внешним миром, синонимии не существует, все интерпретации действительны, канон ничем не обоснован — однако мы продолжаем читать писательские биографии, сопереживать романному герою <...> по-прежнему ставим "Госпожу Бовари" выше, чем "Фанни"..." [11, с. 299]. И далее принципиальный вывод: «У теории есть своя истина, которой она и привлекает, но только это не вся истина <...> Единственно последовательная теория — та, что не избегает задавать вопросы самой себе, критически пересматривать свой собственный дискурс» [11, с. 302]. «Самокритичность» теории — это понимание ее не как догмы, а как «приключения», нового теоретического сюжета, призванного помочь увидеть еще не увиденное и «развернуть» накопленное знание в новом ракурсе, отвечающем требованиям времени.

Гетерогенность поля литературы вкупе с неизбежной проблематичностью историко-литературного нарратива заставляют искать новые точки опоры, новые принципы систематизации накопленного знания. Каковы предвратительные условия этой систематизации?

1. Как совершенно точно пишет В. Б. Земсков, «История» и «История литературы» — «это часть культуры, часть цивилизационной парадигматики, причем часть активнейшая, изоморфно отражающая ее черты и влияющая на культуру...» [10, с. 10]. При таком подходе объект любой гуманитарной науки оказывается многоуровневой системой культурных смыслов, взаимообуслов-

ленность которой заставляет мыслить категориями «неклассической» науки⁴. Иными словами, не «как это было» и «что это значит (вообще)», а «что это значит в определенной культурной системе», «как возникают и взаимодействуют сами значения» и т. п. Исследование процесса смыслопорождения распространяется в полной мере и на саму науку, а зависимость культурных смыслов от матричных оснований культуры автоматически ставит вопрос о герменевтически корректной позиции исследователя.

2. Эта цивилизационная (культурная) парадигматика, поставляющая исследователю не «истины», а «смыслы» (концепты смыслов, по Ю. С. Степанову), «расслаивается» на объекты гуманитарных наук, каждая из которых формирует свое концептуальное ядро, периферию и пограничные области. Проблема, однако, не в столько в том, где это ядро (здесь исторически сложившийся образ науки с ее универсалиями — главный источник смыслов), сколько в решении проблемы гетерогенности всего нашего объекта, т. е. как это исследовать, как создавать и применять непротиворечивую теорию, позволяющую изучать (внутри объекта) социальное (историческое) и эстетическое в их специфической иерархичности. Ответ, очевидно, в том, как мы понимаем природу и структуру объекта.

Гетерогенность объекта истлита означает его много- и разноуровневость. Литературу как феномен (а следовательно, и истлит) составляют не жестко очерченные конструкции найденных и застывших знаний, а динамичные культурные поля разного происхождения и, что самое главное — представляющие в разной комбинации разные слои реальности, какой она открывается человеку — социальная, психологическая, эстетическая, лингвистическая и пр. Можно ли в интересах научной дисциплины пронизать, сшить эту зыблемую, как море, меняющую на трудноощутимых границах (и не только) свои характеристики, словом, неоднородную среду единой жесткой системой универсальных понятий и координат, везде работающих хотя бы с одинаковым эффектом искажения? С точки зрения современной науки ответ скорее «нет», чем «да», и чем жестче такая координатная сетка, тем больше истлит становится «комнатой смеха», тем уязвимей и привлекательней для деконструкции, которую нельзя просто игнорировать и которую «нормальная» наука должна научиться использовать как вакцину от самой деконструкции.

3. Соответственно, невозможность единой концептуальной сетки для гетерогенного объекта требует «расслоить» объект далее, аспектализировать его, разделить на проблемные поля, т. е. *прежде* немислимого пока синтеза заняться анализом — и мы являемся свидетелями несомненных успехов на практически любом из проблемных полей, идет ли речь об интертекстуальных связях, истории поэтического языка, исследовании взаимоотношений власти и литературного истеблишмента и т. п. Дифференциация предметов изучения и категориального аппарата между разными проблемными полями

⁴ «...В неклассической науке квантом знания становится не истина, как было в пределах декартовской логики, а компромиссный квант знания — *смысл* — в котором соединяются субъективное и объективное, универсальное и частное, особенное, свойственное той или иной культуре, традиции, цивилизации <...> Культура в своем развитии производит исторические факты, но таковыми они становятся только в ее интерпретации или в интерпретации другой культуры, видящей их сквозь свою категориальную "сетку"» [10, с. 8].

(а то и внутри) доходит до абсолютной степени, но ведь можно взглянуть и с другой стороны: многообразное «спецификаторство» наших «штудий», соответствующее многообразию изучаемых (конструируемых, конституируемых) реальностей, в принципе успешно как научная профессия и ущербно как универсалистская претензия — но можно ли однозначно утверждать, что все это богатство нельзя *никак* систематизировать, что нельзя построить — на новых принципах — исследовательскую метапарадигму, соответствующую реалиям «неклассического» мира и «неклассического» знания? Очевидно, именно такие попытки — не тотализирующие прежние универсалии, но и не игнорирующие их — могут привести к прогрессу научной теории.

4. Как может выглядеть набросок подобной метапарадигмы для историко-литературных исследований? Предлагаемая ниже модель заставляет, конечно же, поразмышлять над неоригинальностью нашего мышления, но это к слову. Суть модели — в отказе от универсальной категориальной сетки и от универсального (доминантного) ряда признаков или феноменов (будь то жанры или «шедевры»), в признании невозможности любой одноплановой «формы истории» (идет ли речь об истории литературы как воплощении национального бытия, как борьбы за свободную личность и т. п.); сохраняется разделение историко-литературного массива на проблемные поля, а в пределе — на уровни, где возможна одна система координат, одна категориальная сетка или, по крайней мере, один набор соотносимых признаков (релевантных в центре и «размываемых» ближе к границам). Удобнее всего такой уровень представить с помощью бинарной оппозиции с традиционно («логоцентристски») маркированным первым членом; проблема, следовательно, заключается в необходимости упорядочивания уровней, постулировании их относительной внутренней гомогенности и промежуточности «зоны перехода» между ними.

Наша модель представляет собой пятизвенную конструкцию: «социум — автор», «автор — текст», «текст — значения», «значения — рецепции», «рецепции — социум». Каждый уровень (может быть, кроме третьего) обладает собственным моментом внутреннего развития, т. е. собственной историей, а вместе они как бы «закольцовывают» изучение объекта. Велик соблазн объявить в таком случае объект некоей «целостностью» (по аналогии с «целостностью» художественного текста) или свести его изучение к некоей «спирали», но мы от этого воздержимся, памятуя, что умножение абстрактных сущностей без крайней необходимости неуместно. Абсолютизация «целостности» (синхрония) и «спирали» (диахрония) приведет к той же одномерности, от которой мы стремимся уйти. Кроме того, существует достаточно «гитик», не соотносимых с нашими уровнями и представляющих собой совершенно самостоятельные отрасли литературоведческого знания. Надо ли их вообще стремиться отобразить в рамках «большой» истории литературы или они «ветвятся» от главного ствола самостоятельно — вопрос в каждом случае отдельный⁵. Очевидно, что наша модель ориентирована прежде всего на три основополагающие области: «пространство авторов»,

⁵ Есть, наконец, вопросы, требующие отдельного разговора, в идеале построения собственной метапарадигмы. Это крупные единицы литературного развития, т. е. литературные направления и школы. Как соотносятся «история авторов» и «история школ» — вопрос краеугольный.

«пространство текстов» и «пространство рецептов» или, иначе говоря, триаду «автор — текст — читатель», где два крайних члена необходимо помещены в социокультурное измерение, а центральный компонент отличается от самого себя в зависимости от того, с какой стороны и кому открывается (так и возникает пятизвенная модель).

Возникающие на каждом уровне «истории» соотносимы и, более того, взаимосвязаны посредством общего компонента, немаркированного («слабого») на одном уровне и маркированного («сильного») на другом. Фактически образуются четыре тернарные системы («социум — автор — текст», «автор — текст — значения», «текст — значения — рецепты», «значения — рецепты — социум»), где центральный компонент является медиатором, переходной зоной, *по-разному* ориентированной на предыдущий и последующий уровни. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Первый уровень («социум — автор») можно назвать *социобиографическим*, т. к. он описывает взаимоотношения социума (эпохи, власти, среды, культуры в широком смысле слова) и биографического автора, т. е. живого человека, строящего свою жизнь и литературную биографию внутри современной ему исторической эпохи. Понятие следующего уровня — «текст» — здесь присутствует лишь опосредованно, как свидетельство, имеющее отношение к авторской судьбе (не текст, но его «эхо» в судьбе — «как аукнулось»). Именно здесь, на наш взгляд, наиболее успешно «работает» социология литературного поля П. Бурдьё, начиная с базового принципа: если поле автономно, релевантны внутренние законы литературного развития; если нет — исследуются характер и способы влияния поля власти на литературу (где, когда, как, в какой степени власть трансформирует эстетические условия, намерения, акции в политические). Соответственно удобны для использования понятия габитуса и траектории — или любые другие термины, описывающие *социокультурное измерение писательского менталитета и писательского пути*. Совершенно не обязательно заимствовать весь категориальный аппарат Бурдьё, тем более на данном уровне (в его терминологии, мы здесь используем главным образом «пространство авторов»; для «пространства текстов» отводится скорее пятый уровень). К категориям и понятиям Бурдьё, делающего акцент на макросоциологическом, массово-закономерном, необходимо добавить категории и понятия, акцентирующие неповторимое, индивидуально-личностное начало. И такая категория существует — это категория *творческого поведения*. Ведь последнее можно осмыслить как результат рефлексии художника над своей диспозицией и траекторией в литературном поле, их осознанную корректировку (разумеется, это не единственный вариант). Творческое поведение — это *постоянно осуществляемый выбор*, и не где-нибудь, а на стыке эстетической и политической реальностей, в личностной зоне контакта полей литературы и власти. Как и тексты (а на данном уровне реагируя на «эхо текстов»), творческое поведение аккумулирует значительный символический капитал. Результатом осмысленного, *самостоятельного* (в смысле «самостоянья человека») творческого поведения является писательская биография в ее сущностном смысле — как отрицание творческой «страдательности» и автоматизма, как отражение индивидуально-неповторимого пути в истории и культуре, как полноценная личностно-творческая История внутри Истории большой. Соответственно там, где

внешние факторы, внутренняя слабость или ошибочность личностного выбора делают творческое поведение недостаточно самостоятельным или вообще оставляют несформированным, размывается и биография как таковая, совпадая со всевозможными «генеральными линиями» или представляя собой конъюнктурные либо мучительно-вынужденные выражения вокруг нее. Так, можно сказать, что большинство советских писателей в этом смысле лишены биографий, либо последние расслаиваются, теряют внутреннее единство и четкие очертания (литературно-чиновничья карьера Фадеева не есть полноценная писательская биография, но и его тайные страдания — тоже; пожалуй, биография Фадеева закончилась в начале 1930-х, дала о себе знать в годы Великой Отечественной войны и ярко проявила себя лишь выстрелом).

Однако построение так понимаемой биографии не исчерпывает потенциал второго члена оппозиции. Наличие биографии есть еще и знак того, что исчерпаны возможности первого уровня и «автор» нам необходим в другом своем качестве — как создатель текстов (соответственно на переходе между социумом и текстами выполняя функции медиатора).

«Автор» *второго уровня* отличается от себя же «биографического» и маркированностью в качестве «сильного» члена оппозиционной пары. Смысл этой маркированности в следующем. Немаркированность «автора» первого уровня означала его *исходно* слабую позицию по сравнению с доминирующим «социумом», который осуществляет разноплановое давление. «Автор» первого уровня еще *должен*, оказывая осмысленное сопротивление этому давлению, сформировать свое творческое поведение и заработать право на биографию — тем самым и право рассматриваться как самостоятельный творец, не позволяющий социуму влиять на свои тексты *напрямую*, минуя константы художественного универсума автора. «Напрямую», конечно, не означает игнорирования канонизированной (или господствующей) в данный период эстетической системы — речь идет о мере и степени самостоятельного осмысления и выбора по отношению к ней (совершенно не обязательно «против»).

Именно заработанное право восприниматься в качестве полноценного творца (а не в страдательной роли или конъюнктурной гибкости) «закрывает» первый и «открывает» второй уровень, *где властвует автор-творец, а социуму отведена роль «эха»*. Разумеется, конкретные характеристики всех авторских ипостасей (рецептор, медиатор, творец и т. д.) — задача конкретного исследования.

На втором уровне открывается простор для исследований разного рода — от эстетико-психологических до текстологических. Важно то, что этот уровень содержит в себе стадию «замысла», но не в хронологическом, а в структурно-содержательном плане. Вектор, шедший на первом уровне от социума к автору, теперь ведет от автора к тексту (т. е. речь о том, *что несет автор тексту, что вносит в него*), и здесь релевантны такие понятия, как «художественно-психологическое задание» (грубая формулировка для целостного, нерасчлененного комплекса эстетической и психологической мотиваций — варианты содержательного наполнения могут быть различны, например психоанализ), «идейно-эстетическая концепция» и т. п. Понятия могут здесь акцентировать различные стороны творческой авторской субъективности, подчеркивать различную степень осознанности творческого «вклада», но

в целом это зона традиционного литературоведения, и здесь мы располагаем и традициями, и научным аппаратом, и достижениями.

К данной зоне относится и третий, можно сказать, «ядерный» уровень — *текст — значения*. Это уровень поэтики текста (в терминах рецептивной эстетики, «разворачивающей» текст к возможности прочтения, — «горизонт ожидания текста»). Целое текста, на предыдущем уровне рассматриваемое как результат намерений автора-творца и — на переходе — как медирующая зона, теперь анализируется в качестве *структурно-смыслового потенциала завершенного текста*. Иными словами, на протяжении первого уровня исходно самостоятельный «социум» «передавал» свою самостоятельность «биографическому автору», превращающемуся в «автора-творца»; на протяжении второго уровня «автор-творец» — тексту-объекту, становящемуся «текстом-в-себе» и «текстом-для-себя»; на протяжении третьего «текст-для-себя» — вееру своих значений. Это глубинно-филологический уровень анализа — исследования взаимоотношений текста с самим собой, исследования в том числе самой типологии художественного слова. Разумеется, дискуссионен вопрос, существуют ли реально эти значения без читателя, поскольку читателем *реально* выступает литературовед, но наличие самого уровня теоретически и методологически неизбежно — это то самое абстрактное ядро филологии, без которого она теряет строгость научной дисциплины. Именно здесь приходится делать главное допущение, но без вопроса «как это сделано, почему оно работает и что может означать в принципе», дальнейший путь невозможен. Глубинный уровень науки оказывается средоточием ее основных абстракций, «сухим остатком». Однако это не абсолютно изолированный участок, поскольку из предыдущего и последующего к нему идет сложное «эхо», в частности, четвертый уровень готов превратить «горизонт ожидания текста» в «горизонт ожидания читателя».

Если на третьем уровне претензии рецептивной эстетики можно и оппорить (в частности представление о невозможности самого художественного смысла без конструирования его читателем, без читательского сотворчества), то *четвертый уровень* как раз и акцентирует момент рецепции, вернее рецепций, и здесь уместен категориальный аппарат рецептивной эстетики. Однако необходимо отметить, что последняя эксплуатирует преимущественно герменевтико-феноменологическую методологию, исследуя формирование и выстраивание *актуального художественного смысла (АХС)*. Критический взгляд на его соотношение со *смысловым потенциалом текста (СПТ)* проясняет ущербность универсалистских претензий рецептивной эстетики (имеется в виду прежде всего «ядерный», третий уровень): АХС есть реализация в читательском сознании некоторой части СПТ, а точнее новый комплекс значений, в котором синтезированы и трансформированы эта часть СПТ и обобщенный читательский опыт данной эпохи; отсюда понятно, что любой ряд таких прочтений не представляет собой ни весь СПТ, ни вообще СПТ, поскольку это ряд проекций СПТ на читательское сознание, ряд *отличных* от СПТ комплексов значений, которые в истории литературы явлены нам с помощью современной данным прочтениям литературной критики (ибо критика занимается именно АХС, т. е. проекциями СПТ на ось истории); литературовед же, как правило, работающий постфактум, *восстанавливает*, насколько это возможно (используя разные источники, в том числе и выстро-

енные с помощью критики ряды АХС), искомый СПТ — *вечно искомый и никогда константно не определяемый* СПТ, нераздельно-неслиянный со своими историческими обличьями. СПТ не «математическая абстракция» от АХС, он — *гарант существования бесконечного ряда АХС*, т. е. изначально наделен базисным свойством, которое *передает* своим проекциям.

Рецептивно-эстетическая методология должна быть скорректирована и с другой стороны — социокультурной, на что неоднократно указывалось [7, 8]. Таким образом, вписывая данную объяснительную систему в нашу метапарадигму и располагая ее на четвертом уровне, мы должны дополнить ее «эхом» соответственно из третьего и пятого уровней: из третьего (прежде всего в пограничной области) АХС корректируется СПТ, из пятого идет конкретизация авторитетных рецепторов (влиятельных критиков и читателей) в качестве «канонизаторов», т. е. указание на социокультурную составляющую рецепции.

Соответственно, *пятый уровень* возвращает нам социум, но уже не со стороны автора, а со стороны канонизированных рецепций текста. Это уровень массового чтения и преподавания, школьной программы и газетных выступлений, уровень *готового смысла*, легко адаптируемого к нуждам момента. Литература здесь окончательно становится местом не *производства* смыслов, но их *потребления*, причем в виде расфасованной продукции, т. е. чем-то вроде супермаркета, где элитарное от массового отличается не по существу, а по упаковке. Разумеется, живой частный читательский опыт (меньшинства читателей) все время «рвет упаковку», стремится — на уровне ощущения — вернуть тексту первородную свободу, но это временное освобождение, даже если оно и происходит, не в силах повлиять на канонизированные блоки значений. Мы часто ругаем школьных учителей и школьный подход к искусству, но происходящее неизбежно: социум, чтобы «переварить» продукт индивидуального художественного творчества, должен его функционализировать, сделать не более чем деталью или инструментом социального механизма, исчисленной и проверяемой ячейкой Готового Смысла.

И последнее замечание. И рецептивная эстетика, жестко увязывающая само производство смыслов в литературе с деятельностью читателя, и Бурдье, еще более жестко указывающий на онтологическую и аксиологическую неабсолютность художественного текста [4], переносят акцент с креативно-игровой (освобождающей дух и утверждающей его высшую свободу — свободу демиурга и «само-стоянья») сути творчества на неизбежную его социокультурную детерминированность — *однако эта детерминированность одна не в силах породить настоящее искусство* (впрочем, статус и ценность такого искусства оказываются в данных объяснительных парадигмах под вопросом, причем *независимо* от позиции исследователя) и, таким образом, даже будучи всеобъемлющей по охвату, *неизбежно является периферийной по сути*. Эта старая проблема необходимости и свободы иллюстрируется искусством в смысле нераздельности-неслиянности обеих, в чем и состоит глубокий (не явленный самому автору вышеизложенной схемы изначально, но, очевидно, неотменимый на уровне непосредственного отношения к тексту) смысл нашего новоизобретенного колеса. Настоящее искусство не может существовать без заключенного в нем ресурса бесконечности и опыта свобо-

ды, поэтому социально-историческая конкретика, безраздельно властвующая на окраинных областях искусства (первый и пятый, отчасти второй и четвертый уровни нашей схемы), *теряет свои права* по мере приближения к центру. Последний выглядит абстракцией — и для теории таковой и является, *будучи тем самым неисследимым источником художественности текста*. Бремя неизбежной историчности и социальности, лежащее на плечах художника и его текста, и чудо творчества, чудо искусства — *противоположные полюса* объекта нашей науки (она же церковь, как и любая наука), и если один является добычей журнализма в широком понимании этого слова, то второму, излучающему свет, каждый причастный может подыскать собственное наименование — Пустота, Красота, Благо. А может быть, Бог.

Библиографический список

1. Берг М. Литературократия: Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000.
2. Богомолов Н. Несколько размышлений на заданную тему // НЛО. 2003. № 59.
3. Бурдые П. Поле литературы // Новое лит. обозрение. 2000. № 45.
4. Бурдые П. Исторический генезис чистой эстетики. Эссенциалистский анализ и иллюзия абсолютного // НЛО. 2003. № 60.
5. Венедиктова Т. О пользе литературной истории для жизни // НЛО. 2003. № 59.
6. Гаспаров М. Л. Как писать историю литературы // НЛО. 2003. № 59.
7. Гудков Л. Социальные механизмы динамики литературной культуры // Тыняновский сб.: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990.
8. Гудков Л., Дубин Б. «Эпическое» литературоведение. Стерилизация субъективности и ее цена // НЛО. 2003. № 59.
9. Зверев А. [Рецензия] // НЛО. 2002. № 54. Рец. на кн.: Компаньон А. де. Демон теории: Литература и здравый смысл. М., 2001.
10. Земсков В. Б. Жанр «Истории» и ловушки исторического и историко-литературного знания на рубеже тысячелетий // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2003. Т. 62. № 3.
11. Компаньон А. де. Демон теории: Литература и здравый смысл. М., 2001.
12. Кондаков И. От истории литературы — к поэтике культуры // Вопр. лит. 1997. № 2.
13. Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001.
14. Шайтанов И. «Бытовая» история // Вопр. лит. 2002. № 2.
15. Щербенок А. История литературы между историей и теорией: История как литература и литература как история // НЛО. 2003. № 59.
16. Ямпольский М. История культуры как история духа // НЛО. № 59.
17. Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // НЛО. 1994. № 12.

Н. Л. Ермолаева

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ОЧЕРКАХ И. А. ГОНЧАРОВА

Автор статьи уточняет существующие в литературоведении представления о своеобразии религиозности И. А. Гончарова, анализируя христианские мотивы и образы в малоизвестных и почти не изученных очерках писателя разных лет; при этом затрагивается проблема творческой эволюции художника.

The author of the article develops the present-day literary view of the specific religiousness of I. A. Goncharov and proves it with the analysis of christian motives and images in his little known and practically unstudied short stories of different years touching upon the problem of the evolution of his creative work.

В исследованиях, посвященных религиозности И. А. Гончарова, предметом внимания ученых являются в основном его романы и переписка. Однако для освещения этой проблемы большой материал предоставляют и его очерки. В отличие от его романов, где герои живут в атмосфере скрытой религиозности, «не в религиозной, а скорее в культурной сфере» [6, с. 143], в очерках на первый план выдвинута проблема веры. Это такие произведения, как «Два случая из морской жизни» (1858), «Через двадцать лет» (1874), «Превратность судьбы» (1891). В первом из них, появившемся в печати в альманахе для детей и юношества «Подснежник» и своим содержанием очень близком «Фрегату "Паллада"», художник, может быть, впервые в собственном творчестве, сравнивает и противопоставляет образ жизни человека в культурной среде с образом жизни христианским. Уже в первой строке заявлена тема жизни. Автор ставит вопрос перед читателем: «Что это за *морская жизнь*¹: разве жизнь не одна, а много...» [5, т. 7, с. 88]. И вся первая часть (а произведение поделено на три части) посвящена рассуждению о том, чем же морская жизнь отличается от жизни на берегу, что имеет общего с ней.

Главное на море — это быстрое взросление, своеобразное духовное преобразование человека, которое Гончаров связывает с отказом от светских, то есть *западных*, форм жизни. Они проявляются в поведении, соответствующем нормам приличия. Автор намеренно вводит в очерк иностранные слова, указывает на занятия, мода на которые пришла с Запада: поездки «к *mon oncle* или *ma tante*² на танцевальный класс», катание на коляске или верхом, занятия с нянькой-англичанкой, «приезд кузены и кузин, театр, сюрпризы: перед рождеством елка, подарки...» [5, т. 7, с. 88—89]. Своеобразным символом этой жизни в произведении становится юмористически представленный образ «безносой» статуи Славы на островке пруда.

Светские, западные формы жизни оценены как внешне привлекательные, но духовно бессодержательные, они порождают дух разъединения меж-

© Н. Л. Ермолаева, 2004

¹ Здесь и далее курсив в цитатах И. А. Гончарова.

² Дядя, тетя.

ду людьми, нравственные изъяны. Морская жизнь предполагает освобождение от пороков: «На море... не надо играть чувствами... не надо остерегаться и держать, как говорят на берегу, "камень за пазухой" против явного и тайного врага... вражда превращается в дружбу... ссоры невозможны... там целое общество... живет одною жизнью, часто одною мыслию, одними желаниями...» [5, т. 7, с. 93]. Духовное преображение человека происходит во многом по причине ощущения близости к Богу: «Кто на море не бывал, тот богу не маливался, говорит пословица: да, это правда; но не от страха молится на море человек, а оттого, что ближе чует бога над собою и явственнее видит чудеса его руки» [5, т. 7, с. 91].

Западная и античная темы в очерке противопоставлены теме русской, осмысленной как тема христианская. С античной темой связана в очерке и тема судьбы. Само слово «судьба» появляется впервые в повествовании о девушке, принадлежавшей богатой семье, но прожившей жизнь в нищете: «Как изменчива судьба!» [5, т. 7, с. 94] — восклицает автор. И далее слово «судьба» оказывается в одном ряду со словами «случай» («Это, конечно, случай не из морской жизни», — говорит Гончаров о судьбе девушки), «участь» («Кто знает, какая участь постигнет вас!» — обращается он к читателям), «несчастье» («Но боже меня сохрани быть, быть... oiseau de mauvaise augure»³ [5, т. 7, с. 94], — спохватывается автор). Он уверен, что судьбу как злой рок можно накликать. В очерке судьба окажется сродни смерти. Их сближает неожиданность проявлений и обманчивая привлекательность. Рассказчик стремится убедить юного читателя в том, что судьба дает уроки, к которым необходимо прислушиваться, относиться серьезно.

Гончаров относится к судьбе как к мифологеме, принадлежащей эпохе дохристианской, мифологеме «по преимуществу темно-иррационального начала бытия, таящегося в его хаотических глубинах» [12, с. 29—30]. Он не пренебрегал этим понятием как принадлежащим сфере непросвещенного, обывательского сознания и был далек от убеждения, что человек — хозяин своей судьбы. В отличие от романтиков его не интересует, что там, за гробом. Как истинный христианин писатель противопоставляет судьбу Промыслу Божию. Судьба губит, а Промысел Божий спасает, — так думает художник, и это убеждение сближает его с народом. Вера в то, что к спасению во время бури мореплавателей ведет Промысел Божий, наглядно выражена в произведении. Во второй и третьей его частях на первый план выдвинута проблема соотношения свободы воли человека и Промысла Божия, высказана идея сотрудничества человека и божественной энергии в деле спасения. Автор утверждает, что божественная воля действует через человека, через соборную совокупность людей.

Уже в первой части очерка судьба противопоставлена Богу. Вот как описывается море ночью: «...Зато в тихую погоду вы не сойдете с палубы вниз, не устанете смотреть на море, на небо, особенно на небо! <...> светила разбросаны, как песок, и каждая звезда светит своим особенным блеском, ярким, нежным, разноцветным. Никакой хрусталь, никакие брильянты не сверкают такими огнями, ни на какой картине не увидите вы таких красок, какими горит небо, и днем, и ночью! <...> Как горячо вы будете там плакать и молиться, когда будете стоять лицом к лицу с этими роскошными чудесами

³ Птица, предвещающая несчастье.

мироздания! <...> С какими удовольствиями сравните вы эти... не удовольствия — это мало и слабо, нет, эти радости, это счастье, выходящее из круга обыкновенного счастья и дающееся немногим?» [5, т. 7, с. 91].

Образ мировой гармонии, дарящей человеку ощущение счастья, нарушается вторжением темных, губительных сил. Море является обиталищем зверя, который заманивает своей красотой и неизбежно губит: «Волна, как живой послушный зверь, так и вытягивает свой длинный хребет, свою изумрудную голову, так красиво играет жемчужной гривой, как будто говоря: "пожалуйста ко мне, если угодно утонуть: я очень вежлива ... не сделаю никакой боли ... вы как будто заснете..."» [5, т. 7, с. 95]. Зверь, живущий в водах моря, подобен змею. В представлении современников Гончарова, святителя Игнатия Брянчанинова, например, змей, живущий в море, — это «падший ангел, низвергнутый с неба на землю» [11, с. 360]. В. И. Буслаев пишет об образах многоглавых змеев, огненных драконов как принадлежности «романского», «чудовищного», «звериного» стиля, черты которого особенно очевидны в «народной поэзии религиозного содержания» [3, с. 314]. В древних народных представлениях сближены змей и аспид, а «самая сладкая смерть бывает от угрызания аспидова» [3, с. 317]. Актуализируя в сознании читателя эти древние представления, Гончаров, видимо, опирается на собственные детские впечатления, знакомые ему по разным источникам, в том числе по знаменитой «Голубиной книге».

Путешественники оказываются в царстве зверя, принимающего часто образ камня: камни «или скрыты под водой, или показывают свои ослепительно белые, омываемые водой и обвеваемые ветром головы: точно зубцы гребня или крепости» [5, т. 7, с. 98]. Писатель рассчитывает в данном случае на живое детское восприятие, на узнаваемость образа ребенком, кругозор которого не очень широк: один воспитан нянькой-англичанкой, другой — русской женщиной — няней Терентьевной. Сравнение с крепостью сразу же заставляет одних читателей вспомнить о дворце Посейдона, находящемся в пучине моря, других — о подводной «палате белокаменной» в былине о Садко, третьих — о медном доме змея огненного под морем Хвалынским [2, с. 438], четвертых — пушкинские строки: «И всплыл Петрополь, как тритон» [9, с. 279].

Символика образа камня в произведении необычайно многогранна. Укажу лишь на одно из его значений. Оно заключено в следующих словах: «Не надо ни на что полагаться слепо в жизни: судьба как будто подкарауливает человека, когда он перестанет оглядываться вокруг, не летит ли откуда-нибудь камень, и только забудется — она и отрезвит его от забвения, как отрезвила нас» [5, т. 7, с. 99]. В таком контексте судьба уподобляется смертоносному камню, оказывается прямой родственницей смерти, того зверя, который живет в глубинах океана.

Вторая часть очерка — о поединке человека с морем, с тем самым зверем, который живет в его глубинах, в конечном счете, с судьбой. Рассказ о путешествии к югу от Нагасаки подобен повествованию о погружении человека в ад — ад безверия. И первыми признаками ада становится название острова: Сульфур — сера. Это остров с курящимся пиком, от которого «на нас... раза два пахнуло серой» [5, т. 7, с. 97], — пишет Гончаров. Как известно, грешники в аду оказывались в озере, «горящем огнем и серою» (Апок.,

гл. XXI, 8). Описание преисподней дополняется образами огня и воды, их сцеплением: «Дождь хлестал с остервенением, в воздухе реяли огненные струи, ветер ревел, заглушая гром» [5, т. 7, с. 99]. На то, что место «не чисто», указывает и образ мельничного колеса: «Вы видали, как вода кипит и бурлит под мельничным колесом: представьте исполинское колесо, на версту или более роющее воду» [5, т. 7, с. 100]. Мельница, как известно, представлялась народу обиталищем нечистой силы.

Путешественники оказываются в царстве зверя: «Кругом острова и нашего фрегата беспрестанно играют киты мелкой породы: пускаемые ими фонтаны то и дело брызжут тонкой струей, и кое-где покажется хребет или голова зверя» [5, т. 7, с. 98]. Бездна привлекает, зачаровывает своей обманчивой блестящей красотой: «...солнце ярко озлащало сверкавший в глазах наших поток жемчуга, алмазов и изумрудов, кипевших, крутившихся и исчезающих в белой пене бурунов... Вблизи сияющая могила...» [5, т. 7, с. 100].

Как выбраться героям из преисподней, из царства змея? Как победить судьбу? От стихий, от живущего в океане зверя людей хранит корабль. В христианской традиции он недаром ассоциируется с Церковью Христовой [11, с. 360]. В рассказе появляется сравнение корабля с тройкой: «Фрегат бежит, как добрая тройка лошадей» [5, т. 7, с. 98]. Фрегат превращается как бы в образ морского коня, побеждающего зверя морского⁴. Корабль — это и образ человека на коне, змеборца, Георгия Победоносца [4, с. 134]. Чем же разит он? У Гончарова ответ один: спасает вера.

Блуждание людей по морю превращается в блуждание души. Перед лицом смерти люди готовы впасть в отчаяние, в грех: «Все носят в себе тупое чувство тоски» [5, т. 7, с. 100]. Но мореплаватели не поддаются искушению. Даже не вспоминая имени Бога, они верны завету: «Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях, каких бы то ни было», — поучал Серафим Саровский [8, с. 225]. Люди на корабле в большинстве своем ведут себя как истинные христиане, всеми силами способствуя тому, чтобы свершилась воля Провидения. Об их великих трудах говорит автор, показывая работу команды во время шторма. Но труд людей — это и труд души. Еще в первой части рассказа Гончаров говорит о том, что на море не бывает плохих людей: «Там нельзя жить дурному человеку... Лгун, например, или злой, скупой, гордый, как он станет проявлять свои наклонности?... Он тогда решительно будет един в целом мире» [5, т. 7, с. 93]. Слова «в целом мире» не случайно выделены автором. На море команда корабля живет *миром*. Мореплаватели не поддаются искушению. Искушение же является в виде маленького вельбота, способного проскользнуть между рифами. У каждого человека на корабле появилась мысль: «Отчего же было не поехать с ним?» [5, т. 7, с. 101]. Но: «Такое эгоистическое попечение о своей жизни встречено было бы — уж я и не знаю чем» [5, т. 7, с. 101], — пишет Гончаров. Никто из его героев не нарушает законов жизни миром. И это соборное единение перед темными силами

⁴ Сравнение корабля с тройкой, моря — с полем, присутствие мотивов созерцания неба, берега, бессмертия души, дна моря как образа смерти свидетельствуют об органичности для психически-ментальной структуры автора морской темы. См. об этом: *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. Гл. «О "поэтическом" комплексе моря и его психофизиологических основах».

оказывается для них спасительно: молитва *миром* услышана Богом, на *мир* нисходит благодать. Люди на корабле оказываются спасены.

Третья часть очерка — о торжестве веры русского человека. В ней речь идет о случае вблизи берегов Сибири, родины. В этой части произведения русская тема оказывается прямо связанной с темой христианской. Символично уже то, что море, по которому плывут герои, превращается в подобие реки: слева — маньчжурский берег, справа — берег Сахалина, берег той реки, которая указывает человеку путь в рай. Родина — рай земной — встречает тишиной: «Тишина невозмутимая и на земле и в воздухе» [5, т. 7, с. 102]. «Тихо, как в реке...» [5, т. 7, с. 103]. Образ тишины, связанный с образом родины, является в литературе второй половины 1850-х годов достаточно распространенным, вспомним хотя бы «Тишину» Н. А. Некрасова и «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева. Это та самая тишина, которая, по мнению русских славянофилов, являлась составляющей идеи смирения как «внутренняя тишина духа», «высшая духовная красота» и «внутренняя жизнь веры» [1, с. 127].

Вот эта-то «внутренняя духовная жизнь веры» и обнаруживает себя в поведении героев. На первом плане в этой его части — сам автор, его внутренний мир. Вблизи берегов родины он готов легкомысленно забыть об опасности: ложась спать, даже не прислушивается к предостережениям вахтенного офицера. А просыпается от сильного толчка: корабль било о мель, и была реальная угроза, что разбить может в щепки. Сомнение, смтение захватывают душу: «Удастся ли устоять на ногах, удержаться и выкарабкаться...» [5, т. 7, с. 105]. И тут для истинного христианина возможно только одно упование — упование на Бога. Герой восклицает: «...Боже мой!» [5, т. 7, с. 105]. И это помогает: невероятными усилиями команды якорь удается поднять со дна, чтобы судно сошло с мели. Герой благодарит Бога: «Ну, слава богу» [5, т. 7, с. 105]. Но судно по-прежнему жестоко бьет о дно: «А между тем раздался удар самый сильный, так что голова закружилась.<...> Следующий будет еще сильнее. Я уперся ногами в палубу, чтоб не упасть, ухватился за веревки и напряженно ждал. Вот поднимает, поднимает фрегат, сейчас хватит...» [5, т. 7, с. 105]. В эту, последнюю, минуту — вновь упование на Бога: «Ах, ты боже мой!» [5, т. 7, с. 105]. И это спасает: «Толчка не было... мы сошли». И благодарность за спасение: «Ну, слава богу!» [5, т. 7, с. 105].

Обращение героя к Богу никак не выделено в тексте. Это как бы упоминание мимоходом, «всуе». Такое впечатление подтверждается и тем, что финалы второй и третьей частей очерка намеренно приземлены: в обоих случаях автор говорит о вещах обыденных, о скором забвении опасности, угрозы смерти. Вот конец второй части: «Берег блещет яркими лучами солнца, улыбается, как будто поздравляет с избавлением от опасности. А ночь, а тоска, томительное ожидание? Э! подите! до того ли? Зовут на берег: прощайте!» [5, т. 7, с. 101]. А вот финал третьей: «Пойдемте пить чай! Через полчаса все забыли об этом (об опасности. — *Н. Е.*), и за чаем говорили совсем о другом» [5, т. 7, с. 105].

Все это соответствует пониманию веры Гончаровым, сути его религиозного чувства. Оно настолько глубоко скрыто в душе, что подчас человек сам не подозревает о его существовании, как не подозревал домосед-автор о том, что тело его идеально приспособлено к морю. Писатель отстаивал «про-

стую», «сердечную» веру, «всем своим творчеством утверждал мысль о самой тесной и притом житейски понятной, почти «бытовой», а не только бытийной связи человека с Богом» [7, с. 208].

В отличие от первых двух романов Гончарова, очерк «Два случая из морской жизни» характеризует напряженная религиозная проблематика. Этим своим качеством внутренний мир произведения оказывается похож на творения Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Маленький очерк помогает уяснить суть духовной эволюции художника, результат которой мы видим в «Обрыве», поздних его очерках «Через двадцать лет», «Превратность судьбы».

Очерк «Через двадцать лет» — о тяжелых испытаниях, выпавших на долю экипажа «Фрегата "Паллада"» после того, как Гончаров высадился с него на российском берегу. По мнению писателя, это «экспедиция, в которую укладываются вся Одиссея и Энеида — и ни Эней, с отцом на плечах, ни Одиссей не претерпели и десятой доли тех злоключений, какие претерпели наши аргонавты, из которых *иных уж нет, а те далече!*» [5, т. 6, с. 376]. Что помогло этим людям пережить землетрясение, гибель корабля, долгие пешие переходы в чужой стране, тяжелейшее путешествие по Амуру и Сибири во время возвращения на родину? Только вера, стойкость и трудолюбие, соборное единение перед лицом смерти. И вновь в самую опасную минуту, во время землетрясения, вся команда усердно молится. Об этой молитве не забывает упомянуть адмирал Е. В. Путятин в своем официальном отчете о плавании. Слова из этого отчета приводит Гончаров, описывавший это происшествие не как очевидец, а со слов тех членов экипажа, которые его пережили. Когда судно положило на бок и оно оставалось в этом положении с минуту: «И страх, и опасность, и гибель — все уложилось в одну эту минуту! <...> Потом раздались слова молитвы: все молились, кто как словами, и все, конечно, внутренно, так усердно, как, по пословице, только молятся на море!

Бог услышал молитвы моряков, и "провидению", — говорит рапорт адмирала, — "угодно было спасти нас от гибели"» [5, т. 6, с. 372].

Среди героев очерка особое место занимает образ православного священника архимандрита Аввакума. Гончаров рисует его с необыкновенной симпатией. О. Аввакум — единственный человек из команды, который не обеспокоен приведением корабля в боевое положение: «Как он сам лично не имел врагов, всеми любимый и сам всех любивший, то и не предполагал их нигде и ни в ком... У него была вражда только к одной большой пушке, как совершенно ненужному в его глазах предмету, которая стояла в его каюте и отнимала у него много простора и свету» [5, т. 6, с. 367]. Эта нелюбовь имеет, конечно, религиозный подтекст: как и следует священнику, о. Аввакум — противник насилия и всего, что с ним связано. Несомненная и глубокая вера его проявляется в том, что он без каких бы то ни было рассуждений отдает себя на волю Господа и уверен в его благом расположении.

Гончаров отмечает удивительное соответствие призвания и природы о. Аввакума: «Он жил в своем особом мире идей, знаний, добрых чувств — и в сношениях со всеми нами был одинаково дружелюбен, приветлив. Мудрая наука жить со всеми в мире и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвещенной религии. Это давалось ему легко: ему не нужно было уменья — он иным быть не мог» [5, т. 6, с. 367—368].

Образ о. Аввакума у Гончарова, несомненно, идеализирован. Одна из причин этого в том, что речь в произведении идет о реальном, недавно умершем человеке. Но есть и другая, не менее важная причина. Живая не знающая сомнений вера архимандрита детски непосредственна и чиста. И это соответствует представлениям Гончарова об идеале верующего человека. В. И. Мельник пишет об этом так: «Он не требует от человека аскезы и максимальной самоотдачи и самопожертвования» [7, с. 210], предпочитает веру «младенческую» [7, с. 204]. Именно поэтому герой показан в произведении как большой ребенок и эпизоды, посвященные ему, согреты юмором. Автор радуется тому, что на его пути еще встречаются носители именно такого, простого и сердечного чувства.

В очерк включены три юмористические сценки, участником которых является о. Аввакум. В одной из них он, гуляя по шканцам, «вдруг... плюнул на палубу. Ужас! — восклицает автор. — Шканцы — это нечто вроде корабельной скинии, самое парадное, почти священное место. <...>

А о. Аввакум — расчихался, рассморкался и — плюнул».

«Как жаль, что он — не матрос!» [5, т. 6, с. 368] — шепчет после этого рассказчику вахтенный офицер, едва удержавшийся от замечания священнику. В другом случае о. Аввакум сел на площадку, с которой можно командовать исключительно стоя. «Опять скандал! ... вахтенный офицер смотрел на архимандрита — как будто хотел его съесть, но не решался заметить, что на шканцах сидеть нельзя. Это, конечно, знал и сам о. Аввакум, но по рассеянности забыл, не приписывая этому никакой существенной важности» [5, т. 6, с. 368]. Автор говорит о «невозмутимо покойном созерцательном уме» [5, т. 6, с. 368] архимандрита, о том, что он нелегко поддавался тревогам. И когда однажды вся команда, ожидавшая увидеть неприятеля в приближающемся к фрегату судне, счастливо обманулась в этих ожиданиях, о. Аввакум воскликнул: «"Бегают нечестивый, ни единому же ему гонящу!" <...> Я засмеялся, и он тоже. "Да право так!" — заметил он, спускаясь неторопливо опять в каюту» [5, т. 6, с. 369]. Юмор при характеристике о. Аввакума выступает как средство возвышения героя, но юмор же помогает сделать его живым, близким и читателю. В таком же качестве использовал юмор при изображении священников и Н. С. Лесков. Именно его герои: Савелий Туберозов, Ахилла Десницын, Захарий Бенефактов — вспоминаются при чтении страниц очерка, посвященных о. Аввакуму [10, с. 250].

Гончаров не упоминает имя другого Аввакума, известного любому русскому человеку, — истового ревнителя веры, страдальца и подвижника протопopa, написавшего собственное «Житие», но, возможно, рассчитывает на ассоциативное сближение этих героев русской истории и литературы. Их объединяют вера и подвижничество. Архимандрит Аввакум разделит трагическую судьбу команды фрегата «Паллада», а впоследствии «этот скромный ученый, почтенный человек ездил ... с графом Путятиным в Китай для заключения Тсянзинского трактата и по возвращении продолжал оказывать пользу по сношениям с китайцами...» [5, т. 6, с. 376], закончил свой земной путь в монастыре. Вся жизнь его была служением делу, исполнением своего долга на земле. Сближение имен архимандрита Аввакума и протопopa Аввакума, на мой взгляд, помогает понять своеобразие религиозности Гончарова. Он недаром избегал трагических коллизий, ситуаций, сцен, героев. Ему не близка истовость протопopa Аввакума в отношении к вере. Религиозность

писателя исходила из его желания «очеловечить человека», смягчить его [7, с. 218].

Чувство юмора, удивительная скромность и отсутствие претенциозности в образе священника определили его положительное нравственное влияние на команду «не поучениями и проповедями, на которые не был щедр, а просто примером ровного, покойного характера и кроткой, почти младенческой души» [5, т. 6, с. 368]. В очерке наглядно продемонстрировано то, как «смягчает» сердца суровых офицеров «детскостью» своего поведения архимандрит Аввакум: вахтенный офицер дважды не решается сделать ему даже замечание в тех случаях, когда любой другой участник путешествия был бы им строго наказан. Рассказчик испытывает и на себе это влияние: поведение архимандрита всякий раз рождает просветляющую душу добрую улыбку.

Гончаров высказывает убеждение: вера спасет человека от ненужных на море страхов, учит различать страх и опасность. Автор вводит в произведение следующий эпизод: «Русский священник в Лондоне посетил нас перед отходом из Портсмута и после обедни сказал речь, в которой остерегал от этих страхов. Он исчислил опасности, какие мы можем встретить на море, — и, напугав сначала порядком, заключил тем, что "и жизнь на берегу кишит страхами, опасностями, огорчениями и бедами, — следовательно, мы меняем только одни беды и страхи на другие" <...>

Да, тут есть правда, — говорит писатель, — но человеку врожденна и мужественность; надо будить ее в себе и вызывать на помощь, чтобы побеждать робкие движения души...» [5, т. 6, с. 377—378]. В этом эпизоде непосредственно сходятся тема жизни на земле и жизни на море. В очерке появляется тема житейского моря, о котором пишет святитель Игнатий Брянчанинов: «Странствует по водам житейского моря, стремится к вечности каждый истинный христианин» [11, с. 361].

О таком странствовании по волнам житейского моря истинного праведника, имя которого Хабаров, рассказывает Гончаров в очерке «Превратность судьбы». В его облике писатель видит качества истинного христианина: честность, смирение и глубокую веру в Бога, демократизм, трудолюбие, горение души, подвижничество служению делу.

Жизненный путь героя — это ряд испытаний: нужда, тяжелая, черная работа, человеческая неблагодарность, невозможность получения достойного места в жизни, неценность... Однако все превратности судьбы герой встречает с достоинством и смирением. Каждый раз, когда судьба готовит ему испытания, он отвечает на них не растерянностью и унынием, а активностью и трудолюбием. И в итоге достоинства героя оценены: сам император Александр помогает Хабарову занять то место в жизни, которое ему и должно было принадлежать по праву.

На вопрос, почему так происходит, в рассказе есть вполне однозначный ответ: в любой жизненной ситуации героя спасает вера в Бога. В момент самых тяжких испытаний, выпавших на его долю, когда по его словам: «Ничего не осталось, ничего...» [5, т. 7, с. 487], — Хабаров идет в Казанский собор и молится Богородице. Именно после этого, «погруженный в глубокое раздумье о своей горькой участи» [5, т. 7, с. 486] он отправляется, куда глаза глядят. Кто ведет его по этому пути? Несомненно одно: ведет героя какая-то высшая сила, сам Бог приводит его к императору. После встречи с ним и получения места, а, по сути, после чудесного избавления от всех напастей,

герой «зашел в Казанский собор, долго молился и горячо благодарил за божественную помощь в претерпенных испытаниях и внезапную радость» [5, т. 7, с. 489], — пишет Гончаров. Символично и то, что служба героя связана со строительством архитектором Витбергом храма Христа Спасителя в Москве. Теперь он трудится во славу Господа. Однако известная нам и автору история строительства этого храма, о которой ничего не говорится в очерке, свидетельствует о том, что герой по-прежнему не защищен от испытаний веры и ударов судьбы.

История Хабарова поучительна, и это важно для автора. Он как бы стремится убедить читателя в том, что истинные душевные достоинства: трудолюбие, смирение, скромность, честность, стойкость в вере — не остаются не оцененными. Дидактическая тенденция является одной из особенностей этого очерка.

При всем том поздние произведения и письма писателя дают возможность утверждать, что он боялся «впасть в толстовство», выглядеть в глазах читателей слишком тенденциозным художником. Об этом свидетельствует оговорка в опубликованном В. И. Мельником письме Гончарова А. Ф. Кони от 30 июня 1886 года: «Вы скажете: что этот старый осел мелет! Не хочет ли он по стопам графа Толстого: куда конь с копытом, туда и рак с клешней! Нет — так взгрустнулось что-то и потому сбрехнулось!» [7, с. 203].

Обращение к малоизвестным читателю и практически не изученным очеркам Гончарова разных лет позволяет уточнить представления об особенностях религиозного чувства писателя, его творческой эволюции, сделать выводы о том, что в очерках яснее, чем в романах, выразилась его религиозная мысль.

Библиографический список

1. Анненкова Е. И. Русское смирение и западная цивилизация: (Спор славянофилов и западников в контексте 40—50-х годов XIX века) // Рус. лит. 1995. № 12.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 2.
3. Буслаев В. И. Русские духовные стихи // Буслаева В. И. О литературе: Исслед. Ст. М., 1990.
4. Гачев Г. Национальные образы мира: Космо-психо-логос. М., 1995.
5. Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1952.
6. Мельник В. И. «Обломов» как православный роман // И. А. Гончаров: Материалы междунар. конф., посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998.
7. Мельник В. И. О религиозности И. А. Гончарова // Рус. лит. 1995. № 1.
8. Преподобный *Серафим Саровский*. М., 1993.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Л., 1977. Т. 4.
10. Розов А. Н. Типы священников в русской литературе второй половины XIX — начала XX века // Оптина пустынь и русская литература: Тр. IV Всероссийских чтений, посвященных братьям Киреевским. Калуга, 2001.
11. Святитель *Игнатий Брянчанинов*. Аскетические опыты. М., 1993. Т. 1.
12. Семенова С. Г. *Odium Fati* как духовная позиция в русской религиозной философии // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Е. М. Тюленева

**СЕРИЙНОСТЬ НЕ-СОБЫТИЯ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ
(Саша Соколов «Школа для дураков»)**

Рассматривается понятие серии в постмодернизме в соотношении с не-событием как текстовым элементом. В качестве материала используется роман Саши Соколова «Школа для дураков».

The notion of series is considered in postmodernist works in correlation with not-event as text element. The cardinal theses of the article are illustrated by the examples from Sasha Sokolov's novel «School for fools».

Понятие серии в постмодернизме представляет собой некую двусмысленность. С одной стороны, серийность с ее бесконечными возможностями продолжения и дублирования оборачивается механистичностью, подобность как необходимое условие — неиндивидуальностью, а копирование — неискренностью. С другой стороны, длительность, способность к продолжению обещает отсутствие конца, бессмертие; наличие множества родственных элементов — взаимосвязанность и взаимообусловленность; отсутствие строгой причинно-следственной зависимости — движение не только поступательное, вперед, но всегда возможно — назад, причем не только к предыдущему, но и через него, к любому объекту до и после. Очевидно одно: ряды сходятся в идее бесконечности.

В результате образование серий вызывает утрату времени, по крайней мере, в его реальном измерении. Взамен предлагается некое бесконечное время, в котором прошлое равно настоящему и будущему. Помимо собственно временного неразличения здесь принципиальна подмена времени пространством: в самом деле, множась подобия (серии) требуют бесконечного места существования. Поскольку процесс дубликации не остановим, пространство не может ни ограничиться, ни замкнуться. Дабы не выходить в «дурную бесконечность», текст предлагает обозначить это новое существование в виде некоего «сектора пустоты» [1, с. 127], в котором движение совмещается с отсутствием такового, линейность заменяется кольцом. Любая последующая серия отсылает как к появлению новых серий, так и к памяти о первой. Причем это будет происходить даже при исключении любого случайно взятого блока серий.

Обозначение конечного члена серии невозможно, ибо неминуемо обернется уничтожением первоначального элемента (исходного субъекта или объекта). Тогда как бесконечная серийность позволяет своеобразную игру в смерть, репетицию смерти. С любым итогом: как заклинание смерти (в результате — бессмертие), так и переведение смерти в вещь, т. е. снятие оппозиции смерть/жизнь. Отсюда принципиальная невозможность завершения судьбы, сюжета, произведения.

Механистическая по своей природе серийность переводит любой копирующийся объект в вещь. А последняя, будучи освобождена от личностных отношений со своим образцом, легко принимает на себя воздействие обстоятельств новой серии, обретая новые функции, применение, даже семантическое наполнение. Т. е. ее идеальность (соответствие идеальному образцу) остается позади как бесполезное (обесмысленное) желание абсолютного подобия, но и новая реальность не может быть реальностью в полном смысле слова: дубликат никогда не может быть настоящим. Такое подвешенное состояние копированной вещи, обычно называемой симулякром, и позволяет говорить о принципиальной несобытийности происходящих с вещью событий. Они не могут происходить в полной мере, потому что она сама в этом смысле не существует.

Итак, серийность ведет к симуляции реальности. Можно говорить о нескольких вариантах этого явления:

- бесконечные копии оригинала;
- актуализация отдельно взятой серии с последующим перераспределением серийной иерархии в целом (случайная серия оказывается главной и первой);
- движение серий в обратном направлении;
- эффект отражения (копия отражается в оригинале до бесконечности, возникающие погрешности стирают первоначальную иерархию).

Симуляция реальности в тексте выливается в конструктивный принцип — предотвращение совершающегося события, иначе говоря, установления смысла. Событие — нечто очевидно осуществившееся, соответствие означаемого и означающего, фиксация идеи. Из событий складывается сюжет, история. Соответственно, не-событие не свершается, не имеет финала, законченности, однозначности; возможно, это анти-событие с противоположным эффектом, само себя отрицающее или абсурдное, а также мнимое событие. Основные компоненты не-события будут обозначаться таким образом: отсутствие, неполнота, незавершенность, бессмысленность, ложность, мнимость, нелогичность. Добавим, что не-событие в тексте имеет эффект как само по себе, так и в сумме (как череда нереализующихся событий).

Не-событие как текстовый элемент формируется достаточно стандартно. Основательно прописываются начальные стадии (компоненты) его сюжета: мотивы-причины, завязка, обстоятельства развития, но нет финала, смысла события, его участия в тексте. Как вариант — множество разнородных событий, не связанных между собой, своеобразный каскад начал, бесконечное начало — не сбывается ни одно из них. Череда невозможностей...

Можно предположить и приемы создания подобного эффекта не-события:

- заговаривание, отвлечение внимания от события, с последующей подменой другим событием или уходом в сторону;
- «передерживание» ситуации (предложения), топтание на месте, насыщение излишними подробностями — мнимое улавливание смысла;
- утрата логичности повествования (как правило, за счет ассоциативного разветвления повествования);
- клонирование историй;
- обман, ложь о событии;

- временное неразличение, подмена настоящего будущим, прошлым и т. д.;
- неразличение реальности и вымысла, а соответственно сомнительность категории «было»;
- неразличение авторства (например, если автор 2-й части «Школы для дураков» [3] — Саша Соколов, то события, описанные в ней, свершаются; если эту роль исполняет Ученик Такой-то — событийность не оформляется) и т. д.

У Соколова не-события организуются в серии, поскольку принципиально важен следующий момент: не свершаясь, вместе с тем они никогда не заканчиваются, а следовательно, не исчезают, откликаются друг в друге, получая дополнительные возможности для существования. Для существования, но не для развития, поскольку эти отклики-отражения ничего не добавляют с точки зрения развития образа или сюжета. Здесь неокончателность существенна не столько с точки зрения отсутствия финала, сколько в смысле отсутствия однозначности. Именно версионность, двусмысленность, образующаяся в пустом секторе неразвивающейся серии, обеспечивает возможность образования серии новой. Таким образом, основной исследовательский интерес очевидно сосредоточивается на изучении момента перехода между сериями, который и позволяет объяснить парадокс существования не-события, не имеющего собственной жизни, но бесконечно генерирующего жизнь новую. Именно в этом контексте возникает разговор о трансформациях, причем не только о знаменитых соколовских метаморфозах (превращениях), но и изменениях другого рода: например, развитии потенциальных (случайных, второстепенных) сторон и возможностей.

В произведении два главных Не-События, которые, собственно, и образуют серии: не-путешествие в Край Одинокого Козодоя и не-завершение (а возможно, не-написание) книги. Очевидно, что эти две линии серий отражаются друг в друге, а каждая цепочка в свою очередь распадается на ряд серий-звеньев. Так, *не-путешествие* в Край Одинокого Козодоя дублируется *не-жизнью* учителя Норвегова (не-смертью, отсутствием в действительности, подменой Насылающим Ветер и даже почтальоном Михеевым-Медведевым), *не-достижением* Веты Акатовой (можно усложнять: не существованием учительницы в принципе, подменой Розой Ветровой и т. д.), *не-побегом* от реальности в мир дач.

Здесь мы ограничимся рассмотрением первой главы книги, в которой серийность не-события оформляется как принцип произведения в целом.

Первую серию можно условно именовать как серию ТАМ. ТАМ — это прежде всего пространство, некий мир героя, которым он подменяет реальность. Серия ТАМ может также восприниматься как серия Свободы, противопоставленная серии Давления (последняя, собственно, и включает в себя реальность: отец, школа, доктор Заузе и др.). Особого внимания заслуживает определение координат места действия: пристанционный пруд, станция, дачный поселок, река. ТАМ-существование обозначается как принадлежность к месту. Не случайно и мечта об иной жизни связана с достижением конкретного пространства — Края Одинокого Козодоя, а определение собственной сущности — с остранением (Ученик Такой-то, Те Кто Пришли) или овеществлением (нимфея). Таким образом, неопределимое личностное стремится к уловлению и фиксации в предметно-вещественном. Проблема заклю-

чается в том, что означаемое и означающее не достигают соответствия: пруд пристанционный или околостанционный? Зыбкость формулировок оборачивается зыбкостью существования, а в пределе полной подменой реального желаемым. Так, у героя нет уверенности в существовании реки, но есть своя логика: река называлась, значит, существовала. То же самое со станцией: ее названия не рассмотреть издали, но «она называлась». Реальность симулируется, она насыщается множеством случайных, но представляемых важными, предметов и явлений, фактов и подробностей — все это должно стать свидетельством достоверности. Вместе с тем своеобразное заговаривание реальности (или читателя), удерживание первой серии создает ее избыток. Поэтому любой фрагмент может стать источником новой серии. А лейтмотивом повторяющегося «все равно» уравнивает эти фрагменты в правах. Так, из наличествующей/отсутствующей реки рождается Край Одинокого Козодоя (серия КОК), из купленной/проданной дачи — ощущение собственной ущербности (серия давления), наконец, хрестоматийно — из ветки железной дороги Вета Акатова (серия ВА) и т. д.

Интересно, что новая серия может возникать не только из случайных, но все-таки ключевых, фрагментов. Избыток способен переносить акцент с главного на периферию, актуализировать побочные элементы. Например, Павлов-ученый в серии ТАМ превращается в Павлова-велосипедиста через второстепенный предмет — звонок («звонок на руле, как на опытах»; 13). Далее, поскольку значения имеют не имена, а предметы, наличие велосипеда служит достаточным поводом для уравнивания Павлова и Михеева (Павлов — велосипедист, Михеев — велосипедист, значит, Павлов — Михеев), а возможно, Медведева (все фамилии «условные, даже если настоящие»; 14). Михеев-Медведев имеет и другое имя — Насылающий Ветер. Как бы в оппозицию предложен ветрогон Норвегов. Однако двусмысленность понятия «ветрогон», ложная оппозиционность позволяют их отождествить («найти почтальона Михеева, спросить Павла Норвегова») и обозначить переход к серии КОК.

Именно двусмысленность обеспечивает одновременное существование, параллельное развитие двух возможностей. В этом варианте новые серии не расходятся в стороны, как в случае с «ключевыми фрагментами», а выстраиваются в последовательные звенья одной цепочки. Серии ТАМ и КОК оформляются параллельно, что, собственно, и объясняет неиссякаемость каждой из них: параллельность не позволяет столкнуться, пересечься и, следовательно, пресечься. Теперь избыточность каждой серии будет переливаться в параллельную и тем самым поддерживать существование обеих. Так, уже знакомое нам перенасыщение серии ТАМ: предметами мира, вариантами смысла этих предметов, ассоциативными разветвлениями, неразличением отрезков речи, а значит, фрагментов мира — в своем избытке дает абсолютное неразличение-слияние. Предметы серии ТАМ обретают статус сакральных вещей-понятий, необходимых для своеобразного освящения нового пространства («билеты» — «Леты», «цвета» — «ц Вета»), и, становясь двусмысленными, одновременно получают собственные сюжеты в соответствующих подсериях КОК (за Летой живут учитель Павел Норвегов и учительница Вета Акатова). И наоборот, наличие некоторых статичных объектов в серии КОК имеет значение только для серии ТАМ. Например, наличие дома у Норвегова (или у отца Веты Аркадьевны). В этом смысле учитель более

живой (учительница более реальная), чем отец героя, который дом продал, а потому, возможно, вовсе не живет на даче, не существует в пространстве развивающейся серии. Он здесь всего лишь выдуманный персонаж. Показательно, что неразличение вымышленного и реального, постулируемое и героем, и автором, вовсе не отменяет оппозиционности живое/мертвое, а лишь ставит под сомнение маркированность ее членов: живой отец представлен не существующим (или не существенным), умерший Норвегов — абсолютно реальным (значимым). Эта исходная подмена будет положена в основу внутрисерийных процессов: серия КОК будет умножать свидетельства подлинности Норвегова, а потому так и не сможет зафиксировать точку его смерти; серия ТАМ — вытеснять подлинного отца, замещая его дубликатами (прокурор, пенсионер, читатель газет и т. п.).

Вытеснение отца связано с реакцией на серию давления, постоянно всплывающую в серии ТАМ, но столь же постоянно и тщательно подавляемую. Она неизменно присутствует в бессознательной реакции героя на мир: «горн мыс труби головы», «ведьма Тиберген пляшет в прихожей» и т. п. События в этой серии никогда не совершаются, потому что они враждебны герою, их совершение в первую очередь означало бы разрушение его мира. Поэтому здесь чаще всего используется нейтрализация событий: переводом в неопасный мифологический вариант, родственный герою (Трахтенберг — Тинберген), изменением статуса страшных событий (сомнением в их реальности или обозначением себя как взрослого, инженера), откровенным убегающим в другие серии (как правило, на велосипеде).

Серия КОК (с главным героем — отсутствующим Норвеговым) поддерживается за счет постоянного возвращения к исходному: изложению жизненной позиции учителя, его босоногому образу жизни. Очевидно, что рассказы о смерти Павла никогда не закончатся, поскольку его смерть отменит возможное путешествие в КОК. Иначе говоря, некоторые не-события выполняют в тексте охранительную роль. Как нейтрализация опасного давления, так и уклонение от расстановки последних точек. В этом смысле множественность форм существования самого героя тоже спасительна для него: шансы попасть в Край Одинокого Козодоя увеличиваются.

В отличие от отца (или Трахтенберг-Тинберген с подробностями ее семейной и коммунальной жизни, патефоном, украденным краном и проч.) Норвегов не овеществляется, т. е. как будто и не нуждается в материализации. Все попытки зафиксировать учителя в предметах оказываются мнимой фиксацией: шляпа с дырочками для проветривания головы, «проще сказать, чего он не носил» (20); географ, «вращающий пустотелый картонный шар» (24). Постоянное ускользание в пустоту (хотя его серия вполне может прочитываться как главная) дает возможность неизменного возвращения к ученику и непрерывного перераспределения главенствующих событий в книге. Устранение Павла, его неоформление ни в жизни, ни в смерти, переносит акцент с путешествия *к учителю* на путешествие *героя*. Потому рассказ о Норвегове все время растворяется в ассоциативном потоке переживаний Ученика такого-то. Больше того, стремясь в КОК, ученик порой подает себя через учителя (например, отождествление Веты Акатовой с Розой Ветровой). Но постепенно после череды неопределений Павла Норвегова и неидентификаций героя на первый план выходит собственно *путешествие*.

Личностные не-события стремятся свершиться через события внешние. Именно таким представляется путешествие: последовательностью внешних событий. Как событийный ряд оформляется адрес Норвегова: «...стоя над рекой на закате дня, когда умирают укушенные змеей, звонить велосипедным звонком, а лучше — звенеть деревенской косой, приговаривая: коси, коса, пока роса, или: коси-коси, ножка, где твоя дорожка...» (48). Но каноническим событием должна, по всей видимости, являться переправа через реку, неоднократно описанная в тексте.

Чтобы переправиться через реку, отделяющую серию ТАМ от серии КОК, нужно устранить время (ведь река называется Лета, а Павел умер). И время стирается (герой даже рассказывает о своих странных отношениях с ним, доставшихся в наследство от бабушки), но первый момент перехода к другой серии может быть утрирован иллюзией точности: например, при встрече с Норвеговым стационарные часы показывают 2:15. Симуляция времени — это симуляция события: «...он умер за *два с лишним* года до нашей с ним встречи на этой самой платформе» (22). Подобным образом может симулироваться не только факт события, но и его логика. Например, выполнение заданий Леонардо, обеспечивающее попадание в КОК. Среди множества в разной степени невыполнимых заданий ученик выбирает одно, «связанное с узнаванием дворником того факта, что на улице идет снег» (26). Абсурдность заданий диктует абсурд решений, но ответ ученика подчеркнута логичен: дворник «легко может узнать о снегопаде по снежинкам на шапках посетителей» (27). Решение найдено, но будучи симуляцией любых решений в принципе, становится самодостаточным, оборачивается игрой в ребусы и теряет связь со своим назначением (стать пропуском в другую серию). Логика, сосредоточиваясь в пространстве вопросов-ответов, утрачивается в пространстве собственно серии. Поэтому намечающееся событие уже абсолютно нелогично отменяется рассказом о работе ученика дворником в Министерстве Тревог, т. е. вместо выхода в новую серию возвращается через серию давления в первую серию. Серия давления вводится узнаваемо, понятия здесь однозначны и в этой однозначности утрированы (окно не предполагает видения и знания: министр не смотрит в окно, поэтому не знает, что происходит на улице, а у дворника нет окна, но он хорошо осведомлен о погоде и о происходящем на улице). Таким образом, мы имеем дело не только с переходами между сериями, но и с симуляциями переходов.

Подобные мистификации становятся возможными с появлением в череде разбегающихся и возвращающихся серий магических слов-переводчиков*, которые становятся устойчивыми и работают в этой функции и в других главах книги. Так, непременным атрибутом переправы через реку является лодка. В данном случае она выполняет ту же функцию, что и велосипед (и могло бы выполнять окно), не только переносит в другое пространство, но и обозначает саму возможность перехода к другой серии. Такими волшебными переводчиками могут выступать кроме предметов (ветка, дом) звуки (мелодия неработающего патефона, песня птицы Найтингейл), «неопределенные определения» (тогда-то, такой-то) и даже абстрактные понятия (пустота). В дальнейшем только их упоминания будет достаточно для возникновения и развития заданной серии.

* Ср. с эзотерическими словами, описанными Ж. Делезом [2, с. 67].

Впрочем, упоминания достаточно и для создания мистификации. Причем варианты мистификаций в соколовском тексте разнообразны: это не только уже отмеченные симуляция начала новой серии и подмена новой серии возвращением к старой, но и возникновение в месте перехода от одной серии к другой неожиданной новой, третьей серии. К примеру, события в лодке не обязательно приводят к достижению искомого Края, они также способны стать самодостаточной серией. Исчезновение героя и его превращение в белую лилию происходит именно в лодке. И серия ТАМ вместо того, чтобы перейти в серию КОК, получает новый виток. Этот очередной виток серии связан с болезнью героя. Болезнь и создает неразличение времени: условность цифр в календаре, они ничего не обозначают; дни приходят не друг за другом, а «когда ... вздумается, бывает, что и несколько сразу, а бывает, что день долго не приходит» (27). Наступающая пустота пугает героя, и начинается стремительное ее насыщение: в частности, параллельным использованием нескольких временных форм («недавно (сию минуту, в скором времени) я плыл (плыву, буду плыть)...»; 28). Не случайно и разбивание пустоты на множество подобий: история о бывшей бабушке, случай «однажды в лодке», музыка без музыкантов. Но нечто подобное мы уже видели: потеря времени сопровождается множасьимися, но не развивающимися событиями. Среди клонирующихся ситуаций герой обретает новое имя — Нимфея: «Я частично исчез в белую речную лилию» (32). Формулируется новый способ существования: исчезновение (человек исчезает сначала частично, в вальс, например, или лилию). Магическая ситуация открывает новую серию — серию исчезновения. В идеале она должна связать ученика с учителем, потому что нужно, наконец, стать честным, как Павел, — признать свое исчезновение. Возможно, именно потому, что исчезновение воспринимается, как искомое событие, герой всеми силами пытается его совершить, утвердить. И серия Исчезновения превращается в серии исчезновений, но, как ни странно, с обязательным возникновением: размышления о том, может ли иссякнуть река; исчезнувший (украденный) Трахтенберг кран и не иссякающий поток воды в ванной; проходящий, но не имеющий окончания поезд; активно используемый, но никогда не заканчивающийся мел (потому что поселок назывался Мел, он стоял на станции Мел у реки Мел); затяжной, неиссякаемый дождь; наконец, неиссякаемые метаморфозы, происходящие с железнодорожниками в процессе чтения японских классиков... Исчезновение всегда оборачивается возникновением и наоборот. А поскольку процесс не окончен, его нельзя считать событием. И поэтому вместо искомого Края герой оказывается на пороге дома начальника станции. Начинается его новое существование теперь под именем Те Кто Пришли и, соответственно, новая история, отдаляющая-приближающая Норвегова.

Цикл обычно начинается и заканчивается в серии ТАМ. Можно было бы предположить, что она единственная устойчивая, если бы не однократные напоминания о том, что ее пространственное существование невозможно: отец давно продал дачу. И если бы не парадоксальный факт, что эта «основная серия» держится только за счет переключек с другими.

Итак, причудливое переплетение серий выливается в следующие варианты: расходящиеся серии, цепочки серий, вытеснение одной серии другой, свертывание серии в кольцо (возвращение к началу), симуляция как серии, так и перехода между сериями. Финал первой главы как будто ставит точку в

этом движении: герой достигает Края своей мечты. Но начало третьей главы отменяет это событие («Но Вета не слышит»; 78), и очередное не-событие возвращает нас в сериальный поток. Иначе говоря, серии событий, происходящих в книге, с удивительным постоянством оборачиваются серийностью не происходящих событий.

Библиографический список

1. Бодрияр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
2. Делез Ж. Логика смысла М., 1998.
3. Соколов Саша. Школа для дураков. Между собакой и волком. М., 1990. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

О. Ю. Анцыферова

ЮЖНЫЙ МИФ VS КИНОМИФ В РОМАНЕ УОКЕРА ПЕРСИ «ЛЮБИТЕЛЬ КИНЕМАТОГРАФА»

Рассматривается творчество практически неизвестного в нашей стране американского писателя прошлого века. Предлагаемая интерпретация его первого романа основана на гипотезе, что в сознании героя-южанина, живущего на рубеже 1950—60-х годов, кино становится основным жизнемоделирующим мифом, который компенсирует отчуждение героя и разорванность его связей с семьей и обществом. Благодаря выраженному историческому измерению и структурирующей роли мифа, текст романа определяется как позднемодернистский (а не постмодернистский), несмотря на всепроникающее присутствие в нем массовой культуры.

The essay focuses on the creative work of American writer who is practically unknown in Russia. In Percy's novel moviegoing acquires mythological functions, provisionally compensating for the alienation of the main character, for his *malaise*. In spite of the omnipresence of visual imagery of mass culture (usually associated with postmodernism), the novel is interpreted as a late modernist text due to its historic dimension, conditioned, among other things, by the implicit influence of the Old South myth.

Практически неизвестный в нашей стране американский писатель Уокер Перси (1916—1990) занимает особое место в литературе США прошлого века. Автор шести романов и трех книг научно-философской прозы, он стал лауреатом многочисленных литературных премий. Его первый роман «Любитель кинематографа» (*The Moviegoer*, 1961) — одно из самых изучаемых произведений американской литературы XX века.

Как и многие близкие по времени произведения («Над пропастью во ржи» (1951) Дж. Д. Сэлинджера, «Завтрак у Тиффани» (1958) Т. Капоте, «Кролик, беги» (1960) Дж. Апдайк и др.), роман «Любитель кинематографа» пронизан ощущением некоего внутреннего неблагополучия, изнутри подта-

чивающего жизнь среднего американца в «обществе потребления». В аннотации к изданию 1962 года этот роман представлен как «взрослый» вариант «Над пропастью во ржи» [5, р. 26]. Вместе с тем «Любитель кинематографа» несет в себе заряд философичности, который выделяет его на фоне многих близких ему по духу американских произведений. Уже эпиграф из Сирена Кьеркегора настраивает на не слишком оптимистичное повествование с выраженным философским измерением: «Природа отчаяния в том и состоит, что оно не считает себя отчаянием» [4, р. 7].

Фактурно и выпукло выписанный быт нью-орлеанского среднего класса, к которому принадлежит главный герой романа брокер Бинкс Боллинг, позволяет читателю ощутить тот местный колорит, благодаря которому Уокера Перси часто рассматривают в рамках «южной школы». Симптомы духовной ситуации США на пороге 1960-х у героя предстают в глубоко своеобразном преломлении, специфика которого во многом определяется столь характерным для южного сознания стремлением *мифологизировать* собственное существование. Южный миф, или миф о старом Юге (аграрном, патриархальном, аристократическом), исчезнувшем в пожаре Гражданской войны, коррелирует, как известно, с мифом о потерянном рае, об отпадении человека от божественной благодати. В произведениях писателей-южан (У. Фолкнер, Р. П. Уоррен, М. Митчелл и др.) южный миф, реконструируемый с большей или меньшей степенью иронической рефлексии, ассоциируется с безвозвратно ушедшими в прошлое культурными и этическими ценностями, с патриархальным жизненным укладом южных штатов США.

Предлагаемая здесь интерпретация «Любителя кинематографа» основана на гипотезе, что в первом романе У. Перси кино обретает мифологизирующие функции. В сознании героя-южанина, живущего на рубеже 1950—1960-х годов, кино (и шире — массовая культура) становится основным жизнеструктурирующим мифом, временно компенсируя душевную неприютность героя, разорванность его связей с семьей и обществом. По Ролану Барту, «всегда можно утверждать, что... мифология участвует в созидании мира; если считать принципиальным тот факт, что человек в буржуазном обществе ежеминутно погружается в псевдофизис, то задача мифолога состоит в том, чтобы вскрыть под безобидной оболочкой самых простых жизненных отношений таящееся в их глубине отчуждение, которое эта безобидность должна сделать приемлемым» [1, с. 127].

Бинкс Боллинг — последний отпрыск старого южного рода, самая близкая ему по духу родственница — теть Эмили — цитирует Марка Аврелия и воспитывает в племяннике стоическое отношение к жизни и приверженность к традиционным ценностям аристократов духа. Мы узнаем, что герой отказался от устремлений, свойственных молодым людям его происхождения, «в пользу самой простой жизни, которую только можно себе представить, жизни, в которой нет былых томлений, а есть только продажа акций и ценных бумаг, где работа заканчивается каждый день в пять часов, и ты, как все, имеешь девушку и со временем остепенишься и обзаведешься семьей» [4, р. 15]. Между тем «десять лет назад я мечтал о красоте и не думал о деньгах. Я слушал завораживающие мотивы Малера и ощущал болезненную пустоту в своей душе. Сейчас я зарабатываю деньги и чувствую себя значительно лучше» [4, р. 181], — заявляет герой с некоторой долей само-

иронии. Последние годы он ведет одинокое безмятежное существование в Жантилли, пригороде Нового Орлеана.

Бинкс характеризует себя как образцового гражданина, который получает удовольствие от выполнения своих обязанностей среднего американца. «Мой бумажник полон удостоверений личности, библиотечных и кредитных карточек». Тридцатилетний герой хранит в специальной несгораемой шкапулке свидетельство о рождении, диплом об окончании колледжа, военную страховку, акции, свидетельство о наследовании участка земли. «Приятно выполнять обязанности гражданина и получить взамен квитанцию или гладкую ламинированную карточку с твоим именем, удостоверяющую, так сказать, твое право на существование» [4, р. 13]. Ирония по отношению к собственному пристрастию ко всякого рода документам несомненно несет в себе и оценку того, из чего, собственно, складывается в обществе представление об образцовом гражданине. Итак, Бинкс поначалу видится нам этаким образцовым, хотя и не лишенным самоиронии, представителем американского среднего класса, абсолютно интегрированным в общество, живущим по законам, которые диктуют реклама, кинематографические и телевизионные стереотипы. Однако постепенно мы начинаем понимать, что Бинкс, быть может, не слишком хорошо сознавая это («отчаяние не сознает, что оно отчаяние»), инстинктивно укрывается от этого призрачного, выморочного существования в мире целлюлоидных грез, и его любовь к кино означает, по сути, не что иное, как попытку придать смысл бессмысленной реальности.

Природа внутреннего конфликта Бинкса достаточно сложна, но его важнейшую причину можно видеть в том, что сознание героя подтачивается противоречием между ценностями «высокой культуры», прививавшимися ему в семье, и массовой культурой, которая все более подчиняет себе жизнь в «обществе потребления». В финале романа Бинкс возвращается к семейным ценностям, преодолевая сладкий плен отчуждения, который даруют ему кинематографические впечатления. Он женится на своей кузине Кейт — девушке с травмированной психикой. Этот шаг, как и намерение стать врачом и пойти по стопам своего отца, соответствует той шкале ценностей, которую воспитывала тетя Эмили. Вероятно, прав Филип Симмонс, полагающий, что в жанровом отношении «Любитель кинематографа» — роман о взрослении героя, архетипическое странствие которого происходит не в заповедных лесах и на бескрайних морских просторах, а в искусительных куцах массовой культуры [5, р. 28].

Основной пафос романа Перси — пафос самопознания. Герой рассказывает о себе, и читателя приглашают сопровождать его в этом путешествии внутрь себя. При этом главным симптомом своеобразности героя, его *выделенности* из окружения становится увлечение кино. («Любитель кинематографа», — так он подписывает свои письма на радио). Ассоциациями с кино пронизан весь его рассказ. Важно отметить при этом, что кино для героя романа — не способ бегства от действительности, не символ пошлости и банальности (каким был Голливуд, скажем, для Холдена Колфилда, героя романа «Над пропастью во ржи»), а способ прожить жизнь более ярко и наполненно, более напряженно — за счет кинематографических ассоциаций, которыми окружается для Бинкса воспоминание о любом эпизоде из его жизни.

По вечерам Бинкс обычно или смотрит телевизор, или ходит в кино. Фронтон кинотеатра в Жанвилли украшает реклама: «Место, где счастье стоит так мало». И эта рекламная гипербола удивительным образом совпадает с самоощущением героя: «Дело в том, что я вполне счастлив в кино, даже если смотрю плохой фильм. Другие люди, так я по крайней мере читал, ценят счастливые моменты своей жизни: например, как кто-то поднялся на рассвете на Парфенон, или летний вечер, когда кто-то повстречал в Центральном парке одинокую девушку и завязал с ней приятные и естественные отношения, как об этом принято писать в романах. Я тоже однажды повстречал девушку в Центральном парке, но вспоминать там нечего. Зато я вспоминаю, как Джон Уэйн убил из карабина сразу троих, падая на грязной улице в "Дилжансе", или как котенок нашел Орсона Уэллеса в "Третьем человеке"» [4, р. 14]. Несомненно, искусство (кинематограф) дарит нашему герою гораздо более яркие и неподдельные ощущения, чем реальная жизнь.

Вспомним еще одно посещение кинотеатра. Фильм «Паника на улицах» снимался в Новом Орлеане. На экране Бинкс и его будущая невеста Кейт видят ту самую улицу, на которой находится кинотеатр, где они сейчас сидят. Выйдя на улицу после сеанса, Кейт оглядывается: «Да, теперь все это получило подтверждение (certified)». Герой комментирует: «Она имеет в виду мое увлечение кинематографом, которое я сам называю подтверждением реальности (certification). В наше время, когда человек живет в каком-то районе, его местожительство лишено для него всякой реальности. Скорей всего, он будет уныло проживать там, и пустота, которая заполняет его изнутри, будет разрастаться, пока не наводнит весь район. Но если ему доведется увидеть в кино то место, где он живет, он сможет по крайней мере на время почувствовать себя человеком, живущим в конкретном месте, а не где-то» [4, р. 55].

И вновь прикосновение искусства наделяет мир кажимости и пустоты, на существование в котором обречены герои, подлинной реальностью. И эти особые, весьма необычные взаимоотношения между реальностью и искусством, которые выстраивает Перси в своем романе, заставляют вспомнить о мифе.

Когда А. Ф. Лосев рассуждает о сущности мифа в своей работе «Диалектика мифа», он указывает на такое общее свойство поэтического и мифического бытия (искусства и мифа), как *отрешенность*. «Поэзия, как и вообще искусство, обладает характером отрешенности в том смысле, что она возбуждает эмоции не к вещам как таковым, а к их определенному смыслу и оформлению <...> Искусству и поэзии свойственна некая *отрешенность*, выхватывающая вещи из потока жизненных явлений и превращающая их в предметы какого-то особенного, отнюдь не просто насущно-жизненного и житейского интереса» [2, с. 64]. В этом природа глубокого эмоционального интереса, которое вызывает искусство у человека. Однако то, как Бинкс переживает свои кинематографические впечатления, наделяет их скорее не поэтической, а *мифической отрешенностью* (по Лосеву): «Уже первоначальное всматривание в природу мифической отрешенности обнаруживает с самого начала, что никакая отрешенность, никакая фантастика, никакое расхождение с обычной и повседневной «действительностью» *не мешает мифу быть живой и совершенно буквальной реальностью*, в то время как поэзия и искусство отрешены в том смысле, что они вообще не дают нам никаких реальных вещей, а только их лики и образы... Поэтическая действительность есть со-

зерцаемая действительность, мифическая же действительность есть реальная, вещественная и телесная, даже чувственная, несмотря ни на какие ее особенности и даже отрешенные качества» [2, с. 65].

Если кино и все, что связано с ним, обладают для Бинкса «реальной, вещественной и телесной действительностью», то жизнь героя по эту сторону экрана, напротив, искусственна: мир вещей, идеологических стереотипов словно бы поглощает человека, лишая его индивидуальности: «Я не люблю автомобилей. Когда бы я ни садился за руль, у меня возникает чувство, что я становлюсь невидимым. Люди на улицах не могут тебя видеть» [4, р. 17]. В шикарном новом автомобиле Бинкса охватывают непонятные приступы болезненной тоски (*malaise*). Это состояние, время от времени непредсказуемо терзающее героя, несомненно, напоминает экзистенциальную сартровскую тошноту и является симптомом болезни человеческого духа, сталкивающегося с неподлинностью бытия.

У Бинкса нет друзей. «Я провожу все свое время в работе, в делании денег, в посещении кинотеатров, в поиске женщин». Последний раз герой общался с друзьями восемь лет назад. С двумя приятелями он отправился в поход: «Мы с удовольствием выпивали, трепались о девочках, о поэзии и восточной религии. Было здорово ночевать в палатках или под звездным небом, а днем опять ехать на грузовике. По правде сказать, это было именно то, что мне хотелось делать (так я полагал). Но очень скоро я впал в депрессию. Когда мы замечательно проводили время, сидя вокруг костра или развлекаясь с девушками, — мне казалось, будто приятели словно постоянно хотели мне сказать: «"Ну как, Бинкс? Ведь это то, что надо, парень?" Мне казалось, они поглядывали на меня поверх своих девушек, чтоб сказать это. По какой-то причине я впал в глубокую меланхолию... Красота дымных голубых долин вместо того, чтобы доставлять радость, разрывала мне сердце... В конце концов я им сказал: "Прощайте друзья, всего вам самого хорошего. Я думаю, мне лучше вернуться в Новый Орлеан и жить в Жантилли". И там я с тех пор и живу, в уединении и с ощущением *чуда*, не покидающим меня ни днем ни ночью... Я сижу дома, смотрю телевизор. Не то, что я так сильно люблю смотреть телевизор, но он не отвлекает меня от *чуда*» [4, р. 39] (курсив мой. — *О. А.*).

Чудо (*wonder*) — еще один смысловой лейтмотив, еще одно концептуально важное понятие, наделяющее роман Перси мифологическим измерением. Оно вновь и вновь возникает в романе в связи с кинематографом. Однако это не чудо встречи с *другой* реальностью, а чудо обретения, благодаря кинематографу, *более глубокого чувства реальности*.

«Сегодня, вечером в четверг, я осуществил успешный эксперимент по повторению», — повествует герой о своем очередном походе в кино и вспоминает, как четырнадцать лет назад он побывал в этом же кинотеатре и посмотрел вестерн. Это было в это же время года, так же пахло цветущими растениями и листвой. И сейчас он был в этом же кинотеатре, сидел рядом с Кейт на тех же местах и вновь смотрел вестерн.

Герой добавляет, что он испытал нечто подобное на прошлой неделе в библиотеке, где случайно наткнулся на старый немецкий журнал с рекламой крема «Нивеа» и вспомнил, что видел точно такой же журнал с той же самой женщиной на отцовском столе двадцать лет назад: «События прошедших двадцати лет словно нейтрализовались: тридцать миллионов смертей, беско-

нечные мучения и пытки, изгнания и эвакуации. Ничего такого, кажется, не случилось, потому что крем «Нивеа» был все тем же. Осталось только чистое время, как хрупкий ореховый прутик» [4, р. 68].

Подобное чувство («успешный эксперимент по повторению») охватывает героя и в кинотеатре: «Можно, конечно, ухмыляться по поводу старых стульев, их потрепанных сидений; они тем не менее пережили все, будто бы для того, чтобы посмотреть, что я сделал со своей жизнью за эти четырнадцать лет. Было также и другое — тайное ощущение *чуда*, вызванное постоянством, мыслью обо всех этих дождливых летних ночах, — двенадцать часов, час, два, — когда сиденья стояли незанятыми в пустом кинотеатре. Постоянство и прочность — об этом стоит задуматься. Это не такие уж пустяки» [4, р. 68].

Мы видим, что ощущение чуда возникает у героя, когда встречаются две его ипостаси — настоящая и прошлая — и словно ведут диалог. Вспомним вновь А. Ф. Лосева. Для него чудо есть один из атрибутов мифа. «*Миф есть чудо*» [2, с. 136], — пишет он и поясняет далее: «В чуде мы имеем дело прежде всего *с совпадением или по крайней мере взаимоотношением и столкновением двух каких-то разных планов действительности* <...> Подлинного чудесного взаимоотношения личностных планов надо искать... прежде всего *в сфере одной и той же личности*» [2, с. 143]. Два личностных плана, которые встречаются в чуде, это: «1) личность *сама по себе*, вне своего изменения, вне всякой своей истории, личность как *идея*, как *принцип*, как смысл всего становления, как неизменное *правило*... 2) *сама история* этой личности, реальное ее *протекание* и становление, *алогическое становление*, сплошно и непрерывно текучее множество-единство, абсолютная текучая неразличимость и чисто временная длительность и напряженность» [2, с. 144]. Таким образом, концепт чуда, столь значимый для Перси, также отчетливо коррелирует с мифом.

Подводя итоги этим кратким размышлениям о функции киномифа (а вернее, кино как мифа) в романе Уокера Перси, можно сделать следующие выводы:

1. Кинематограф в романе обладает функцией мифа, гармонизируя хаос, внося определенный смысл в неподлинное существование героя.

2. Кинематограф, подобно мифу, функционирует в роли языка, наделяя означающими невнятные проявления реальности.

3. Кино мифологизирует существование, ибо помогает обнаружить в нем некие архетипы, нечто общее с *другой* жизнью, тем самым наделяет призрачное индивидуальное существование подлинной, *всеобщей* реальностью.

4. Кино становится мифом, ибо обладает тем, что А. Ф. Лосев называет не поэтической отрешенностью, а отрешенностью мифа, которая не лишает переживаемые вещи их реальности, осязаемости и чувственности.

5. Лейтмотив чуда, проходящий через весь роман, также имеет мифологическую природу, ибо возникает как взаимодействие двух личностных планов — абстрактной идеи личности «как неизменного единства» и личности исторической, которая «вечно меняется и становится».

На первый взгляд, роман «Любитель кинематографа» предвосхищает постмодернистское мироощущение, возникшее во многом как реакция на вездесущее проникновение массовой культуры с ее назойливой визуальной

составляющей. Однако скорее всего следует согласиться с Ф. Симмонсом, который видит в «Любителе кинематографа» переходный текст, где постмодернистская тематика получает позднемодернистскую трактовку [5, р. 39]. Действительно, мироощущение героя и его самоощущение ближе к ностальгии модернистов по утраченным абсолютам, чем к постмодернистской, шутовской игре видимостей, симулякров. Слишком близко к сердцу принимает герой Перси фиктивную реальность кинематографа, слишком большие надежды на нее возлагает как на нечто, что поможет ему прорваться к подлинному, глубинному бытию. От постмодернизма первый роман Перси отличает и ностальгия по утраченным «большим нарративам», которые помогли структурировать человеческое существование и, как верилось модернистам, могли бы вернуть смысл в бессмысленность бытия. Одним из таких структурирующих бытие нарративов несомненно являлся миф, который, по словам Т. С. Элиота, позволяет «взять под контроль, упорядочить, придать форму и значение необозримой панораме пустоты и анархии, каковой является современная история» [3, с. 228].

Как мы убедились, функции мифа в романе У. Перси исполняет кинематограф, из тенет которого герой в конце концов возвращается к реальному историческому бытию. В отличие от постмодернистской прозы, «Любитель кинематографа» обладает реальной исторической перспективой, одним из измерений которой, как это ни парадоксально, становится южный миф как традиционная форма исторического осмысления жизни.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
3. Элиот Т. С. «Улисс», порядок и миф // Иностран. лит. 1988. № 12.
4. Percy W. The Moviegoer. N. Y., 1961.
5. Simmons P. E. Deep Surfaces: Mass Culture and History in Postmodern American Fiction. Athens; London, 1997.

А. Н. Таганов

«ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ

На примере французской литературы рубежа XIX—XX веков рассматриваются процессы, связанные с кризисом традиционных форм метафизического мышления, который порождает новые принципы и формы художественного творчества, формирует особое отношение к Слову.

The crisis of traditional forms of metaphysical thinking in French literature of the 19—20th centuries is the focus of the article. This crisis brings up new artistic forms, creates new attitude towards a poetic word.

На рубеже XIX—XX веков происходит смена многих парадигм человеческой духовной практики. Наступает период, который проявляет себя по-разному в различных сферах человеческой деятельности. С этого момента говорят о необходимости пересмотра идей, которые долгое время направляли развитие цивилизации, культуры (концепции гуманизма, позитивизма, натурализма и т. д.). В данной связи можно сказать, что речь идет о кризисе глобальной методологической системы, которая существовала под знаком метафизики. С конца XIX века эта система подвергается методичному и постоянному переосмыслению, что позволило в свое время Хайдеггеру заговорить о необходимости «преодоления метафизики».

«Преодоление метафизики», по Хайдеггеру, — это не полное ее отрицание, а скорее ее дополнение. Это познание не сути сущностей, а истины бытия, обусловленной универсальным бытийным основанием, обозначенным философом термином «Ничто»: «Преодоление метафизики оказывается достойным делом мысли лишь в той мере, в какой мысль помнит о невозможности забвения бытия. Та же неотступная мысль думает одновременно и о преодолении. Такая мысль-память осмысливает то единственное событие лишения сущего своей собственной сути, в котором просвечивает и прощально озаряет человеческое существо бедственное положение истины бытия, а тем самым и начало истины. Это пре-одоление есть пре-дание метафизики ее истине» [9, с. 181].

Для Хайдеггера метафизика — это сама Жизнь, явленная человеку в его мысли, единственно возможный способ его существования, но который вместе с тем не дает возможности выхода к сути бытия: «Между тем от метафизики на протяжении ее истории от Анаксимандра до Ницше истина бытия остается скрытой» [8, с. 29]. Это происходит потому, что метафизическое познание, расследуя «сущее как сущее», «остается при сущем и не обращается к бытию» [8, с. 27].

Особое место в философии Хайдеггера занимает уже упомянутая категория «Ничто»: «Ничто, — по его мнению, — есть условие возможности раскрытия сущего как такового для человеческого бытия» [10, с. 23]. Истина бытия познается через существование человека, который рассматривается не только как часть мира сущностей, но и как экзистенция, «выдвинутая» в «Ничто». («Человеческое присутствие означает: выдвинутость в Ничто» [10, с. 22].) Познание сути бытия идет через углубление в Человека, через вхождение в существование человека, «выдвинутое» в истину бытия.

Проблема «преодоления метафизики» естественным образом приводит к вопросу о необходимости «преодоления» метафизического языка, так как «метафизика не дает слова самому бытию, потому что продумывает бытие не в его истине, истину не как непотаенность и эту последнюю — не в ее существе» [8, с. 29]. В связи с этим особую роль приобретает поиск «другого» (не-метафизического) Слова, которое, не порывая со старым смыслом, «думает» о новом.

В данном случае важнейшее значение приобретает сфера искусства. В свое время М. М. Бахтин указывал на то, что только поэзия способна «преодолевать» язык: «Громадная работа художника над словом имеет конечной целью его преодоление, ибо эстетический объект вырастает на границах слов, границах языка как такового; но это преодоление материала носит чисто имманентный характер: художник освобождается от языка в его лингвисти-

ческой определенности не через отрицание, а путем имманентного усовершенствования его: художник как бы побеждает язык его же собственным языковым оружием, заставляет язык, усовершенствуя его лингвистически, превзойти себя самого» [2, с. 280].

Безусловно, важно во имя чего происходит «преодоление языка». «Преодоление метафизики» через «преодоление языка» предполагает совершенно особое отношение к Слову, его роли, целям. Подобно тому, как метафизическое Слово, выходя «за» («мета») границы сущностного мира, вынуждено вместе с тем оставаться в пределах физического пространства, неметафизическое Слово должно бытовать в пределах языка, «обслуживающего» метафизику, и в то же время стремиться выйти «из»/»за» («мета») него, образуя своего рода мета-метаязык и мета-метафизическое Слово.

Слово мета-метафизическое — Слово, находящееся в границах метафизического языка, «понимающее» и «помнящее» его, но одновременно и ищущее иной смысл, иную семантику. Это своего рода ино-странное Слово. Слово, «вспоминающее» истину бытия, Слово-миф, создающее свой мир, Слово-имя, именующее/творящее новую реальность.

Все дело, однако, в том, что любое Слово в рамках уже существующей цивилизации не является первичным в силу диахронических причин. Оно может появляться и бытовать только в границах уже имеющегося языка, его различных дискурсов. Поэтому удел мета-метафизического Слова — осознание своей «вторичности», выхождение за свои пределы через «вспоминание» истины бытия, через борьбу/преодоление/игру с устоявшимися смыслами.

Мета-метафизическое слово «вторично» в том плане, что оно строит новые значения, смыслы на основе и поверх уже существующих значений. Здесь мы имеем дело со Словом-палимпсестом, Словом-пастишем, Словом-именем, Словом-центоном, бытующем в рамках пространства литературы и не претендующем на миметическую функцию.

В качестве примера своего рода логического завершения этого движения Слова за пределы метафизического мышления в XX веке можно привести творчество Мориса Бланшо и Жоржа Батая, которые видят основное назначение поэтического языка в разрушении устоявшихся смыслов. Художественное творчество для Батая — это «обычная бойня слов» [1, с. 255], «жертвоприношение, в котором слова приносятся в жертву» [1, с. 253]. Для Бланшо язык в литературном пространстве «не властен, у него нет права голоса. Он не в нашем распоряжении, и через него мы ничем не распоряжаемся. Это вовсе не тот язык, на котором я изъясняюсь. На этом языке я не изъясняюсь никогда, никогда не обращаюсь к тебе и тебя не окликаю. Все черты литературного пространства помечены знаком отрицания. Но за этим отрицанием скрывается еще более существенный факт: в этом языке все и всякое отрицание оборачивается утверждением и утверждает. Это оттого, что этот язык говорит как отсутствие. Он говорит уже там, где еще не говорит: умолкая, он продолжает звучать. Он не молчалив, ибо в нем именно молчание говорит само с собой. Свойство привычной речи в том, что для нее совершенно нормально быть расслышанной. Но в этой точке литературного пространства язык не высказывает ничего вразумительного. Откуда и особая рискованность поэтической речи. Поэт это тот, кто понимает невразумительный язык» [3, с. 45]. Задача поэзии, оставаясь в видимых пределах Слова, — вместе с

тем превзойти его, прорываясь через разрушение привычных смыслов к неизвестному. Иными словами, к истине бытия.

Осознание особой миссии поэтического Слова в постижении сути жизни, как мы видим, проявляет себя в полной мере к середине XX века. Однако еще на рубеже XIX—XX веков о «преодолении языка» писал Пруст: «Прекрасные книги написаны на своего рода иностранном языке». Поясняя свою мысль, Пруст говорит: «Под любым словом каждый из нас понимает свое или, по крайней мере, видит свое, что зачастую искажает смысл до его прямой противоположности» [11, с. 126]. Язык истинного писателя, с его точки зрения, должен быть предельно индивидуализированным, он не терпит унификации. Слово у Пруста «атакуется», то есть выводится из-под власти сложившихся стереотипов, застывших клише: «Единственно, кто защищает французский язык (как армию во времена Дела Дрейфуса), — это те, кто его "атакует". Идея о том, что есть некий "внешний" по отношению к писателям французский язык, немыслима. Каждый писатель должен создавать свой язык, точно так же, как каждый виолончелист, например, обязан создавать свое "звучание". При этом всегда между звучанием, созданным скверным виолончелистом, и звуком той же ноты, скажем, у Тибо, будет существовать отличие — быть может, нечто бесконечно малое, что составляет, однако, на самом деле, целый мир» [12, с. 276—277].

«Нападение» на язык для Пруста — лучший способ его защиты, ибо защищать язык, с точки зрения писателя, — не значит использовать и сохранять в неизменности устоявшиеся речевые формулы, создавая и охраняя незыблемую языковую норму, напротив, это означает постоянное «оживление» языка своим индивидуальным присутствием в нем, через которое проявляются таинственные жизненные закономерности.

Пруст уточнил суть процесса, однако сам процесс обозначился гораздо раньше. Его черты можно различить уже в романтической теории иронии, которая является реакцией на несовершенство всех прежних эстетических систем, на неподлинность и неадекватность по отношению к Жизни всех прежних художественных дискурсов. Литература развивается за счет непрерывного усилия «овладеть жизнью, для чего она и создает все новые формы ("языки")», между тем как сама жизнь, всякий раз более или менее послушно отливаясь в эти формы, тут же, словно дразня, ускользает из-под их власти, оставляя позади себя "бестелесные и бессмысленные маски" (Гете)...» [6, с. 54—55]. Романтизм улавливает эту особенность литературы и пытается бороться с несовершенством «языков» при помощи скепсиса, игры, размывающей серьезное отношение к реальности второго порядка. Но, по замечанию Г. К. Косикова, подобная метода способна «превратить драму "преодоления" культуры в трагедию отторженности от нее. Упиваясь зрелищем неполноты любых человеческих "правд" о мире и соответственно любых культурных языков, присваивая себе право на их разрушение, ироник, тем не менее, не владеет никакой иной правдой и никаким иным языком, который он мог бы предложить вместо разрушенных. Ему принадлежит лишь состояние вечной неудовлетворенности, "страстное томление" (Гегель) по бесконечному — томление столь же настоящее, сколь и бесплодное, ибо живя только критическим созерцанием чужих языков, но сам ничего не создавая и потому не занимая никакой ответственной позиции в мире, ироник — будучи логичным — в конечном счете должен обречь себя на молчание» [6, с. 56]. Доба-

вим, что это молчание не есть выражение сути бытия, обусловленного «Ничто», а скорее выражение бессилия перед любого рода познанием.

Другой пример попытки «преодоления метафизического Слова — творчество Рембо. В известном письме Полю Демени (15 мая 1871) Рембо пишет: «Неверно говорить "Я мыслю". Следовало бы сказать "Мной мыслят"... Я есть другой ("Je est un autre"). Нет ничего хуже, когда кусок дерева обретает понимание, что он — скрипка» [13, с. 218]. Слово Рембо — Слово, говорящее от имени «другого», а, следовательно, — Слово, чья семантика, порождается не пространством «общих мест», а личностными «озарениями» (illuminations). Рембо берет на себя функции Бога, переименовывая мир. Он начинает с наполнения новым смыслом гласных (сонет «Гласные»). То же делает со словами. «Пьяный корабль» — не просто метафора. Это смена точки зрения, ракурса: «Я есть другой».

Вслед за Рембо Малларме в своей поэзии во многом ведет художественное Слово к дальнейшему отдалению от материального мира, придавая ему новые функции: «Стих завершает это обособление речи — из многих вокабул заново творя целостный, новый, чуждый языку и будто заклинанием звучащий глагол, властным жестом отменяя случай, что сохранился в словах, несмотря на искусную, поочередно, закалку их смыслом и звуком; и через него удивляетесь вы обыкновенному сочетанию произнесенных слов, как прежде не слышали его никогда, и сама отсылка к названному предмету окутывается, одновременно, новой какой-то атмосферой» [7, с. 343]. «Преодоление языка» приводит у Малларме к чистому листу истинной Книги, к зиянию молчащего бытия, угадывающегося в тексте, но вместе с тем не к концу, а к началу, к истоку Слова.

Следует отметить, однако, что и у романтиков, и у Рембо, и у Малларме еще присутствует желание выйти за пределы существующего художественного языка или создать его заново, отринув традиции. Отсюда преимущественная направленность языка к реалиям им обозначаемым. «Вторичность» Слова здесь проявляет себя неявно.

Особое место в процессе «преодоления метафизики» во французской литературе занимает Изидор-Люсьен Дюкасс, писавший под псевдонимом Лотреамон. Его главное произведение — «Песни Мальдорора» (1869) — по замечаниям многих литературоведов, отличается прежде всего «вторичностью». Так, Г. К. Косиков пишет: «"Песни Мальдорора" — если попытаться дать им самое предварительное определение — суть не что иное, как самозабвенная имитация всевозможных беллетристических образцов» [6, с. 40]. С точки зрения исследователя, парадоксально, однако, что «эта заведомая "вторичность", обычно считающаяся свидетельством слабости и ученической несамостоятельности начинающих авторов, у Лотреамона, наоборот, оказывается самой сильной и оригинальной чертой: она побуждает нас к радикальному пересмотру привычных представлений о самом соотношении "жизни" и "литературы"» [6, с. 41].

Слово Дюкасса — Слово-палимпсест, написанное поверх текста, образованного мировой литературной традицией (в первую очередь — романтической), с тем, чтобы через язык, подчеркивающий обнаженность приема, явную литературность образов и вместе с тем пародирующий их, показать отгороженность человека от сути существования многочисленными пластами культуры и вывести его через образную систему, созданную пространством

«вторичной реальности», к основе жизни, дать почувствовать, говоря словами Хайдеггера, «выдвинутость» человеческой экзистенции в истину бытия.

Не менее важным моментом в процессе отхождения художественного Слова во французской литературе от метафизических основ является творчество Альфреда Жарри, одного из самых парадоксальных писателей рубежа XIX—XX веков. «Преодоление метафизики» у Жарри происходит под знаком созданного им учения патафизики. Воплощение принципов патафизического освоения мира связано у Жарри с главным персонажем романа «Деяния и суждения доктора Фаустролля» (1898). Переосмысление традиционного, метафизического мышления предполагает у Жарри переход от Слова, обремененного миметической функцией, к Слову раскрепощенному, выстраивающему мир в патафизическом, то есть заданном проектами фантазии, порядке: «Патафизика есть наука о воображаемых решениях, которая образно наполняет контуры предметов свойствами, пока что пребывающими лишь в потенции» [5, с. 274—275].

Слово Жарри изначально интертекстуально. Так же, как и Слово Лотреамона, оно представляет собой своего рода палимпсест. В нем постоянно через видимые поверхностные контуры проглядывают очертания других, «чужих» Слов, принадлежащих различным временным пластам (греческие мыслители, средневековые «жесты», народные книги, Рабле, Гете, Ибсен, многочисленные современные автору писатели и т. д.) и стилям (деловые, научные, сакральные и художественные тексты). У Жарри Слово подражает Слову. Оно предполагает создание самостоятельной патафизической текстовой реальности, дополняющей метафизику, комментирующей метафизические усилия познания мира и попытки создания когнитивных систем, реальности, пародирующей (в постмодернистском значении) метафизические дискурсы. Так, в самом знаменитом произведении Жарри — в пьесе «Убю король» (1896) под формами марионеточного фарса угадывается история шекспировского Макбета. В романе «Деяния и суждения доктора Фаустролля» сквозь предстающий перед нами текст «просвечивают» контуры многих мировых образов и мотивов. Описываемые в книге путешествия Фаустролля (Фауст\тролля) заставляют нас вспомнить о герое народных книг и трагедии Гете, о швейцарском писателе и художнике Рудольфе Тепфере (1799—1846), создавшем пародийный альбом «Доктор Фестус», об Ибсене и его «Пер Гюнте», о Рабле и его персонажах, об «Одиссее». В тексте множество намеков на творчество других писателей, как предшественников, так и современников Жарри (Верн, Верлен, Рембо, Ренье, Лотреамон, Пеладан, Кан, Малларме, Верхарн и т. д.).

Слово Жарри не «обслуживает» путешествие по пространству жизни с целью его познания, оно само путешествует по миру Слов, как правило, не стремясь выйти за его пределы. Мотив путешествия, традиционно служащий символом пути познания, движения к истине, у Жарри выводит нас через пародийное восприятие и осмысление мира реального, предстающего в дискурсах различных авторов, к неподдающемуся измерениям и толкованиям Богу.

Слово Жарри «ходит по кругу», вбирая в себя «чужие» Слова. Оно находится в состоянии аффекта, который, как замечает Ж. Делез, возникает когда «наш язык принимается кружиться и, кружась, образует язык грядущего: можно было бы сказать, язык иностранный, вечное пережевывание того

же самого, но язык, однако же, рвет и мечет. Мы топчемся внутри вопроса, что ходит по кругу, но это кружение является наступлением нового языка» [4, с. 135].

Отказываясь от миметической функции, Слово Жарри, как и Слово Лотреамона, Пруста, обращается к «реальности второго порядка». Оно уходит внутрь языка, пытаясь через множество смыслов, наслоившихся в нем, создать новую семантику, не столько выводящую к внешнему миру, сколько дающую возможность через «присутствие» в бытии, ощутить молчание его истины. Язык этих писателей, говоря словами Хайдеггера, «дает слово самому бытию» [8, с. 29].

Библиографический список

1. *Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб., 1997.
2. *Бахтин М. М.* К эстетике слова // Контекст, 1973: Лит.-теорет. исслед. М., 1974.
3. *Бланио М.* Пространство литературы. М., 2002.
4. *Делез Ж.* Один неведомый предшественник Хайдеггера: Альфред Жарри // Делез Ж. Критика и клиника. СПб., 2002.
5. *Жарри А.* Деяния и суждения доктора Фаустролля, пафазифика // Жарри А. «Убю король» и другие произведения. М., 2002.
6. *Косиков Г. К.* Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. М., 1993.
7. *Малларме С.* Сочинения в стихах и прозе: Сб. М., 1995.
8. *Хайдеггер М.* «Что такое метафизика?»: [Введение] // Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступления. М., 1993.
9. *Хайдеггер М.* Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступления. М., 1993.
10. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступления. М., 1993.
11. *Пруст М.* Против Сент-Бева: Ст. и эссе. М., 1999.
12. *Proust M.* Correspondance, 1908. Paris, 1981. Т. 8.
13. *Rimbaud A.* Poesie completes. Paris, 1963.

Л. А. Самуткина

ИУДЕЙСКАЯ АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ХРИСТИАНСКАЯ ВСЕМИРНАЯ ХРОНИКА

Статья описывает место пророка Даниила и апокалиптических видений из ветхозаветной «Книги пророка Даниила» в греческой анонимной «Пасхальной хронике» VII в. Христианская всемирная хроника имеет форму центона, так как составлена из фрагментов разных текстов, которые образуют разные смысловые пласты. В исторической части даны факты из жизни Даниила согласно Библии, а в богословской — панегирик Даниила, построенный на материале апокрифов. Апокалиптические видения о конце истории из «Книги про-

рока Даниила» на страницах «Пасхальной хроники» превращаются в пророчества о ходе истории.

The article describes the place of prophet Daniel and apocalyptic visions, written in the Book of Daniel, in the Greek anonymous «Paschal Chronicle» of VII c. This chronicle has form of Cento, i. e. it consists of variant strange texts. On the one hand the facts from life of Daniel are given according to Jewish Book of Daniel, on the other hand in the text of Chronicle stands Life of Prophet Daniel, which has been taken from apocryphal source and has form of panegyric. Anonymous author of Christian universal chronicle proposes new identification of Nebuchadnezzar' dream of statue, which is interpreted as the theory of the four empires in philosophy of history.

Анонимный труд VII в. на древнегреческом языке, известный со времен знаменитого филолога XVII в. Дюканжа под названием «Пасхальная хроника», написан со специальной целью, определенной в его обширном Прологе: «Составить праздничный цикл в 532 года, во всем согласный с богодухновенными Писаниями и с безошибочными традициями богоносных отцов, с правильно справляемыми праздниками во всех святых Божьих Церквах для нашей собственной и будущих <поколений> пользы». Далее автор дает план своего труда: «Прежде праздничного цикла в 532 года мы определим 28-летний цикл солнца "по природе"... Далее мы дадим объяснение 19-летнего цикла луны "по природе"... И мы составим беглый подсчет времен от начала основания мира... мы ясно покажем, в каком по счету году мира... справлялась в Египте первая Пасха; в каком году <от сотворения> мира... было Благовещение святому Захарии... а также Благовещение святой преславной Приснодеве и Богородице Марии и произошло бессеменное и непорочное зачатие во плоти *великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа*; в каком году от основания мира... был крещен... наш Иисус Христос; в каком году от основания мира Он был за нас распят на кресте и, ограбив ад, воскрес из мертвых. И затем, начав праздничный цикл с того года, в который, претерпев за нас во плоти животворящую смерть, Христос истинный Бог наш воскрес из мертвых на третий день, покажем, в каком году завершился первый праздничный цикл в 532 года церковной Пасхи и откуда начинается второй цикл святой и животворящей Пасхи, со всей возможной проверкой истины прибавив время, которое от основания мира, по-видимому, прошло. <...> Оттого далее необходимо создать эпитому из времен от Адама, первозданного человека, точнее, от начала сотворения мира, <тех лет> которые согласуются с богодухновенным Писанием и с праздниками, безукоризненно переданными богоносными Отцами и по обыкновению исполняемыми в святой кафолической и апостольской Божьей церкви». Эпитома «Пасхальной хроники» является центоном, который строится по принципу лоскутного одеяла, или как говорят историки, с помощью «техники ножниц и клея». Если продолжить образ лоскутного одеяла, то следует заметить, что как лоскутное одеяло обязательно содержит или некий рисунок, или повторяющийся орнамент, который задумывает мастерица, так и «Пасхальная хроника» имеет несколько тем, которые повторяются на протяжении всего труда: называется каждый год с использованием нескольких хронологических координат; сообщаются события, которые вставляются в рамки какого-либо года, и далеко не каждый год имеет событийную составляющую (эти пятна событий близ длинной

линии лет могут быть едва заметными, в одно-два предложения, а могут занимать многие страницы); знаменательные для Священной истории годы «расцветиваются» математическими вычислениями календарных дат Пасхи и других церковных праздников и, наконец, в местах, где упоминаются главные персонажи Священной истории, приводятся краткие комментарии о величии и деяниях ветхозаветных патриархов, пророков, апостолов. Все эти элементы «Пасхальной хроники», как и в лоскутном одеяле, являются чужим материалом. Так, например, богословская часть — это V книга «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова. Исторические события почерпнуты из греческих переводов Ветхого Завета (главным образом Септуагинты, хотя «Книга пророка Даниила» цитируется по переводу Феодорита) и из Нового Завета, из «Канонов» Евсевия Кесарийского, «Хронографии» Иоанна Малалы, документов эпохи императора Ираклия.

Библия используется на протяжении всего хронологического труда с самыми разными авторскими интенциями. Она могла подтвердить вычисления юлианской даты церковного праздника, а также суждения о ветхозаветных патриархах, пророках, апостолах. Цитаты из Священного Писания становились «наполнителем» той череды лет, которая составляла эпитому. Она представлена в виде всемирной хроники от Адама до 630 г. н. э., причем со времени Авраама хроника написана в форме анналов, когда каждый год из более чем 2800 лет, а столько лет насчитывается анонимным автором от рождения Авраама до последнего года хроники — 20-го года правления императора Ираклия, отмечался каким-нибудь способом. Более того, точность и правильность хронологии проверяется хронологическими данными из Библии. Иными словами, Священное Писание присутствует во всем содержании «Пасхальной хроники»: в вычислении даты Пасхи, в хронологии, при описании событий (собственно в истории), в богословских комментариях. «Книга пророка Даниила» — именно та часть Библии, которую можно найти со всех содержательных пластов всемирной хроники. Это первое и самое значительное произведение иудейской апокалиптики. Цель данного исследования — показать, как апокалиптическое сочинение иудеев используется на страницах христианской хроники VII в.

Изложенные в пророческой книге события и видения прикреплены к периоду между 605 г. и 30-ми гг. VI в. до н. э. Однако в действительности книга получила свой облик между 167 и 163 г. до н. э., в эпоху Маккавейских войн. Книгу открывает рассказ о жизни Даниила вместе с тремя молодыми евреями при дворе Навуходоносора. Все четверо представляют собой образец иудейских страдальцев за веру во времена Антиоха IV Епифана, когда язычники требовали у евреев отказа от своей веры. Во имя верности Яхве они не подчиняются вавилонскому культу кумира (за что три отрока брошены в раскаленную печь) и борются с иноземными богами (за что Даниил был дважды брошен в яму ко львам); чудо спасает от смерти и отроков, и Даниила. Здесь же рассказывается об истукане, разрушенном камнем в пыль, — видении, приснившемся вавилонскому царю Навуходоносору и истолкованном Даниилом, и о каре, постигшей Навуходоносора, который лишился ума и жил как зверь, а также о знаменитом видении Валтасару пишущей на стене руки. Собственно апокалиптические видения идут с главы 7-й по 12-ю. В «Книгу пророка Даниила» входят рассказы о праведном суде Даниила, который защитил честь Сусанны, о том, как он уличил жрецов, утверждавших, что

вавилонский бог Вил живой, ибо сам съедает пищу, приносимую ему в жертву.

Следует указать, что почти вся «Книга пророка Даниила», за исключением историй о Сусанне, о боге Виле и его жрецах, присутствует в той или иной части «Пасхальной хроники» (не упоминается также предсказание о 2300 днях). Большая часть повествования о Данииле помещена в исторической части «Пасхальной хроники», где события из жизни Даниила расписаны на протяжении пятидесяти лет (4886—4936 гг. А. М. по счету анонимного автора) по годам последних перед вавилонским пленением правителей Иудеи, вавилонского царя Навуходоносора, его двух сыновей Евилада Мародаха и Валтасара, Дария Мидийца и другого Дария, которого называли Астиагом, и, наконец, перса Кира. Отметим, что в данном случае неизвестный автор не следует датам Священного Писания, он или снимает их при цитировании или же изменяет, следуя определенной логике. Она становится понятной из богословской части анонимной хроники: «Некоторые же из них [пророков] описывали себя в своих книгах. Как, например... Даниил, который в плену по приказу написал то, что ему в видениях открылось... Остальные же сами не написали, а были в храме книжники, которые записывали слово каждого пророка, как в календаре. Всякий раз как пророк посылался Богом возвещать или о Иерусалиме... или об Антиохе, или о соседних народах, или о самом Владыке Христе, в тот же день, что пророчествовали, в тот же и записывали в речи того пророка, что он возвестил об одном деле. И спустя время, если он возвещал о другом деле, вновь записывали, что он возвещал, приписывая к его речи, как бы создавая новую главу. И так они составляли всю его книгу. Оттого можно найти в их книгах главу, соответствующую вавилонскому пленению, или возвращению, и тотчас другую о Христе, и вновь о пленении и о возвращении сообщающую; и попросту сказать, если ты будешь читать, не соблюдая дни, ты все найдешь спутанным» [1, р. 288]. Действительно, если автор заимствовал из книги Пророка (Dan. 6:1) рассказ о том, что Валтасар, царь халдейский, был убит и Дарий Мидиец принял царство, то далее в рассказе о видении четырех зверей он указал дату «В этом первом году <Дария>» [1, р. 263] вместо ветхозаветной «В первом году Валтасара» (Dan. 7:1). По-своему реконструировав время в истории о Данииле, неизвестный автор «Пасхальной хроники» приводит обширные многостраничные цитаты из Писания. Почти полностью скомпилированы первая и третья главы «Книги пророка Даниила». Полностью процитирована вторая глава о золотом истукане под отдельном заголовком «Из пророчества Даниила» и третья глава о раскаленной печи и чудесном спасении трех отроков, из всей главы изъяты лишь слова молитвы, славящие Израиль. Опустив четвертую главу, аноним полностью приводит видение Валтасара из пятой главы. В форме пересказа сообщается о двух заточениях Даниила в яму со львами, причем в первую историю введено ошибочно (?) предание о пророке Аввакуме, который кормил Даниила в яме, будучи за волосы перенесен ангелом из Иудеи в Вавилон. Автор упоминает о видении Даниилом Сына Человеческого, четырех зверей, овна и козла. Аноним также ведет счет сроку служения Богу пророка Даниила, он называет 30-й и последний, 50-й год его пророческого служения.

Таким образом, в исторической части представлены лишь факты из жизни Даниила, и даны они в соответствии с еврейской «Книгой Даниила», хотя и с небольшими расхождениями. Пророк предстает исторической лич-

ностью наряду с другими пророками и греческими деятелями культуры. В богословской части «Пасхальной хроники» есть панегирик Даниилу. Это — биография Даниила. Она стоит в одном ряду с биографиями других 16 пророков, которые были разделены на 4 великих и 12 малых. Биографии 4 великих пророков построены по одному плану. После того как сообщается в форме одинакового зачина «Этот (имярек), удостоившийся сказать о Христе» о том, что предсказал тот или иной пророк о пришествии Иисуса Христа, даются сведения о месте рождении пророка, о его внешности, образе жизни. Далее приводится какой-нибудь случай из жизни пророка, как правило апокрифический, и, наконец, сообщается о смерти и месте захоронения. О Данииле сказано, что он был целомудрен, жил в посте, много молился и стал великим печальником за иудеев. Он имел изящную фигуру и обладал прелестной внешностью. «Для персидских царей он сотворил такие чудеса, что и не описать». Особо подробно рассказано, как Даниил вымолил у Бога прощение Навуходоносору, который превратился в зверя: «Спереди он был как бык головой, а ноги и задняя часть — лев... Он стал скотом из-за неразумного своего сладострастия и упрямства, а львом из-за алчности, тиранства и дикого нрава». Отголоски этого древнего вавилонского мотива зафиксированы в 4-й главе «Книги Даниила», однако в этой биографии он сохранил сказочные черты, которые исчезли в Писании. Далее приведены пророчества, которые также отсутствуют в Писании. Биография заканчивается словами «Преподобный Божий почил с миром».

Эта биография, которая имеет черты агиографии, преследует специальную цель этого жанра: прославить Даниила как великого персонажа Священной истории, а его деяния — как служение великому Богу.

Вслед за С. С. Аверинцевым признавая в видениях Даниила апокалипсис, тема которого — «взрыв истории и переход в эсхатологию» [5, с. 300—302], можно увидеть, как в «Пасхальной хронике» эта эсхатология снимается и видения о конце истории превращаются в пророчества об истории. Иными словами, в анонимной христианской хронике все видения Даниила, заново истолкованные (а пророчества Даниила имеют своеобразную историческую интерпретацию в рамках самой книги), сбываются.

В «Книге пророка Даниила» описывается сон Навуходоносора о статуе, сделанной из золота, серебра, бронзы и железа, имеющей ступни железные, смешанные с глиной, и о камне, который разрушает колосса и растет на месте истукана, заполняя весь мир. Даниил истолковывает этот сон как предсказание о четырех великих монархиях, за которыми последует пятая, которая займет их место навечно (Dan. 2:31—45). Идея повторяется вновь через несколько глав в видении о четырех зверях, за которыми следует Сын Человеческий, которому были даны власть, слава и царство, чтобы все народы, нации и языки служили ему (Dan. 7:1—14).

Можно видеть, как на протяжении почти 150 страниц боннского издания «Пасхальной хроники» [1, р. 232—365] реализуется в полном объеме история человечества, данная в видении Навуходоносора, конкретное толкование которого Даниилом только начато. Он называет только вавилонское царство. Черда толкований в «Пасхальной хронике» касается также видений Даниилом четырех зверей и овна с козлом и завершается интерпретацией, которая, казалось бы, уточняет все позиции видения вавилонского царя: «Отсюда некоторые считают первый год монархии Августа, это то самое царство

римлян, которое интерпретация (синкрисис) истукана, согласно Даниилу, называет железным, ибо оно все разрушает. Царство вавилонян золотое, персов серебряное, македонян медное. Одна часть его [царства римлян] железная, другая глиняная, что показывает смешение римлян и египтян, так что царство римлян железное, египтян — глиняное». Отсутствует только пояснение, что следует понимать под камнем. Это объяснение можно найти в богословской части биографии Даниила: «Это Даниил, в Вавилоне проповедующий и сам удостоившийся сказать о Владыке Христе, говоря так: "<...> И был сброшен камень без применения рук и поразил истукана, и стал камень горой великой и заполнил всю землю" (Dan. 2:45)».

Однако встречаются промежуточные, краткие толкования «истукана истории» и апокалиптических зверей по мере того, как читатель движется от времен Навуходоносора ко времени Октавиана Августа: «Кир, убив Астиага, уничтожил царство мидийцев, существовавшее 259 лет, оно сравнилось совместно с царством вавилонян с золотой головой истукана, которого видел Навуходоносор (во сне. — Л. С.)». Даниил видит четырех зверей: львицу, медведя, барса и другое животное, страшнее и сильнее остальных, они являются четырьмя восставшими от земли царствами. Видение об овне и козле истолковывается так: «Вижу я козла, идущего с запада по лицу всей земли, который сокрушил овна и его рога, т. е. царство римлян сотрет царство перед ним и семена его».

«Книга пророка Даниила» породила в раннехристианский период целый ряд трудов, посвященных ее толкованию, еще большее число авторов так или иначе касались пророчеств Даниила (см. о них: [4, 7, 8]). Собрав воедино все, что сказано в «Пасхальной хронике» по этой проблеме и сопоставив с суждениями других христианских авторов, можно заключить, что перед нами христианское толкование, отличное от иудейского, которое, однако, следует за иудейским при толковании земных царств: вавилонское (однажды названное вавилонско-мидийским), персидское (мидийско-персидское), македонское, римское (или римское, смешанное с египетским), царство Христа.

Наибольший интерес у исследователей нового времени [2] вызывает пророчество 70 седмин (Dan. 9:24—26), ибо всемирная хроника раннего Средневековья трактовала это апокалиптическое предсказание как средство для вычисления Рождества Христова. Первым среди христианских хронистов связал 70 седмин лет Даниила с Воплощением Христа Юлий Африкан, на которого неоднократно ссылался наш анонимный автор при создании своей хронологии. Проанализировав эти отсылки, можно прийти к выводу, что именно предсказания Даниила позволяют подтвердить мнение отечественного хронолога-пасхалиста священника Д. Лебедева, что «эра и пасхалистический метод пасхальной хроники есть своеобразная комбинация александрийской анниановой эры от сотворения мира (эпоха — 25 марта 5492 г. до Р. Х. или 29 августа 5493 г.) и александрийских кругов луны и солнца — с антиохийскою (принятою потом в Константинополе и известною под именем "константинопольской") эрою... (эпоха 1 сент. 5509 г. до Р. Х.) и лежащими в ее основе сирийским "лунным" кругом и антиохийским кругом солнца» [6, с. 221—222].

Подводя итоги, можно заключить, что иудейский пророк Даниил и его «Книга пророчеств» включены во все содержательные пласты всемирной хроники и занимают в них достойное место. Для анализа все компоненты

хроники были сопряжены, так, например, для объяснения толкования апокалиптических видений из «Книги Даниила», помещенных в «исторической» части, привлекались материалы из «богословской». Возможно, следует говорить о Данииле и толковании его видений отдельно в каждой части, и тогда они будут разными, а именно историческими и богословскими. Наши сомнения не случайны: в «Пасхальной хронике» мы вновь столкнулись с феноменом византийской культуры, в которой разные мнения, традиции сосуществуют на паритетных основах вне времени.

Библиографический список

1. Chronicon Paschale / Hrsg. L. Dindorf. Bonn, 1832. Vol. 1—2.
2. *Fraidl F.* Die Exegese der siebenzig Wochen in der alten und mittleren Zeit. Graz, 1883.
3. Septuaginta / Ed. A. Rahlfs. Stuttgart, 1979.
4. *Swain J. W.* The theory of four monarchies opposition history under the Roman Empire // *Classical Philology*. 1940. Vol. 35.
5. *Аверинцев С. С.* Древнееврейская литература // *История всемирной литературы*: В 9 т. М., 1983. Т. 1.
6. *Лебедев Д.* 19-летний цикл Анатолия Лаодикийского // ВВ. 1911. [Т.]18.
7. *Редин Е. К.* Христианская топография Кузьмы Индикоплова: (По греческим и русским спискам). М., 1916.
8. *Тюленев В. М.* Кризис 410 года и судьба теории «христианской империи» в «Истории против язычников» Павла Орозия // *Раннесредневековый текст: проблемы интерпретации* / Отв. ред. Н. Ю. Гвоздецкая, И. В. Кривушин. Иваново, 2002.

И. А. Казакова

СТАНОВЛЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ БОРИСА ВИАНА

Рассматриваются проблемы специфики становления идиостиля Бориса Виана.

The article investigates the problems of Boris Vian's style formation.

Традиционно в отечественном литературоведении французского писателя Бориса Виана (1920—1959) относят к разряду бунтарей и анархистов, придавая этому понятию сугубо идеологизированный оттенок. Однако истоки «непохожести» Виана на современников — в его дальновидности, как идейной, так и художественной, а также в способности нетрадиционного видения привычных явлений. Так, В. Лапицкий отмечает, что знакомые явления Виан помещает в «вымышленный мир, параллельный нашему и существующий по своим законам» [14, с. 17].

Друг и самый крупный биограф Виана Ноэль Арно отмечал, что Бориса все окружающие называли «un touche-à-tout» — непоседой; человеком,

берущимся за все. Часто в своих записных книжках Виан фиксировал идею, еще не зная, каким образом она реализуется — в мелодии, в газетной заметке или в техническом изобретении. Случалось также, что чтение газет могло натолкнуть его на мысль о новой музыкальной композиции, а игра на трубе навевала литературный сюжет. Несомненно, такая размытость границ между, казалось бы, столь непохожими отраслями человеческой деятельности оказывает свое влияние и на Виана-романиста, чем сближает его с традициями дилетантизма рубежа веков. Эта особая манера восприятия различных проявлений духовной жизни в интеллектуальной среде Франции была описана Полем Бурже в «Опытах современной психологии» (1883). Бурже писал, что «дилетантизм — это не столько доктрина, сколько предрасположенность ума очень трезвого и одновременно предельно сладострастного, который склоняет нас поочередно к различным формам жизни, побуждает идти им навстречу, не отдаваясь полностью ни одной из них» [17, с. 42].

Для эпохи рубежа веков проблема дилетантизма была актуальна в связи с полемикой против позитивизма, основанного на культе рации; на смену дилетантизму в конце XIX века вновь приходит ангажированный тип культуры. В середине XX века ситуация идентична; на фоне ангажированной литературы появляются попытки «противостояния» общей тенденции, желание избавиться от банальных стереотипов и по-новому увидеть окружающий мир. Литературному творчеству Б. Виана во многом присуще «устойчивое стремление к сохранению индивидуальной независимости и самобытности» [18, с. 5], совмещенное с «желанием все понять» [84, с. 5], словом, все то, что сближает его с «дилетантизмом».

Действительно, *дилетантизм* Виана можно рассматривать в свете двух аспектов значения этого понятия. С одной стороны, Виан ни в одной из многочисленных форм самовыражения не был профессионалом; с другой стороны, широта интересов давала ему возможность глубже видеть и ярче чувствовать окружающий мир. *Дилетантизм* Виана выступает, как нам видится, в экзистенциальной функции, формируя специфическое отношение к жизни. Оно выражается в несколько, казалось бы, поверхностном движении по жизни, но охватывающем все многообразие человеческого существования и их синтез. Не остановившись ни на одном виде деятельности, Борис Виан пытается подтвердить свой взгляд на «жизнь как на творческий акт» [21, с. 43], дополняя недосказанное в романах блюзами и техническими изобретениями. «Дилетантизм» также дает возможность Виану «раздвинуть» рамки традиционного романа и создать то, что В. В. Ерофеев назовет «разностильем», «лоскутным романом» [7, с. 24], совмещающим в себе стилизацию различных эстетических систем. Здесь ярко проявляет себя игровая установка Виана, направленная на развенчание всего устоявшегося, устаревшего, ставшего банальным. В результате этой модификации подвергаются не только жанровые характеристики (типичный сюжет, система персонажей и их взаимоотношений друг с другом), но и язык повествования.

Другим сущностным понятием для эстетики Виана стал парадокс. Отметим, что парадокс стал лейтмотивом всей биографии писателя, и, следовательно, не мог не оставить отпечатка на его литературном наследии. Однако связь могла быть отчасти и обратной, поскольку у Виана было несколько учителей парадокса в литературе и в жизни — это и его друг Жак Лустало, и отец, и литературная традиция Франции и других стран, имевшая к тому

времени в своем багаже наследие Альфреда Жарри, сюрреалистов, Л. Кэрролла и Рэймона Кено.

Необходимо отметить общность сюжетов и стилистических приемов у Виана и сюрреалистов. В первую очередь это тема антиклерикализма, некое продолжение ницшеанской формулы об умершем Боге; низвержение и осмеяние всего, что считалось священным, неприкосновенным; попытка пересмотра тех этических нюансов, которые издавна значились аксиоматическими в религиозном сознании. Кроме того, это «провоцирующая сексуальность» [24, с. 19], возникшая в результате перестановки ценностных акцентов с картезианского разумного на инстинктивное, непостоянное, недолговечное. Нельзя не отметить и вызов устоявшимся общественным понятиям — логике, образованию, семье, — ставший одной из примет обновленного сознания и искусства; а также мотивы «женщина-растение», «дом-растение», свидетельствующие о выходе за границы классической и устоявшейся образности. Добавим, что сближает Виана и сюрреалистов еще и традиция языкового эксперимента во французской литературе XX века — каламбуры, оксюморон, игра смыслом устоявшихся фразеологизмов, пословиц...

Действительно, Виан не был первооткрывателем ни идеи протеста против традиционной логики, стереотипов сознания и восприятия всевозможных концептов окружающей нас действительности; ни техники языкового эксперимента как частного ее выражения. Эта цель объединяет Виана и сюрреалистов, и Виан во многом становится продолжателем данной традиции, однако, добиваясь идентичного результата несколько иными путями. Коренное отличие сюрреалистической техники от художественных методов Виана заложено в самой истории этого литературного течения.

Недоверие к существующей философской системе, к тем формам искусства, которые зиждятся на старом восприятии мира, позволило сюрреалистам открыть новые средства познания, обнаружить подлинную, с их точки зрения, реальность — «сверхреальность», абстрагироваться от внешнего мира и достичь автоматической фиксации мысли при отсутствии какого бы то ни было контроля со стороны разума. Только тогда можно говорить о «спонтанном, истинном языке, предшествующем сознанию, свободном от искажающих его подлинность значений, от стереотипов» [1, с. 29].

Философским фундаментом сюрреалистов стали субъективно-идеалистические школы начала XX века, интуитивизм Бергсона и фрейдизм. «Автоматическое письмо», главное звено в механизме сюрреалистического искусства, соответствовало «некому голосу, передаче слова, которое мобилизует психофизическое поле мысли — его магнетизирует, — как отмечал А. Бретон. — Этот голос, независимо от мыслящего субъекта и его непосредственного окружения, надо поймать, поставить антенну мысли, чтобы слышать и передавать» [4, с. 100].

Таким образом, в этой экспериментаторской практике языка и образа мы легко можем узнать стремление сюрреалистов раскрепостить духовную энергию личности, подавляемую «искусственными» нормами логики, утвердить спонтанность, непосредственность и, благодаря автоматической фиксации подсознательного, найти способ овладения человеком своими внутренними возможностями. Виан, напротив, далек от автоматической фиксации подсознательного импульса; его оригинальная концепция видения мира

заключается в четком делении всех концептов бытия на составляющие части и в выстраивании с их помощью обновленной картины мира. Это возможно благодаря новому принципу системной организации уже существующих элементов.

Следовательно, там, где сюрреалисты используют возможности психики бессознательного и ищут возможности новаторства искусства через «путь его дисформирования» [3, с. 245], то есть «изничтожения самой мысли о форме» [3, с. 245], Борис Виан все же не идет так далеко и останавливается на стадии «деформации» романной формы и образности. «Механизм полного контраста со всем принятым» приводит сюрреалистов к признанию, что они не имеют ничего общего с традиционной литературой и не являются «новым или более легким средством выражения, но средством тотального освобождения духа и абсолютной свободы индивидуума» [1, с. 72]. Для Б. Виана традиция литературы играет важную роль и необходима ему в качестве «точки отсчета» для поиска средств и методов изменения классической формы романа во французской литературе. Выступая в какой-то степени на позициях анархизма, Виан не протестует против искусства или мира в целом — он предлагает иную систему их устройства.

Художественный мир произведений Виана представляет собой перманентный литературный эксперимент, где причудливо сочетаются реальность и вымысел, компоненты различных жанровых и стилевых систем; это мир, выходящий за мыслимую и привычную грань своего как материального, так и литературного существования. Эксперимент-вызов, эксперимент-протест, который сближает Виана с сюрреалистами, сосуществует у писателя также с созидательным экспериментом, направленным на обновление и реорганизацию формы и содержания литературного произведения и имеющим свои корни в творчестве Рэймона Кено. Литературное влияние Кено на Б. Виана началось еще задолго до их знакомства.

Читая произведения Кено и занимаясь первыми литературными пробами, Виан внимательно присматривался к манере Кено работать с языком и к его разнообразным экспериментам в литературе. В глазах Бориса Виана Рэймон Кено был личностью уникальной: поэт, прозаик, теоретик литературы, сценарист, актер, художник, математик, он вошел в историю французской культуры и как «хранитель и популяризатор культурного наследия» [16, с. 385]. Свое творчество Рэймон Кено начал как поэт, был связан с сюрреалистами, борющимися за обновление поэтического языка, строя образности. Эти идеи сюрреалистов Кено взял «на вооружение» и навсегда поставил в центр своего писательского внимания проблемы языка и стиля литературы.

Игра различных стилей и жанров в рамках одного литературного произведения у Виана будет выражаться более спонтанно и не столь систематизированно, как у Кено, будет в большей степени напоминать головоломку для читателей, но не станет от этого менее оригинальной и сущностной. Истоки этой литературной традиции «разностилья», которую исследователь наследия Р. Кено — Ж. Берсани — назовет «чувством языка и филологическим юмором» [16, с. 391], сам Борис Виан увидит в творчестве Джеймса Джойса.

Общая идеологическая обстановка 40-х годов, апогей французского централизма, связанный с приходом к власти маршала Петэна, установивше-

го корпоративно-авторитарный режим личной власти, оставляет свой отпечаток и на духовной сфере развития французского общества, в частности на литературном творчестве. Господство проблемного романа, установка Сартра на «ангажированность» в очередной раз доказывают, что литература представляла собой один из способов популяризации господствующих идей и убеждений. *Ангажированность* как идеологическое настроение в литературе и как одно из основополагающих понятий философии Сартра предполагала вовлеченность сознания вообще и, в более узком смысле, в рамках эстетической теории, вовлеченность художественного творчества писателя в актуальные, происходящие в обществе события.

Сознание, по Сартру, всегда вовлечено в события мира, а писатель вовлечен самим ходом истории, событиями социального мира; он — «посредник, а его ангажированность есть посредничество» [13, с. 72]. Писатель не может занять внешнюю позицию по отношению к обществу и истории, он сам историчен, «...история проходит по его судьбе, и только это прохождение создает возможность истинности художественного произведения» [12, с. 102]. Сартр убежден, что «слово ангажированного писателя — это действие... обнажать, значит изменять и невозможно обнажать, не задумав изменить» [13, с. 31].

Однако именно в это время зарождается оппозиционная тенденция, представленная творчеством Б. Виана, Р. Вайана, Ф. Саган и группы молодых литераторов «голубые гусары», в состав которой вошли Р. Нимье, А. Блонден, М. Деон, Ж. Лоран, Б. Франк и другие. «Обновленный» роман утратил программность и тенденциозность, на смену которым пришли свобода авторской фантазии, в том числе и языковой, элемент пародийности «серьезной» литературы, обращение к области человеческих чувств как самоценного начала. Писатель отстраняется от сферы социального, «деангажируется», перестает быть рупором идей.

Борис Виан не создавал манифестов протеста против ангажированной литературы, однако имплицитно все его творчество, начиная с первых литературных проб и до конца литературной карьеры, — иллюстрация идеи дезангажированности*.

Рассуждая о концептуальном видении Борисом Вианом художественной литературы, необходимо отметить, что в наибольшей степени эксплицитную панораму взглядов писателя на данную проблему представляет роман «Пена дней». Именно в нем, через два десятилетия после его написания, молодежь угадает символ освобождения — не только от литературных канонов, но и от многочисленных социальных стереотипов, в которые каждый гражданин «ангажируется» с самого рождения и без его согласия. Освобождение от навязываемых социальными институтами рамок реального мира — основной мотив «Пены дней».

Уже в предисловии к роману у Виана появляется некий намек на «особую реальность», представленную в произведении. Речь, вероятно, идет не только о вымышленных и фантастических элементах, но и о комическом, пронизывающем почти все сюжетные линии повествования и кардинально

* Отдельные размышления писателя о литературе, ее роли и предназначении можно найти в следующих работах: [22; 23]. Виан однозначно склоняется к идее о литературе как акте свободного творчества, а не следовании устоявшимся канонам.

меняющем восприятие описываемых событий. «...Здесь рассказана самая что ни на есть доподлинная история, поскольку я сам сочинил ее от начала и до конца. Но при всем при этом она есть и проекция реальности, однако сдвинутая в иную плоскость, ухабистую и искривленную, и в ней возникает воспаленная атмосфера перекошенных жизненных обстоятельств» [5, с. 199].

Как отмечает Г. Косиков, комический эффект возникает у Виана тогда, когда он «делает акцент на глубокой жизненной несерьезности тех форм человеческой деятельности, которые претендуют именно на серьезность, нередко даже абсолютную» [10, с. 16].

Ю. Б. Боров определяет комическое как «социокультурную реальность, подразумевающую отражение в искусстве явлений, содержащих несоответствие, несообразность или алогическое противоречие» [9, с. 13] и оценку их посредством «эмоциональной высокоразвитой формы критического начала — смеха» [9, с. 21].

Комическое, то есть забавное, вызывающее смех по причине присутствия каких-то отклонений по отношению к обычному ходу вещей у Виана выстраивается не на привычных критериях этой категории. Специфика комического у Виана заключается в преодолении нормы, в выхождении за границы метафизического и в перестановке значений серьезного-несерьезного. Так, все необычное, нестандартное является исключительно важным для системы ценностей Виана, а значит, серьезным. И наоборот, стереотипно признанное непререкаемым, а также все обычное, привычное становится объектом комического для писателя. Комическое является неотъемлемой частью виановской интерпретации современного ему устройства общества и его институтов власти (правительство, церковь, армия, полиция), а также интеллектуального и духовного развития общества. Комическое выступает в качестве одной из ипостасей дезангажированности Виана, его *непринадлежности* к общепризнанным канонам литературного творчества и к общепринятым нормам вообще.

Позиция Виана противостояла философской концепции идеолога «ангажированности» — Ж.-П. Сартра. Образ философа становится одной из ключевых фигур в романе «Пена дней» и представлен там под именем Жака-Соля Партра. Г. Косиков определяет этот прием не как попытку Виана опорочить реального человека и его философию, а как намерение «высмеять сам тип философствования и философии, которая принимает свои конструкции за последнюю истину, за подлинную действительность, и поэтому живет в блаженном отчуждении от действительной жизни» [10, с. 60].

Миру идей Виан противопоставляет мир чувств, внутренних переживаний, свободного творчества, в том числе и в рамках канонов жанра романа, что и лежит в основе понятия *дезангажированного*.

Отметим также, что концепция «дезангажированного» искусства во многом сродни идеям дилетантизма. В первую очередь их объединяет стремление автора не устанавливать никаких пределов, которые могли бы в какой-то мере ограничить его творчество на всех уровнях повествования. Сближающим моментом является также концепция «целостного мира», реализация которой возможна только при условии взаимодополнения различных аспектов восприятия жизни. Речь идет о логике, разуме, чувствах, фантазии, причем каждая из человеческих способностей может показать мир

с одной определенной стороны и используя определенный набор средств выражения. На основе этого дилетантизм сближается и с дада, где «соединяются различные жанры, стили и искусства в рамках одного литературного произведения» [2, с. 506]. Таким образом, роман «Пена дней», выражающий авторскую концепцию «дезангажированного» искусства, роман, который можно рассматривать в какой-то степени как один из наиболее ярких «манифестов» дилетантизма Виана, подготовлен более ранними романскими пробами писателя. Роман «Пена дней» — это не что иное, как закономерный этап развития виановского идиолекта, генезис которого неразрывно связан с его ранним творчеством.

Корни концепции «дезангажированности» Виана уходят во многом в эстетику творчества французского прозаика и драматурга рубежа веков Альфреда Жарри (1873—1907), который за свою недолгую жизнь смог совершить истинный переворот в традициях литературы и театра. Сегодня его считают предшественником многих литературных школ и жанров, создателем «революционной науки «патафизики», отцом бельгийского и французского сюрреализма, театра абсурда, черного юмора, научной фантастики или фантастического бреда, эротической литературы XX века, философом пассивности» [20]. Однако слава пришла к А. Жарри только после его смерти.

Борис Виан рано открыл для себя романистику и драматургию А. Жарри и признавал влияние его идей на свое творчество. А. Жарри, «одна из самых оригинальных фигур во всей французской литературе» [15, с. 333], был для Виана учителем, литературным авторитетом.

Чтобы выразить свое признание творчеству Жарри, Виан становится членом добровольного общества, организованного в память о создателе патафизики, — «Патафизического Коллежа». В досье № 12 «Тетрадей Патафизического Коллежа», вышедшем после смерти Виана, появляется заметка Р. Кено, где он отмечает, что «вся жизнь и творчество Виана были пропитаны патафизикой, которая была для него философией, а следовательно, он стал приверженцем этих идей гораздо раньше даже самой даты основания "Патафизического Коллежа". "Коллежу" оставалось лишь принять Виана в свои ряды и учиться у него для того, чтобы стать действительно патафизическим, если он таковым до него не был. Виан сделал его таким. Борис Виан — это будущее, а его смерть — прошлое» [8, с. 274—275].

Действительно, понятие *патафизика* нам кажется концептуально важным для анализа творчества Бориса Виана.

Созданная Жарри в конце XIX века патафизическая эстетика позднее стала базой для рождения сюрреализма и многочисленных авангардных движений XX века. Интересно отметить, что, в сущности, понятие патафизики близко принципу дилетантизма, языковой игре, сюрреалистическому эксперименту.

В своей традиции нестандартного мышления и желания докопаться до сути понятий вопреки существующим банальным суждениям Альфред Жарри создал некий «манифест искусства авангарда в пародийной форме» [6, с. 126], все основные составляющие которого собраны в емком и всеобъемлющем для эстетики писателя и драматурга понятии *патафизика*.

Термин *патафизика* появляется в конце 1880-х годов в кругу друзей Альфреда Жарри и объединяет цикл лицейских пьес этого периода, посвя-

щенных преподавателю физики, лютому врагу лицеистов, прототипу гротескного персонажа — папаши Убю. Цикл пьес о короле Убю станет одним из наиболее известных драматических произведений Жарри. Первоначально понятие *патафизика* имело довольно узкий смысл, контекстуально было привязано и формально объединяло цикл пьес и «песен», посвященных Убю — бывшему королю Арагонии, в настоящем — польскому королю, Убю-рогоносцу, плененному, финансовому инспектору, однако излишне преувеличивающему свою важность и осведомленность в этом деле, хитрецу, стороннику абсурда и т. д.

Постепенно образ папаши Убю у Жарри корректировался и становился все более «универсальным», менее привязанным к своему прототипу. Вместе с ним более емким становилось и понятие *патафизика*.

Полное и развернутое определение патафизики дается в VIII главе второй книги романа А. Жарри «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика»: «Патафизика... есть наука о том, что дополняет метафизику как в рамках оной, так и за ее пределами, причем за эти самые пределы патафизика простирается столь же далеко, как и метафизика за границы обычной физики... Патафизика будет прежде всего учением о единичном... Она изучает законы, управляющие исключениями, и стремится объяснить тот иной мир, что дополняет наш... предметом ее описания будет мир, который мы можем — а вероятно, и должны — видеть на месте привычного... Патафизика есть наука о воображаемых решениях, которая образно наполняет контуры предметов свойствами, пока что пребывающими в потенции» [6, с. 126].

Наука, созданная доктором Фаустролем, имеет ключевое значение для всей эстетики Жарри. Патафизика представляет собой уникальный способ познания мира, который ставит своей основной целью расширение потенциальных временных, пространственных и иных границ, мыслимых человеком. Это возможно в данной концепции, поскольку единичное, исключительное, нестандартное приобретает более важное значение, чем общепринятое и ординарное. Все привычные понятия утрачивают для патафизики общепринятую трактовку. Таким образом, создается мир, чьи очертания знакомы нам, однако система функционирует по иным правилам.

Общая картина патафизического мира складывается из картин реального мира, во-первых; воображения, скрытых возможностей и внутреннего мира человека, во-вторых; и образующейся в результате взаимодействия первых двух факторов сущности, в-третьих.

Крах власти всеприсутствующего рации, неверие в разум и его способности познавать и выявлять суть бытия формируют тенденцию иррационального способа познания мира. Наряду с культом разума и доминантой логического в реализме и позитивизме существует обращение к категориям парадоксального, к потустороннему миру у романтиков, в философии интуитивизма, у Фрейда и сюрреалистов.

Теория патафизики Альфреда Жарри на рубеже веков стала попыткой создания способа преодоления традиционного мышления и формирования его нового типа. Несомненно, идеи А. Жарри на этом этапе стали самыми кардинальными и глобальными. В целом, патафизика Жарри, выступающая в виде онтологической системы, заменяет собой способ выхождения за все возможные и привычные границы. Это учение о единичном, мыслимом как

потенциальное, а значит, существующее, отдает дань воображению, доходящему, с точки зрения обычной логики, до абсурда и самоотрицания. Однако такой парадокс является скорее положительным моментом теории, утверждающей, что все, что существует, может сосуществовать; эта концепция А. Жарри найдет позднее верного адепта в лице Б. Виана.

Художественный мир романов Б. Виана является воплощением элементов патафизики и во многом задан ее логикой. Основные постулаты науки доктора Фаустроля, преломляясь через призму эпохи, жизненный и литературный опыт, формируют своеобразную образную систему и стилистику романов Виана.

Искусство, дающее возможность художнику не ставить грань между реальным и несбыточным, искусство, порожденное фантазией и несуществующей действительностью, всегда привлекало Б. Виана. «Я пытался рассказать людям истории, которых они никогда не читали, — записывает Виан в своем дневнике. — Полный идиотизм, более чем идиотизм; им нравится только то, что они уже знают. А я — наоборот, от того, что уже знаю в литературе, не получаю никакого удовольствия» [11, с. 102]. Эта констатация Виана подчеркивает его стремление к литературному эксперименту, к использованию нетрадиционных образов или к смещению привычного контекста традиционных понятий.

Творчество Б. Виана трудно вписать в рамки одного четко выраженного литературного или эстетического направления. Основанные на идеях патафизики, имеющие родственные черты с дилетантизмом и художественным экспериментом романы Виана 40-х годов уже в какой-то степени сближаются с постмодернистскими веяниями 60—70-х годов и превосходят их. Наличие реалистических деталей контрастирует с резким проявлением непривычного, нестандартного или даже чудесного поведения не только людей, но и предметов (распускающиеся из бутонов дома, летающие дети, говорящие животные...). Художественный мир Виана выстраивается на основе синтеза мира реально существующего и потенциально предполагаемого, желаемого или порожденного фантазией. Законы такого мира подчиняются четкой логике, правда, отличной от аристотелевской. На замену ей приходит логика патафизическая, меняющая местами правило и исключение, приравнивающая их в правах.

Оригинальность художественного мира Виана очевидна на фоне современной ему «ангажированной», серьезной, идейной литературы. Корни виановской концепции литературы-жизни, литературы-игры, литературы-эксперимента и литературы — реального воплощения нереального — уходят в биографическую основу творчества писателя, а также отсылают нас к литературной традиции. При анализе текстов Виана в памяти воскресают воинственность сюрреалистов по отношению к литературной традиции и мышлению; гуманизм Кено и его формалистические тенденции, позволяющие писателю играть с языком и литературой, «оживляя» и обновляя их; возможность, с точки зрения Жарри, проникновения в структуру знакомого нам мира элементов исключительного и фантастического, что приравнивает воображение к реальности.

1. *Андреев Л. Г.* Сюрреализм. М., 1972.
2. *Аннинская М.* Человек, «который опередил время», и его эпоха // Виан Б. Полдник генералов. Харьков, 1998.
3. *Балаиов Н. И.* Андре Бретон и эпилог французского сюрреализма: (1896—1966) // Французская литература, 1945—1990. М., 1995.
4. *Бретон А.* Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами. М., 1986.
5. *Виан Б.* Пена дней. Харьков, 1998.
6. *Делез Ж.* Один неведомый предшественник Хайдеггера: Альфред Жарри // Делез Ж. Критика и клиника. СПб., 2002.
7. *Ерофеев В. В.* Борис Виан и «мерцающая эстетика» // Ерофеев В. В. В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990.
8. *Жарри А.* Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика // Жарри А. Убью король и другие произведения. М., 2002.
9. *Зенкин С.* Человек в осаде // Сартр Ж.-П. Стена. М., 1992.
10. *Косиков Г.* О прозе Бориса Виана // Виан Б. Пена дней. М., 1983.
11. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Вестн. МГУ. Сер., Филология. М., 1995.
12. *Любимова Т. Б.* Эстетическая концепция Ж.-П. Сартра // Вопр. философии. 1982. № 4.
13. *Сартр Ж.-П.* Ситуации: Антология литературно-эстетической мысли. М., 1997.
14. *Anglard V.* Vian. P., 1994.
15. *Arnaud N.* Les vies parallèles de Boris Vian. P., 1993.
16. *Bersani J., Autrand M., Lecarme J., Versier B.* La littérature en France depuis 1945. P., 1970.
17. *Bourget P.* Essai de psychologie contemporaine // Bourget P. Oeuvres complètes. P., 1899. Т. 1.
18. *Hugo J.-F.* Le dilettantisme dans la littérature française d'Ernest Renan à Ernest Psicharie. Lille; Paris, 1984.
19. *Kayser W.* The grotesque in art and literature. Bloomington, 1963.
20. La Pataphysique, histoire d'une société secrète. Dossier // Magazine littéraire. 2000. Juin. № 338.
21. *Rybalka M.* Boris Vian: Essai d'interprétation et de documentation. P., 1984.
22. *Vian B.* La Belle Epoque. P., 1998.
23. *Vian B.* Traité du civisme. P., 1999.
24. *Westerweller U.* Surréalisme dans l'anticléricisme // Magazine littéraire. 1989. Octobre. № 270.

Э. В. Кромер

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ РАЗГОВОРНОГО ТИПА

На основе выявления специфических признаков конструкций разговорного типа представлен возможный вариант их типологии.

Founding at revealed specific signs of the colloquial type constructions the possible variant to their typologies is presented.

После появления всестороннего описания особенностей разговорной речи (РР) [20, 15, 23, 10, 22] стало возможным понимание того, что *в художественном тексте (ХТ) РР не копируется*. Осознание же того, что ХТ является «результатом эстетически значимого отбора» [4, с. 31] позволило сделать вывод о том, что **освоение РР в ХТ есть один из видов языковой стилизации. Стилизацию мы понимаем как эстетически значимый прием организации высказывания**, который не обязательно отражает реальные черты и свойства явления [13, с. 204—209]. Стилизация может добиваться впечатления похожести разными средствами. «Устная речь в литературе характеризуется сигналами, своеобразными знаками, а не сплошной материей говорения» [3, с. 17], предоставляя остальное воображению и языковому опыту читателя. В связи с данными исходными положениями необходимо уточнить некоторые основные понятия.

Разговорность понимается нами как эстетическая категория [19, с. 122]: это художественное впечатление, которое создается в результате стилизации РР в ХТ. Эффект разговорности может создаваться как собственно языковыми средствами, так и определенными приемами их организации [12, 14]. Среди языковых средств ведущее место занимают *разговорные средства*. В соответствии с тем, что вкладывается в содержание понятия «разговорная речь», существует «широкое» и «узкое» понимание термина «разговорные средства».

Мы связываем содержание термина «разговорные средства» с пониманием РР, которое разрабатывается исследовательской группой под руководством Е. А. Земской [20, с. 5—25]. Разговорная речь — это «неподготовленная речь носителей литературного языка, обнаруживающаяся в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях между говорящими и отсутствии установки на сообщение, имеющее официальный характер» [20, с. 17]. РР — это особая языковая система, которая имеет специфический набор языковых единиц и специфические законы их функционирования [20, с. 25]. Исходя из этого, мы не включаем в состав разговорных средств диалектные, просторечные, жаргонные единицы, которые исследуются при расширенном понимании границ РР [26, 11, 18, 21, 17], хотя не исключаем возможностей их использования при создании эффекта разговорности в ХТ. На этом основании, а также для чистоты эксперимента мы ограничили наш материал так называемой *городской прозой*.

Так как РР в том ее состоянии, которое существует сейчас, сформировалась не сразу, при рассмотрении ее специфики нужно учитывать фактор времени. Освоение особенностей РР в ХТ — процесс развивающийся и требующий осмысления в соответствии с определенным отрезком времени [17, с. 11]. В связи с этим необходимо еще одно ограничение материала — *современная* городская проза.

Поскольку между РР в естественных условиях и ее стилизацией в ХТ нет тождества, мы предлагаем разграничивать их и терминологически. Чтобы не противопоставлять РР и язык художественной литературы как художественную и нехудожественную сферы, мы предпочитаем стилизованную РР называть *квазиразговорной* (ср. у Т. Г. Винокур «художественная разговорная речь» [4, с. 31]). Эквиваленты устных разговорных конструкций будем называть *конструкциями разговорного типа*.

Итак, среди «сигналов» разговорности можно выделить: 1) разговорные средства и 2) приемы организации языкового материала, заимствованные из РР. В данной статье речь пойдет только о разговорных средствах, в частности о синтаксических конструкциях разговорного типа и попытке создания их типологии.

В работах исследователей «живой» РР анализировались отдельные виды устных разговорных построений, предлагалась их квалификация [23, 15, 10, 20]. В статьях и монографиях по стилистике художественной литературы, вопросам изобразительного синтаксиса рассматриваются наиболее характерные, ставшие уже хрестоматийными, разговорные конструкции [5, 9]. Однако рассмотрение отдельных (пусть даже характерных) конструкций не дает представления о закономерностях их функционирования, поэтому мало разработанный вопрос о типологии анализируемых структур является весьма актуальным.

Состав разговорных средств, заимствованных в ХТ из РР, оказывается неоднородным. Интересна точка зрения В. Д. Левина, согласно которой в РР различаются «слабые» и «сильные» компоненты [16, с. 20]. *Слабыми* (зависимыми) названы те компоненты РР, которые обусловлены самой формой речи или — точнее — теми внеязыковыми факторами, которые связаны с этой формой, прежде всего ее неподготовленностью, спонтанностью. К ним относят синтаксические конструкции с личным местоимением третьего лица после существительного в именительном падеже — *Иванов, он всегда опаздывает*; повторение предлогов разного типа, часто с инверсией — *на гору на эту, про сестру про твою*; разного рода эллипсисы — *Вот у стола высокий такой*; разного рода присоединения — *Иди на работу. И поскорей* и др. *Сильными* элементами РР названы такие, которые не зависят от формы речи и вызванных ею внешних обстоятельств, хотя они проявляются чаще всего в наиболее обычной для РР устной форме. К ним относят: сочетания-повторы — *думал-думал*; повторы при помощи союзов *и, да* — *говорит и говорит*; разного рода построения с частицами — *знай, знай себе, того и гляди* и др.; инфинитивные конструкции — *не видать тебе его больше*; форму императива в условном значении — *будь он умнее...* и др.

В исследованиях отмечается, что «слабые» элементы обнаруживаются преимущественно в синтаксисе (их описание представлено в работах Е. А. Земской, О. А. Лаптевой [8, 15] и др.), в то время как «сильные» элементы наиболее заметны в лексике и фразеологии, но могут встречаться и в

синтаксисе (описанию таких элементов посвящена работа Н. Ю. Шведовой [23]).

Идея разграничения языковых средств на «сильные» и «слабые», в целом не отрицаемая в исследовательской практике, из-за ее неразработанности содержит некоторые неясные и спорные моменты [2, с. 6; 18, с. 28—42]. В результате уточнения содержания отдельных понятий в ряде работ появляются новые термины «ингерентные»/«адгерентные» [1, с. 15; 18, с. 29; 12, с. 109]; «самостоятельные»/«структурно обусловленные» [6, с. 27; 5, с. 203]. Обобщая различные точки зрения по этому вопросу, попытаемся определить основные признаки противопоставляемых структур в РР и ХТ.

1. *Отношение к форме речи* является одним их основных дифференциальных признаков выделения *сильных* и *слабых* разговорных единиц. *Слабые* — непосредственно обусловлены формой речи, связаны с такими условиями РР, как неподготовленность, непосредственность. *Сильные* — независимы от формы речи, они являются формой выражения такого условия РР, как неофициальность. Связь с формой речи у них опосредованная — они чаще всего встречаются в РР. Если на синхронном срезе отношение к форме речи может служить дифференциальным признаком противопоставляемых элементов, то в диахронии прослеживается историческая изменчивость в соотношении «сильных» и «слабых» элементов. Связь с формой оказывается более сильной, это объясняется тем, что формирование книжных разговорных средств было обусловлено взаимодействием письменной и устной речи (ср. процесс перемещения книжных, нейтральных и разговорных единиц).

2. Различие в отношении к форме речи порождает и другое различие: *степень осознанности* — *неосознанности*. *Слабые* элементы, исходя из их генезиса, рассматриваются некоторыми исследователями как *результат неосознанного использования языковых единиц*, «соответствующие речевые факты не отбираются, а воспроизводятся механически»; *сильные* же отражают *осознанный характер* отношений с собеседником или слушателем, что создает известную речевую установку, определяет свободу отбора, непринужденность речи [16, с. 19].

В этой связи обращает на себя внимание замечание Г. О. Винокура: «Обиходная речь — это действительно речь по большей части естественная, то есть автоматическая, не предполагающая рефлексии и самоосознания. Однако видимая естественность этой речи не должна обманывать, потому что в принципе и такая речь, несомненно, предполагает активное отношение к средствам языка, как бы механически ни совершался этот отбор средств на практике [5, с. 86]. А Д. Н. Шмелев по этому поводу замечает: «...трудно настаивать на ведущем положении какого-либо жанра устной речи. Однако предположительно можно, по-видимому, утверждать, что доля тех жанров, где проявляется не только практическая функция речи, но в какой-то мере и ее эстетическая функция, не так уж незначительна, как это принято считать. Эстетическая функция языка в начальном своем виде проявляется, как только говорящий начинает обращать внимание на внешнюю форму своей речи, как-то оценивать возможности словесного выражения» [25, с. 36]. Приведенные высказывания свидетельствуют о правомерности выделения данных групп конструкций.

3. На основе осознания первых двух признаков складывается *отношение к экспрессивности*, различное у сильных и слабых элементов. Это «оче-

видно при их сопоставлении с нейтральными эквивалентами» [16, с. 22]. Ср.: (1) *Иванов / он хороший человек — Иванов хороший человек*; (2) *Он вот-вот придет — Он скоро придет*. Слабые элементы в разговоре не указывают на экспрессивность речи (1), сильные свидетельствуют об экспрессивности (2). Экспрессивность сильных элементов РР и безразличие в этом отношении слабых вытекает из различий в природе этих фактов — «из того обстоятельства, что первые связаны с характером отношений между говорящими, особенностями ситуации, вообще с содержательными и модальными факторами, в то время как вторые — с чисто внешними приметами общения» [16, с. 23].

Ряд исследователей [18, с. 31], исходя из признания связи слабых элементов с фактом непринужденности, признают возможным их сознательное употребление, говорят об экспрессивности этих единиц в РР. Мы, однако, не можем согласиться с этим утверждением. Об особом функционально-стилистическом звучании слабых элементов можно говорить лишь при включении их в иные коммуникативные условия, например при строго заявленных официальных отношениях; на фоне кодифицированного литературного языка они могут восприниматься или как неправильность, ошибка, или как стилистический прием в случаях намеренного употребления в ХТ. В «живой» РР функционально-стилистическое значение слабых элементов не обнаруживается.

4. В ряде исследований оппозиция единиц РР (правда, в другой терминологии: *структурно обусловленные/самостоятельные*) характеризуется, исходя из *соотношения экспрессивного качества и функциональной прикрепленности*, создающего стилистическое значение [7, с. 27; 5, с. 203]. И первые, и вторые образуются соединением эмоциональных и функциональных элементов, характерных для экспрессивных качеств данной сферы общения. «Но для первых функциональная прикрепленность — причина, а эмоция — следствие, тогда как для вторых эмоция — причина, а функциональная прикрепленность — следствие» [5, с. 203]. Так, например, причиной появления таких синтаксических структур, как эллипсис, инверсии, синтаксическая неупорядоченность и др. является специфика неофициального (преимущественно бытового) устного общения. Усматривать в самой их структуре экспрессивное задание нет никаких оснований. Иного мнения придерживается Т. Г. Винокур, считающая, что «эту экспрессию создает узус [7, с. 27]. Условия для такого задания возникают в результате регулярного использования этих структур не только в разговорной сфере общения. При стилизации эти особенности выступают в качестве специфического стилистического средства наравне с теми, экспрессия которых формируется за счет самостоятельной эмотивной окраски. Они обнаруживают предпосылки для широкой эксплуатации в собственных экспрессивных целях потому, что узуально они содержат такие качества, как усиление, динамика, лаконичность, экономность, сниженность и т. д. [5, с. 204]. С нашей точки зрения, здесь имеет место и другое: использование в иной коммуникативной ситуации. При намеренном употреблении вне «функциональной родины» чужеродность «слабых» элементов преобразуется в экспрессивные качества.

Итак, и слабые, и сильные разговорные элементы обладают экспрессивной нагрузкой, имеют самостоятельную выразительную значимость. Разница — в происхождении и характере этой экспрессии. Если у сильных элементов экспрессия выступает как языковой (чаще всего — словарный) компонент значения, она первична, то у слабых элементов — она лишь по-

тенциально присутствует, она вторична. Обобщая сказанное, еще раз перечислим признаки анализируемых групп конструкций.

<i>Слабые (структурно обусловленные, адгерентные)</i>	<i>Сильные (самостоятельные, ингерентные)</i>
1. Обусловлены формой речи (неподготовленность, непосредственность)	1. Независимы от формы речи (выражение неофициальности)
2. Экспрессия — потенциально возможный компонент значения, вторична	2. Экспрессия — языковой компонент значения, первична
3. Не изменяют экспрессивности высказывания в «живой» РР	3. Влияют на экспрессивность изложения
4. Отмечены в основном в синтаксисе	4. Отмечены в основном в лексике, фразеологии, реже в синтаксисе
5. Их генезис может быть препятствием при освоении ХТ и КЛЯ, поэтому их использование в иных коммуникативных условиях должно быть строго мотивировано	5. Полностью могут быть освоены ХТ и КЛЯ

Критерием выделения данных групп конструкций является определенное соотношение функциональных и экспрессивных факторов. При этом мы делаем акцент на соотношении факторов, так как это помогает избежать неоднозначного толкования некоторых из них, и учитываем возможность их исторической изменчивости.

Встает вопрос, что происходит с рассматриваемыми разговорными элементами при их освоении ХТ?

Исходя из общих представлений о роли языковых-речевых средств в ХТ, можно сказать, что их использование должно быть мотивировано художественным замыслом.

При стилизации РР в ХТ включение сильных элементов вполне закономерно, так как они являются яркой приметой РР, а, следовательно, не нуждаются в особой мотивировке. Слабые элементы в принципе не художественны, но могут получать «смысловые приращения» за счет актуализации их природных свойств в случае намеренного использования в иных коммуникативных условиях (например, усиление, ослабление, подчеркивание, выделение и т. д. у различного рода сегментированных конструкций). Данные структуры нуждаются в особой мотивировке. Видимо, эти различия сильных и слабых конструкций дали основание некоторым исследователям высказать сомнение в возможности включения слабых элементов в ХТ. Одни исследователи при этом говорят о принципиальной невозможности включения слабых элементов в ХТ [16, с. 37—40], другие считают, что они употребляются в ХТ довольно редко [18, с. 38].

Действительно, сильные компоненты служат ярким показателем разговорности в прозаических художественных текстах. Но сами по себе эти компоненты, на наш взгляд, недостаточны для создания эффекта разговорности. Иначе они воспринимались бы как инородные вкрапления в текст и не могли бы служить целям стилизации РР. «Имитация разговорности требует, чтобы

весь текст производил впечатление разговорности. Хотим отметить, — пишет Е. Н. Ширяев, — что корпус компонентов, способных служить целям имитации РР, не ограничивается тем, что названо сильными компонентами» [24, с. 237]. Наш материал подтверждает мнение исследователя.

Сомнения в оценке характера слабых элементов в ХТ связаны не только с их генезисом. Они могут быть вызваны различиями историко-литературного плана. Ведь в процессе исторического развития русской литературы расширяются и возможности включения разговорных элементов в текст художественного произведения. При их оценке целесообразно учитывать конкретный отрезок времени, конкретный материал. Должны быть учтены индивидуально-авторские различия, авторская оценка изобразительных потенций данных конструкций разговорного типа в зависимости от жанрово-стилистических особенностей текста, структуры художественной речи и т. д. В частности нас будет интересовать вопрос о связи синтаксических конструкций разговорного типа с типом речи, формой речи. Именно в этом соотношении полнее всего проявляются, на наш взгляд, особенности (структурные и функциональные) рассматриваемых структур.

Отмеченные нами в ХТ синтаксические конструкции разговорного типа с точки зрения их происхождения можно условно разделить на две группы: адгерентные (слабые, зависимые, структурно обусловленные) и ингерентные (сильные, независимые, самостоятельные). Функциональное отличие РР и ХТ, а также характер анализируемого материала позволяет выделить еще одну группу синтаксических структур, совмещающих в себе признаки двух выше-названных групп — контаминированную (переходную). Такие конструкции структурно восходят к слабым разговорным элементам, а в функциональном плане близки сильным. Они представляют собой как бы более высокий этап художественного освоения разговорного синтаксиса.

Перечислим конструкции, входящие в каждую из групп.

В число слабых синтаксических конструкций разговорного типа входят:

а) синтаксические конструкции с незамещенными позициями:

*Познакомил нас с ней мой друг Юра. И сразу понял, что зря (В. П.);
Она меня ревновала непрерывно — не почему-нибудь, а характер такой. Во-первых, к женщинам (М. Ч.);*

б) структурно незавершенные высказывания:

С воодушевлением рисовал себе Сомов, как едет в «Детский мир» за куклой, потом — на Фонтанную, потом... (Р. К.);

в) конструкции с конденсированным коррелятом:

Сначала мешало, что он храпит, как мотоцикл, но скоро привык (М. Ч.);

г) конструкции с компрессией предикативной части:

Ведь не за обезьяной пришел сюда — за куклой, а даже не посмотрел, какие и почему (Р. К.) и др.

В число сильных синтаксических конструкций разговорного типа входят:

а) инфинитивные конструкции:

Но мне уже не слезть с машины, хотя не понятно почему (В.П.);

б) конструкции с глагольными формами повелительного наклонения в условном значении:

Но не явись он в столовую, няню заставят сюда переть завтрак (Р. К.);

в) несобственно-вопросительные высказывания:

Разве это дело — давать чучелам деньги? (В.П.);

г) конструкции с лексическими элементами, придающими экспрессию всей синтаксической структуре (конструкции с частицами, глагольными междометиями, разговорными союзами, вводными словами):

Вот только обивку профессор выбрал не лучшую, ядовито-зеленую (Н. К.); Ну как ты можешь дружить с этой мещанкой (Н. К.); Дусик разбежался и плюх мне на плечи (М. Ч.); В чем убеждаться, раз уж нет человека? (Р. К.);

д) конструкции с повторами:

На колени встать перед ним готов был Сомов и просить, просить прощение у своего сына (Р. К.);

е) конструкции с разговорными релятивами:

Упаси Бог! — испугался Сомов (Р. К.) и др.

В число **переходных** синтаксических конструкций разговорного типа вошли:

а) присоединительные конструкции:

Чувствуйте себя как дома. Да вы и есть дома (Р. К.);

б) парцеллированные конструкции:

Ты бы сел, папа. Или лег отдохнуть (Р. К.);

в) конструкции с именительным темой:

Женщины, они способны сидеть на телефоне целый день (Н. К.);

г) конструкции с разговорным порядком слов:

А он хороший человек был. Труженик (Р. К.);

д) бессоюзные сложные предложения:

А со стоянки не могу взять — очередина, поезд пришел (Р. К.);

е) конструкции с уточнениями:

Теперь к себе, в лабораторию полимеров (Н.Б.).

Состав конструкций в каждой из названных групп (сильных, слабых, переходных) нельзя признать стабильным. Это связано как с процессом развития языка, так и с процессом развития литературы, постоянным освоением ею все новых способов создания разговорности. На определенном этапе развития литературы, по всей вероятности, можно говорить лишь об основной тенденции освоения разговорного синтаксиса. У каждого автора набор конструкций и приемов создания разговорности индивидуален, что позволяет ставить задачу выявления авторского своеобразия в отборе средств и способов создания разговорности.

Библиографический список

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: На материале английского языка. М., 1984.
2. Баландина Н. В. Структура авторской речи в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1971.
3. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

4. *Винокур Т. Г.* Воспроизведение особенностей разговорной речи в художественном тексте: К построению типологии приема // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984.
5. *Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
6. *Винокур Г. О.* Проблема культуры речи // Рус. яз. в сов. шк. 1929. № 5.
7. *Винокур Т. Г.* Разговорная речь и разговорный стиль // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1973. Вып. 55.
8. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
9. *Иванчикова Е. А.* О формах синтаксической изобразительности в языке писателя // Исследования по славянской филологии. М., 1979.
10. *Инфантова Г. Г.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Ростов н/Д, 1973.
11. *Ковтун Л. С.* Разговорный язык в художественном тексте // Вопр. стилистики. Саратов, 1969. Вып. 3.
12. *Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1970.
13. *Кромер Э. В.* К вопросу о стилизации разговорной речи в художественном тексте // Рус. яз., лит. и культура в соврем. обществе: Материалы междунар. науч. конф. Иваново, 2002.
14. *Кромер Э. В.* Некоторые наблюдения над своеобразием творческого освоения особенностей разговорной речи в современной прозе // Лингвистика — какая она есть. Лингвистика — какая она будет. Иваново, 1998.
15. *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
16. *Левин В. Д.* Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.
17. *Лигута Т. В.* Разговорная речь в художественном тексте: На материале рассказов М. Горького «По Руси»: Дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1975.
18. *Миронова В. Г.* Функционирование разговорных единиц в произведениях Лескова: Сказовая форма повествования: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1985.
19. *Полищук Г. Г., Сиротинина О. Б.* Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
20. *Русская разговорная речь.* М., 1973.
21. *Рябова Л. Г.* Разговорность речи персонажей: способы создания авторского своеобразия: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1983.
22. *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
23. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
24. *Ширяев Е. Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983.
25. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
26. *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

А. А. Григорян

К ВОПРОСУ ОБ УСПЕШНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ РЕФОРМ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются вопросы, возникающие при решении проблем, связанных с усилиями по устранению гендерной асимметрии в языке. Не вызывает никаких сомнений сама необходимость определенного реформирования языка; представляется, однако, что изменения, произошедшие за последние десятилетия, нередко носят несколько поверхностный характер, не затрагивая существа языкового статус-кво.

The article deals with the problems concerning elimination of gender language asymmetries. Due to the continued efforts of gender-sensitive part of society, certain success in creating gender equality has been achieved; however, these changes — not infrequently — have somewhat superficial character leaving intact the status quo.

Процесс устранения гендерной асимметрии в языке не всегда проходит гладко, затрагивает не все области общественной жизни и иногда приводит к не самым желанным результатам. В течение 1970—1980-х годов многие организации предприняли серьезные усилия по элиминированию сексистского языка из своих документов. Эти изменения получили отражение в самых различных публикациях: от издания нового несексистского варианта Библии до словарей, ежедневных газет и журналов. В тот же период времени отделение Manpower Administration в министерстве труда США было переименовано в Employment and Training Administration. Министерство труда подвергло ревизии более 3500 названий видов профессиональной деятельности с тем, чтобы они стали гендерно-нейтральными. Многие изменения оказались успешными и используются довольно широко. Сегодня, например, официально не существует слов *steward* и *stewardess*. Они заменены на *flight attendant*. Традиционная *hat-check girl* (в ресторанах, в театрах) превратилась в *hat-check attendant*. Точно так же изменены все слова, содержащие корни *-man* и *-maid*: так, *repairman* превратилось в *repairer*, а *maid* — в *houseworker*. Даже слово *housewife* считается неприемлемым в публикациях; следует употреблять слово *homemaker*. Таких примеров можно привести еще очень много. Правительство Австралии даже ввело специальную должность советника-лингвиста, в обязанности которого входит давать рекомендации относительно приемлемости/неприемлемости употребления тех или иных слов в публичной сфере. Столица штата Гавайи (США) город Гонолулу официально принял на заседании городского совета систему общих ориентиров по применению несексистского языка, подготовленную комиссией по правам женщин. Одна из самых влиятельных американских газет «Нью-Йорк Таймс» перестала использовать слова *Miss* и *Mrs* при обращении к женщинам. Редакция признала, хотя и не сразу, что слово *Ms* является полноценной частью лексики английского языка. Интересно отметить, что британская «Лондон Таймс» до сих пор использует слова *Miss* и *Mrs*, а также андроцентричные термины

вроде *spokesman*. Многие другие газеты приняли специальные решения, цель которых — избежать использования языка, потенциально оскорбительного для этнических, расовых и сексуальных меньшинств (например, «Вашингтон Пост», «Лос-Анджелес Таймс», «Сан-Франциско Кроникл»). Такая политика печатных органов свидетельствует о социальных и политических взглядах редакций (редакторов), играющих важную роль в определении приемлемости для них и, следовательно, для общества (учитывая степень влияния издания) тех или иных слов. В подтверждение сказанного можно привести пример профессора Ромейн, касающийся изменения редакционной политики влиятельной «Вашингтон Пост»: в 1978 году редакция приняла решение о неприемлемости использования титулов *Miss* и *Mrs* при обращении к женщинам [6, p. 311]. Было принято решение отказаться от титулов и использовать только фамилию человека при вторичном его упоминании: «*Ellen Smith, named to a new position on the Board of Directors of Exxon Corporation, will join the company next week. Smith was one of several contenders for the job*» [ibid]. Вместе с тем Сьюзен Ромейн отмечает, что некоторые более тонкие моменты, также свидетельствующие об определенной дискриминации женщин, остались незатронутыми. Так, например, при упоминании мужчины в первый раз нередко указываются его имя, фамилия и первая буква отчества: например, *George W. Bush*. Такой вариант ссылки на женщину — например, *Ellen P. Smith* — гораздо менее вероятен — по-видимому, потому, что добавление буквы между именем и фамилией предполагает степень важности человека.

В данном ряду заслуживает упоминания позиция Национального Совета учителей английского языка. В публикациях этой ассоциации — в частности, в журнале «*College English*» — редактору предоставлено право возврата статьи автору (вместе с копией принятых журналом языковых норм) с просьбой переписать статью, внося соответствующие изменения. При отказе исследователя внести коррективы журнал публикует статью со сноской, гласящей, что на использовании сексистской лексики настаивает автор.

В целом лингвистам традиционно свойственно придерживаться убеждения, что лингвистика есть дескриптивная наука; поэтому языковеды сторонятся позиции, которую принято называть прескриптивной, предписывающей говорить и писать так, а не иначе. По утверждению профессора Ромейн, именно в этом заключается, например, причина того, что лингвистическая ассоциация Великобритании отказалась внести изменения в свой устав с целью элиминирования использования инклюзивного местоимения мужского рода, так же как и титула председателя (*chairman*) этой ассоциации [6]. С другой стороны, лингвистическое общество США приветствовало реформу и приняло предложения по языковым изменениям в редакции, подготовленной комиссией по статусу женщин в лингвистике.

Представляется, однако, что все перечисленные изменения происходят в основном в письменной речи. В повседневном устном общении ситуация несколько иная. Так, например, хотя официально вместо слова *hat-check girl* используется *hat-check attendant*, это не помешало моему спутнику — пожилому профессору из университета Беркли (Калифорния) — возмутиться тем обстоятельством, что в ресторане шляпу у него приняла не молодая хорошенькая девушка, а мужчина лет пятидесяти. Профессор несколько минут сокрушался по поводу сильно изменившегося, к его сожалению, мира. Другим примером такого рода является продолжающееся использование в устной

речи слов *steward* и *stewardess*, несмотря на то, что официально в авиакомпаниях существуют только *flight attendants*. Это подтверждается данными Британского Национального Корпуса, где маркированная женская форма *stewardess* встретилась, по нашим подсчетам, 65 раз, форма *steward* — 759 раз, *air hostess* — 42 раза, *cabin crew* — 13, *flight attendant* — только 2 раза. При этом, бесспорно, нужно учитывать в какой-то степени более консервативный характер британского варианта английского языка. Любопытно отметить, что аналогичное «отставание» по языковым реформам исследователи отмечают в различных вариантах французского языка: например, по данным С. Флайшман, во франкофонных Бельгии и Канаде новообразования вроде *professeure* приживаются гораздо легче, чем собственно во Франции [3]. Возможно, это в какой-то степени можно объяснить совокупностью социально-экономических, этно-культурных и чисто лингвистических различий, существующих в данных странах. В частности, речь идет о том, что и США, и Канада, и Бельгия могут быть охарактеризованы как гораздо более мультиэтнические и мультикультурные общества, что неизбежно приводит, с одной стороны, к обострению проблем, связанных с языком, этнической, религиозной и расовой принадлежностью, а с другой — ведет к большей толерантности, к поиску взаимоприемлемых вариантов, к готовности с вниманием отнестись к рассмотрению самых различных предложений.

Исследование, проведенное Д. Рубин, К. Грин и Д. Шнайдер, было направлено на измерение степени принятия и использования гендерно-инклюзивного языка в публичной сфере лидерами бизнеса в США [7]. Исследование охватывало промежуток с 60-х до начала 90-х годов прошлого века и показало, что наибольшее снижение употребления сексистской лексики произошло в 1960-е и 1970-е годы. Авторы объясняют это широким распространением принятия различными организациями правил несексистского использования языка. В то же время, согласно полученным данным, мужчины склонны прибегать к употреблению сексистского языка в три раза чаще, чем женщины. Еще один вывод, к которому пришли исследователи, представляется заслуживающим внимания: не существует прямой зависимости между реальным отношением человека к вопросу гендерного равенства и частотой использования им гендерно-инклюзивной лексики, особенно в публичной сфере [ibid]. Иными словами, поверхностных трансформаций (например, простого уменьшения частотности использований образований с компонентом *-man* или инклюзивного *he*) иногда недостаточно, чтобы сделать вывод о реально происходящих изменениях. Подтверждение этому можно найти в следующем примере, приведенном профессором Ромейн: коллега по работе (мужчина) во время публичных выступлений тщательно следил за своей речью и часто произносил *he and she* и даже иногда *she and he*; при этом он же в повседневной жизни продолжал обращаться к женщинам, занимающим должности секретарей, как к *girls* [6, p. 313]. Исследователь полагает, что представление этого человека о женщинах, несмотря на коррективы, внесенные в сферу его публичных выступлений, реально не изменилось. Иными словами, те, кто кажутся поборниками равноправия на словах, не обязательно являются таковыми на деле. Интересным в этом отношении представляются данные, полученные в исследовании Алис Фрид: группу студентов Гарвардского университета попросили нарисовать образ, который бы соответствовал следующему предложению: «*an unhappy person could still have a smile on*

his/her (or her/their) face» [4]. В результате было получено большее количество изображений мужчин вне зависимости как от употребленного в предложении местоимения, так и от того, насколько студенты реформировали свой письменный язык. Лишь студентки, которые действительно изменили свой образ мышления и язык, нарисовали больше женских образов, причем со всеми тремя местоимениями. Следовательно, согласно данным этого исследования, даже те мужчины, которые якобы приняли предлагаемые языковые реформы, сделали это лишь на поверхностном уровне, оставаясь в душе приверженцами андроцентричного языка. В каком-то смысле это свидетельствует об ограниченности успеха реформ. С другой стороны, в определенной степени это может быть объяснено тем обстоятельством, что реформы предлагались почти исключительно женщинами и в интересах женщин; поэтому неудивительно, что именно на женщин они оказывают наибольшее воздействие. Приведенный пример еще раз показывает, как значение слова конструируется обществом в соответствии с определенным мировоззрением.

Все сказанное вместе с тем не преуменьшает значения произошедших перемен, которые особенно заметны при сравнении с данными, полученными в ходе ранних исследований 70-х годов прошлого столетия. В частности, в одном из экспериментов участники получили абсолютно одинаковые статьи, часть из которых была подписана женскими, часть — мужскими именами [1, p. 133]. В результате статьи, подписанные мужскими именами, были оценены выше (лучше написаны, более научны) участниками эксперимента обоих полов. Думается, что женщины не нуждаются в экспериментах для того, чтобы убедиться в подобной предвзятости. Видимо, отчасти именно по этой причине Эмили Бронте опубликовала свой роман «Wuthering Heights», воспользовавшись мужским псевдонимом Эллис Белл. Вообще все три сестры Бронте писали под псевдонимами, ибо как заметила Шарлотта Бронте, «*authoresses are liable to be looked on with prejudice*» [1, p. 134]. Когда она однажды обратилась к коллеге — Роберту Саузи — за советом, тот ответил, что литература не может и не должна быть основным занятием для женщины [ibid]. Действительно, когда литературные критики полагали, что роман «Wuthering Heights» написан мужчиной, они оценивали его весьма положительно, считая произведение смелым, дерзким, по-настоящему мужским вызовом обществу. Когда обнаружилось, что автором является женщина, то тон оценок сменился: книга превратилась в очередную любовную историю, в женский роман [ibid]. Аналогичной была реакция на творчество Алис Шелдон, которая писала научно-фантастические рассказы и романы под псевдонимом Джеймс Типтри Джуниор. Литературный критик Роберт Сильверберг считал абсурдными предположения о том, что Типтри — женщина, на том основании, что в ее манере письма есть что-то «*ineluctably masculine*» («неотвратимо, бесспорно мужское») [8]. Он же полагал, что романы Дж. Остин не могли быть написаны мужчиной, а рассказы Э. Хемингуэя — женщиной [ibid].

Нередко мужчины интерпретировали обсуждаемые выше экспериментальные данные как доказательство того, что женщины во многом разделяют созданный мужчинами негативный образ, негативное отношение к женщине. Иногда мужчины даже утверждают, что женщины пристрастны, предвзяты по отношению друг к другу. На самом деле это является неизбежным следствием подчиненного положения. Группа, наделенная властью, имеет возмож-

ность навязывания своих ценностей (и своего языка) как единственно значимых. Думается, что по этой же причине носители диалектного произношения полагают своих сородичей со стандартным произношением более грамотными, образованными, умными и успешными. В данном случае напрашиваются параллели с расовыми проблемами, когда, например, дети африканского происхождения могут предпочесть получить белую — настоящую — куклу Барби. Такие результаты часто используются для поддержания статус-кво; они, безусловно, учитываются производителями телевизионной и журнальной рекламы, детских книг и мультфильмов и т. д. При этом заявляется, что телевидение, например, всего лишь отражает действительность. На самом деле все средства массовой информации — особенно обладающие столь большим охватом и мощным воздействием, как телевидение, — не просто отражают действительность: они интерпретируют ее. В этом смысле средства массовой информации могли бы многое сделать для того, чтобы мир женщин глазами женщин стал более заметным на страницах газет и телеэкранов, заняв подобающее ему достойное место. Работа Ф. Берьесон посвящена анализу освещения гендерных проблем на страницах печати [2]. Исследователь рассказывает о специальном издании одной из крупнейших шведских газет, целиком посвятившей свои страницы статьям о женщинах, написанным женщинами. При этом газета не испытала никаких трудностей в освещении традиционных рубрик, связанных с международными и финансовыми проблемами, вопросами образования и спорта и т. д. Вместе с тем средства массовой информации продолжают, по мнению исследователя, политику тенденциозного освещения женщин и вопросов, связанных с гендерными проблемами [ibid]. Многие газеты, например, время от времени печатают специальные страницы для женщин, пожилых людей, детей. Не вызывает удивления тот факт, что специальных страниц для мужчин газеты не печатают. Уже это свидетельствует о неравнозначности подходов: так, например, при освещении спортивных новостей упоминается *damfotbol* (женский футбол). При этом подразумевается, что мужской футбол — это просто футбол, не нуждающийся в дополнительных определениях. Исследователю представляется, что, несмотря на все достижения женщин в таких странах, как Швеция и Норвегия, пресса недостаточно освещает вопросы, связанные с их реальными проблемами, уделяя больше внимания модным тенденциям в одежде и вообще внешнему виду. Так, например, женщина, не вышедшая замуж, и ее ребенок едва ли будут названы словом «семья», так как оно «зарезервировано» за «полноценной, традиционной семейной парой». То же самое касается семейной пары гомосексуальной ориентации [ibid].

Значительная часть проведенных до настоящего времени языковых реформ выполнена в русле радикального подхода, свойственного французскому феминизму, который подчеркивает необходимость реорганизации и переоценки существующих различий между женщинами и мужчинами. Косметический ремонт существующей системы может привести только к увековечиванию подчиненного положения женщины. Примерами такого радикального подхода могут быть намеренное употребление Д. Камерон местоимения *she* в качестве гендерно-инклюзивного или феминизация названий профессий во французском языке. Естественно, не представляет совершенно никаких проблем представить себе мужчину в роли врача или капитана; однако такая интерпретация этих понятий будет несколько затруднена при явной маркиро-

ванности конкретного существительного женским родом (например, la capitaine). В то же самое время, однако, часть женщин выступает против введения новых маркированных женских слов в силу традиционных пейоративных ассоциаций, связанных с «женскими» суффиксами. Подобная реакция в какой-то степени понятна и даже предсказуема, учитывая данные, полученные в психолингвистических исследованиях, которые свидетельствуют об определенных ассоциациях, существующих между грамматическим родом и отношением к мужчинам и женщинам.

Как отмечает А. Ливиа, попытки гендерного языкового реформирования идут в направлении, противоположном тенденции, наблюдаемой в современном французском языке: нейтрализации или, по меньшей мере, уменьшения значения согласования по категории рода [5, p. 251]. Иными словами, факт соблюдения строгих грамматических правил может, в зависимости от контекста, свидетельствовать о самой различной ориентации говорящего: это может быть педант — учитель грамматики, радикальный феминист или транссексуал. Таким образом, гендерные маркеры сигнализируют о различных, иногда противоречивых и конфликтных по отношению друг к другу позициях: поддерживающих существующий в обществе статус-кво (как показало, например, исследование Дж. Касселл), оппонировавших такому положению дел и способствующих изменению ситуации. Точно так же в современном английском языке дегендеризированные — по идее — формы (например, chairperson, Ms) могут быть подвергнуты — и иногда подвергаются — регендеризации.

Библиографический список

1. *Baron D.* Grammar and Gender. New Haven, 1986.
2. *Börjeson F.* Ladies' «Excuse Me». Gender Problems in the Written Press // Language and Gender: Case Studies from a Swedish Seminar / Ed. by P. Holmberg, K. Nordenstam. Göteborg, 1995.
3. *Fleischman S.* Eliminating Gender Bias in French: A Case of Language Ideologies in Conflict // Cultural Performance: Proceedings of the Third Berkeley Women and Language Conference / Ed. by M. Bucholtz, C. Liang, L. Sutton, C. Hines. Berkeley, 1994.
4. *Freed A.* Language and Gender Research in an Experimental Setting // Rethinking Gender and Language Research: Theory and Practice / Ed. by V. Bergvall, J. Bing, A. Freed. London; New York, 1996.
5. *Livia A.* Pronoun Envy: Literary Uses of Linguistic Gender. Oxford; New York, 2001.
6. *Romaine S.* Communicating Gender. Mahwah, 1999.
7. *Rubin D., Green K., Schneider D.* Adopting Gender-inclusive Language Reforms: Diachronic and Synchronic Variation // Journal of language and Social Psychology. 1994. № 13.
8. *Silverberg R.* Who is Tiptree, What is He? // Tiptree J. Warm worlds and Otherwise. New York, 1975.

О. А. Ужова

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Статья посвящена представлению лингвострановедческого материала в словарях. Рассматриваются основные понятия лингвострановедения: *реалия*, *фоновые знания* и т. д. Далее исследуется проблема отбора лингвострановедческих фоновых знаний для лексикографического описания. Анализируются лингвострановедческие словари, опубликованные в России за последние несколько лет.

The article deals with the presentation of country-study material in the dictionaries. The main notions of the aspects such as vertical context are analysed. The problem of choice of the vocabulary for lexicographical description is touched upon. The country-study dictionaries which are published in Russia are considered.

Любое обучение есть передача молодому поколению культуры: физической, эстетической, музыкальной, политической. Иноязычная культура рассматривается нами как часть духовного богатства, которую может дать человеку процесс коммуникативного обучения иностранному языку в учебном, познавательном, воспитательном и развивающем аспектах. Обучение иностранному языку всегда связано с приобщением к иноязычной культуре. Часто формальное владение чужим языком совершенно недостаточно для осуществления адекватной коммуникации. Незнание или плохое знание культуры стран-партнеров может приводить не только к коммуникативной неудаче, но и к дипломатическим трениям. Так, С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» описывает такую ситуацию: английскому послу Боусу на приеме у царя Федора Иоанновича приказали снять меч при входе к царю. По этому поводу английская королева Елизавета I писала Борису Годунову: «Такое недоверие нас очень опечалило, в наших землях это великое бесчестие, когда велят меч снять, и за такое бесчестие в сердце нашего посла великая кручина была, и что ни делал, все с кручиною. А теперь сказал нам Горсей, что меч отнимают у посла по вашему обычаю, как у вас всегда ведется в царстве, и мы, узнав это, перестали кручиниться и надеемся, что между нами будет вечная любовь» [6, с. 253].

Джером Горсей, глава московской конторы «Русского общества английских купцов», в свою очередь докладывал Елизавете I о недовольстве в Москве тем, что она приняла царского посла Бекмана в саду, который тот назвал огородом. Вот строки из ответного письма английской королевы русскому царю: «Место, где Бекман был перед нами, есть место чистое, близкое нашей палаты, и туда никого не пускают, только великих и любительных слуг для чести, и в огороде этом нет ни луку, ни чесноку; Бекман сказал неправду. Так пригоже тебе Бекмана-гонца за его безраздельные и ссорные слова не только понаказать, а и побить пригоже» [там же]. Налицо так называемый конфликт культур, когда незнание особенностей культуры собеседника может привести не только к культурным, но и к государственным конфликтам.

Изучение и преподавание языков должно вестись на широком фоне социальной, культурной, политической жизни народов, говорящих на этих языках, то есть в тесной связи с миром изучаемого языка, в неразрывном единстве с культурой народов, использующих эти языки в качестве средства общения. Только когда наряду с овладением иностранным языком происходит усвоение и культурологических знаний, у человека, изучающего язык, формируется способность понимать ментальность носителей другого языка, создается межкультурная компетентность.

Таким образом, в методике преподавания иностранного языка в его взаимосвязи с культурой выделяется важный аспект, называемый лингвострановедением. Возникнув в методике преподавания русского языка как иностранного в 70—80-х годах прошлого века, лингвострановедение первоначально трактовалось как раздел науки о языке, связанный с исследованием путей и способов ознакомления иностранных учащихся с действительностью страны изучаемого языка в процессе изучения иностранного языка и через посредство этого языка.

Фундаментальный вклад в разработку теоретических основ лингвострановедения внесли Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров. С точки зрения этих авторов, «две национальные культуры никогда не совпадают полностью. Это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов... Поэтому неудивительно, что приходится расходовать время и энергию на усвоение не только плана выражения некоторого языкового явления, но и плана содержания, то есть надо вырабатывать в сознании обучаемых понятия о новых предметах и явлениях, не находящих аналогии ни в их родной культуре, ни в их родном языке. Следовательно, речь идет о включении элементов страноведения в преподавание языка, но это включение качественно иного рода по сравнению с общим страноведением. Так как мы говорим о соединении в учебном процессе языка и сведений из сферы национальной культуры, такой вид преподавательской работы предлагается называть лингвострановедческим преподаванием» [2, с. 227].

Лингвострановедческий подход к преподаванию языка позволяет истолковать языковую специфику в неразрывной связи с жизнью, бытом и культурой народа. Чтобы создать языковую картину, достаточно полно отражающую жизнь народа, нужно столь же полно и глубоко изучить язык на фонетическом, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. При этом должен происходить отбор и культуроведческого материала, так как основной лингвострановедческой задачей является не исследование культуры вообще, а именно поиск и отбор такого материала [1].

Таким образом, лингвострановедение — это направление, с одной стороны, включающее в себя обучение языку, а с другой — дающее определенные сведения о стране изучаемого языка. Главная цель его — обеспечение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации, прежде всего через адекватное восприятие речи собеседника и понимание оригинальных текстов. Усвоение лингвострановедческого материала, важнейшего компонента коммуникативной компетенции, создает лингвострановедческую компетенцию, под которой понимается целостная система представлений о национальных обычаях, традициях, реалиях страны изучаемого языка, позволяющая извлекать из лексики этого языка примерно ту же ин

формацию, что и его носители, и добиваться тем самым полноценной коммуникации.

С практической точки зрения лингвострановедение обогащает знания о стране изучаемого языка конкретными и убедительными сведениями из различных областей жизни общества; служит источником информации для речемыслительной деятельности; показывает реальное функционирование языковых средств в аутентичных документах и страноведческих текстах; дает возможность не только иллюстрировать и систематизировать, но и активизировать коммуникативно-ценный лексический и грамматический материал в высказываниях, имеющих страноведческое содержание.

Одним из неперенных условий общения является наличие определенных фоновых знаний. Экстралингвистические знания участников коммуникации играют не менее важную роль, чем их владение языком. Обычно коммуниканты стараются определить общий для них объем знаний как языкового, так и исторического, культурного, социального характера и затем интуитивно учитывают его при общении. Основной причиной неполного или неправильного понимания при обмене информацией в условиях межкультурного общения является различие в фоновых знаниях, которые составляют основу национальных культур собеседников.

Фоновые знания основываются на кумулятивной функции языка, на способности языка выступать в качестве связующего звена между поколениями, хранилища и средства передачи внеязыкового общественного опыта, на «его способности закреплять накопленный коллективный опыт непосредственно в формах языка, в строевых единицах речи — словах, фразеологизмах, языковых афоризмах» [9, с. 5].

Фоновые знания трактуются как в узком, так и в широком плане. Если в узком смысле фоновые знания — это только те знания, которыми обладают оба участника коммуникативного акта, то есть знания, общие для коммуникантов, то в широкой трактовке фоновые знания понимаются как практически все знания, которыми обладают участники коммуникации к моменту общения. По сфере распространения Г. Д. Томахин классифицирует их следующим образом:

- 1) общечеловеческие знания (например, всем известны такие понятия, как земля, космос, время, жажда);
- 2) региональные сведения (не все жители тропиков знают, что такое снег);
- 3) сведения, которыми располагают только члены определенной этнической или языковой общности (нации);
- 4) знания, которыми обладают жители данной местности или члены социально замкнутой группы. Это соответствует территориальным и социальным диалектам (например, названия местных географических объектов);
- 5) сведения, которыми располагают только члены микроколлектива: семья, учебная группа и т. п. [9].

В процессе общения, несомненно, присутствуют все типы фоновых знаний, из которых формируется круг коммуникантов. Однако для лингвострановедения, в рамках которого обучение иностранному языку ведется одновременно с обучением элементам культуры народа — носителя этого языка, основным объектом исследования являются фоновые знания третьего типа, то есть знания, которыми обладают члены определенной этнической и языко-

вой общности. Именно эти знания находятся в тесной связи с национальной культурой, являясь ее неотъемлемой частью. Такие фоновые знания, свойственные членам определенной языковой общности и отсутствующие у иностранцев, в работах Е. М. Костомарова и В. Г. Верещагина получили название страноведческих. Если наличие совпадающих фоновых знаний общечеловеческого характера помогает участникам коммуникации в какой-то мере понимать друг друга, то только владение страноведческими фоновыми знаниями позволяет им достичь полного взаимопонимания. Эти фоновые знания включают в себя систему мировоззренческих взглядов, господствующих в данном обществе, этических оценок, нормы речевого и неречевого поведения и большую часть знаний, которыми обладают все члены общества.

Однако если языковые средства в какой-то степени уже изучены, отобраны, распределены по этапам обучения в зависимости от целевых установок, то страноведческие фоновые знания пока еще недостаточно изучены и описаны, несмотря на многолетнюю практику преподавания страноведения как отдельного предмета. Одна из основных трудностей их отбора заключается в определении границ, то есть в решении вопроса, что относить к страноведчески значимым фоновым знаниям, а что оставить за их пределами. С точки зрения Г. Д. Томахина, к ним относятся только те знания, которые безусловно актуальны в массовом обыденном сознании среднего носителя языка и, как правило, неизвестны иностранцу [7].

Итак, главным условием отбора лингвострановедческих фоновых знаний является их общеизвестность в среде носителей языка. Являясь элементом массовой культуры, фоновые знания разделяются на актуальные фоновые знания и фоновые знания культурного наследия. Граница между ними весьма условна: то, что было всем известно вчера, нередко перестает быть актуальным сегодня и переходит в разряд знаний культурного наследия. Но даже живя в сознании современного общества недолговечно, фоновые знания могут обладать такой популярностью, что, пусть на короткое время, приобретают характер неотъемлемой части национальной культуры [8].

Наличие фоновых знаний у коммуникантов предполагает обоюдное знание реалий, под которыми понимаются «названия предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ, присущих только определенным нациям и народам» [8, с. 48]. Таким образом, к реалиям можно отнести не только предметы материальной культуры, но и абстрактные сущности, связанные с духовными ценностями и обычаями народа, культурно-социальными традициями и общественно-политическим устройством страны, то есть все реальные факты истории, культуры, быта страны изучаемого языка.

В реалиях наиболее полно проявляется близость между языком и культурой: возникновение новых реалий в духовной и материальной жизни общества ведет к появлению реалий в языке. Для лингвострановедения особый интерес представляют такие реалии, в которых проявляется национальный и исторический колорит. Это прежде всего ономастические реалии (топонимы, имеющие культурно-исторические ассоциации; антропонимы; названия произведений литературы и искусства; названия государственных и общественных учреждений) и реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой (географические термины, обозначающие особенности природно-географической

среды, флоры и фауны, термины и слова, имеющие отношение к государственному устройству, общественно-политической, культурной жизни страны, ее быту).

Одним из способов хранения страноведческой информации является словарь. В рамках современной лексикографической науки уже разработаны и изданы словари, сочетающие в себе характеристики разных типов справочных изданий (элементы толковых, энциклопедических, лингвистических словарей). Такие словари могут быть признаны лингвокультурными справочниками. Поистине пионерским произведением подобного рода стал лингвострановедческий словарь «Великобритания», изданный в Советском Союзе в 1980 году [4]. Поскольку это было первое издание подобного рода, то при его подготовке авторы не имели возможности опираться на опыт составления других аналогичных публикаций, и это делало их задачу более сложной. В предлагаемом читателю издании не было простого симбиоза обычного двуязычного словаря и энциклопедического справочника. На суд читателя выносился оригинальный словарь, разъясняющий особенности употребления, дополнительную смысловую нагрузку, политические или иные коннотации различных слов, словосочетаний или названий. Советские авторы словаря Л. В. Колесников, Г. А. Пасечник, А. В. Петрова и другие, используя материалы англичанина А. Рума, дали такие переводы и так составили пояснительную часть каждой статьи, что советскому читателю, специально не занимавшемуся Великобританией, стали ясны и понятны особенности, присущие данной стране. В новом издании этого словаря, осуществленном в 2000 году, автор, А. Рум, значительно пересмотрел его содержание в связи с изменившимися реалиями современной Великобритании [5].

Лингвострановедческий словарь «Австралия и Новая Зеландия» В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской, Н. П. Миничева и других 1998 года издания [3] представляет собой первый в отечественной и мировой лексикографической практике англо-русский словарь, посвященный соответствующим национальным вариантам английского языка. Принципы описания лексики в этом словаре очень близки тем, которые приняли за основу авторы словаря «Великобритания».

Весьма интересной попыткой новой презентации материала в лингвострановедческом словаре является словарно-справочное учебное пособие Г. Д. Томахина под названием «Великобритания: Лингвострановедческий словарь» 2001 года издания [11]. Оно построено по типу тематического справочника-словаря. Весь материал разделен по темам на 10 глав: «Литература», «Театр», «Кино» и другие. Каждая глава состоит из вступительной части, в которой дается общая характеристика темы, приводятся сведения об истории развития, особенностях и современном состоянии соответствующего раздела культуры страны, и следующего за ней лингвострановедческого словаря, в котором приводятся понятия, персоналии, названия литературных, музыкальных, художественных и других произведений, имена литературных героев, цитаты, названия радио- и телепрограмм, газет, журналов, некоторые исторические и географические названия. Словарные статьи расположены в соответствии с алфавитным порядком вокабул. Структура книги дает возможность использовать ее как учебное пособие при работе над культуроведческой тематикой и в качестве справочника по интересующим студентов вопросам культуры.

О прототипическом подходе к описанию частиц немецкого языка

Тексты пособия в сжатой форме дают минимум информации по определенному разделу культуры. Интересной представляется и система упражнений, которые приводятся после словаря и способствуют закреплению новой лексики.

Данный подход представляется весьма перспективным для презентации лингвострановедческого материала в учебных целях.

Библиографический список

1. Брагина А. А. Лексика языка и культура страны: изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. М., 1981.
2. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного, М., 1976.
3. Ощепкова В. В., Петриковская А. С., Миничева Н. П. и др. Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь. М., 1998.
4. Рум А., Колесников Л. В., Пасечник Г. А. и др. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. М., 1978.
5. Рум А. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. М., 2000.
6. Соловьев С. М. История России с древнейших времен, М., 1960.
7. Томахин Г. Д. Лексика с культурным компонентом значения // Иностранные языки в школе. 1980. № 6.
8. Томахин Г. Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностранные языки в школе. 1981. № 4.
9. Томахин Г. Д. Америка через американизмы. М., 1982.
10. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению. М., 1988.
11. Томахин Г. Д. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. М., 2001.

Р. И. Бабаева

**О ПРОТОТИПИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ
К ОПИСАНИЮ ЧАСТИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматриваются возможности теории прототипов для экспликации семантики частиц немецкого языка и вопрос об использовании прототипа для выявления содержательного своеобразия частиц, употребляемых в высказываниях директивного типа.

Prototypes theory opportunities for the semantic explication of the particles of the German language and the question of the prototype usage in revealing the peculiarities of the particles, used in the expressions of the directive type, are considered in the article.

В середине 50-х годов прошлого столетия О. И. Москальская отмечала, что вопрос о частицах является одним из наименее разработанных в грамматике немецкого языка [2, с. 384]. Эти словарные единицы оставались на

периферии лингвистических исследований, так как считалось, что они не имеют собственного лексического значения и не очень важны для процесса коммуникации. С развитием прагматики этот взгляд на частицы в разных языках существенно изменился. В наши дни общепризнанно, что частицы обладают собственным лексическим значением. В немецком языке эти «словечки» играют важную роль в дискурсе.

Экспликация семантики частиц является непростым делом, так как значение этих слов невозможно описать традиционными методами, используемыми для описания полнозначных слов. В специальной литературе выделяются два подхода к описанию семантики частиц немецкого языка — максималистский и минималистский [11, S. 5].

Максималисты пытаются определить и описать множество вариантов значения лексемы, не стремясь выявить взаимосвязь между различными вариантами. Подобный взгляд на семантику частиц немецкого языка отражен в специальном словаре Г. Хельбига [8].

Минималистский подход подразумевает, что каждая частица имеет основное значение (*Grundbedeutung*), то есть лексический элемент содержит по возможности малое количество значений, а все иные варианты значения элемента объясняются взаимодействием с компонентами контекста [11, S. 3]. Таким образом, основную задачу при изучении семантической структуры служебных слов минималисты видят в необходимости вычленения с помощью этимологических данных и семантического анализа общего значения лексемы и установления связей его с частными значениями. Подобный взгляд на семантику немецких частиц представлен в монографии М. Турмайер [13]. Минималистский подход при описании семантики отдельных частиц не всегда кажется приемлемым, так как не во всех случаях очевидно общее значение, которое, по мнению минималистов, охватывает всю парадигму употребления частицы.

Компромиссом между минималистским и максималистским подходом к описанию семантики немецких частиц может стать рассмотрение значений в свете теории прототипов.

Термин «прототип» активно используется в психолингвистике с середины 70-х годов. Это понятие обычно связывается с именем американского психолога Элеонор Рош, которая исследовала категории как некие концептуальные структуры. Существуют наиболее типичные объекты — центры категории, которые и получили название прототипов.

Прототипический подход получил распространение при описании семантики многозначных слов, когда все значения лексической единицы рассматриваются как единая категория. При этом прототип понимается как эталонный репрезентант категории, вокруг этого репрезентанта группируются другие элементы категории, но они не совпадают с прототипом. Так, семантика прототипов в концепции Ч. Филмора определяет значения некоторой лексемы, при этом считается сначала, что существуют только типичные случаи, но затем указывается, что и другие объекты могут быть отнесены к этой категории, хотя они и не обладают всеми признаками прототипа [2, с. 35].

Таким образом, выявление прототипа помогает описать основные значения лексемы путем сравнения каждого значения с эталонным представителем. В то же время в отличие от инварианта (в том числе и от общего значения, выделяемого максималистами) прототип проявляется не во всех зна-

чениях, ряд значений находится на периферии категории и связан с прототипом путем нескольких переходов. Этот взгляд на описание категории связан с идеей «семейного сходства» Витгенштейна, согласно которой между элементами одной категории имеются черты «семейного сходства»: элемент А похож на элемент В, В в свою очередь похож на С, но в то же время А может быть и не похож на С [9, S. 748]. На основании этого витгенштейновский взгляд связывают обычно с положением о недискретности, размытости границ.

В отличие от Витгенштейна, по мнению В. З. Демьянкова, сторонники теории прототипов принимают постулаты о группировке представителей естественных категорий (биологических, когнитивных, поведенческих и др.) внутри пространства категорий, на определенной дистанции от прототипа — то есть от категориального среднего. Витгенштейновская концепция «семейных сходств» предсказывала бы разброс всех элементов категории относительно такого пространства. В теории прототипов имеет место скорее сгущение, группировка предметов вокруг каждого из прототипов, но большинство этих предметов с самим прототипом не совпадают [2, с. 33—34].

Несмотря на то, что обычно теорию прототипов используют преимущественно при описании конкретной лексики, это понятие привлекло внимание и исследователей немецких частиц. Х. Херингер на основе этого понятия пытается выяснить наиболее типичное употребление немецкой лексемы *ja*, с которым могут быть соотнесены все иные варианты употребления данного слова. Это прототипическое значение он связывает со значением «единство, согласие» (*Einigkeit*) [9]. Н. А. Торопова описывает различие в семантике темпоральных частиц *noch* и *schon* и представляет прототипические сигнификаты рассматриваемых лексем [3].

Прототип частицы — это мысленный образ, абстрактный конструкт, который отражает наиболее типичные случаи употребления данного слова. Иные реализации семантики этой частицы будут результатом ее взаимодействия с контекстом и результатом переноса этого конструкта на новые речевые ситуации или использования слова по аналогии. О переносе такого прототипического образа-схемы в новые условия употребления говорится в работе Й. Майбауера при описании значений слова *schon* [11].

Плодотворным может быть выявление прототипа для каждой из частиц и сравнение всех вариантов употребления частицы с прототипом. Описание прототипа может помочь понять даже те значения частиц, которые возникают вновь и еще не зафиксированы словарем.

Так, прототип слова *auch* можно представить как некий цельный концепт, который содержит два элемента, обладающие неким общим свойством, при этом второй элемент попадает в поле зрения говорящего, потому что он на основании некоторого признака похож на первый элемент, то есть первый элемент является образцом для второго.

«Aber da Sie's jetzt offen ausgesprochen haben, kann ich es ja **auch** (здесь и далее выделено нами. — Р. Б.) offen aussprechen» [10, S. 144]. В данном высказывании акцент делается на том, что я могу поступить точно так же, как и вы, и сказать все открыто: Sie (offen aussprechen) --- **auch** Ich (offen aussprechen). *Auch* соотносит некоторый элемент **X** с другим элементом **У** и сравнивает их по наличию некоторого общего свойства (признака) **z**, при этом *auch* всегда находится во втором высказывании, где речь идет об эле

менте **X**. Компонент **У** рассматривается как образец, с которым сравнивается **X** по наличию признака **z**. Лексема *auch* находится под ударением, и акцент делается на отношении тождественности «так же, как и другое»: элемент **X** так же, как и другой элемент **У**, обладает признаком **z**. Этот прототип соответствует тем случаям, когда некоторые ученые говорят о наречии, другие — о логической частице.

Один из вариантов реализации прототипа соотносится с теми ситуациями употребления *auch*, в которых лексема однозначно трактуется как логическая, или фокусирующая, частица. Ударение падает на **X**, а лексема *auch*, обозначающая отношения идентификации, остается безударной. Внимание фокусируется на элементе **X**, который, как и **У**, обладает признаком **z**.

«Dann erreichte er das Tor. Es war offen... Er ging zur Haustür. **Auch sie war offen**» [5, S. 97]. Лексема *auch* фокусирует внимание на элементе высказывания *sie* (Haustür) и подчеркивает, что этот элемент, как и смежный элемент *das Tor*, обладает тем же свойством «*offen*». Вокруг этого варианта группируются и другие употребления *auch*, где это слово выступает в иных значениях логической частицы.

Другой вариант реализации прототипа соответствует контекстам, где *auch* определяется как модальная частица. Здесь схема переносится уже на другой уровень абстракции, обработка информации происходит по той же схеме, но на ином уровне. Предположения, индивидуальные знания **У** о ситуации **z** соотносятся с реальной действительностью **X**.

«Bevor der Fremde jedoch der Einladung folgte, die von einer entsprechenden Handbewegung begleitet war, sah er die stattliche Frau eigentümlich an und warf dann einen Blick im Zimmer umher. "Sind wir **auch** allein?" "Sie sehen ja... "» [7, S. 31]. Говорящий запрашивает информацию, чтобы убедиться, что его предположения **У** о **z** (**z** — «находятся наедине») «Я думаю, что мы одни» соответствуют действительности **X** «они действительно одни». Вокруг этого варианта реализации прототипа группируются различные значения модальной частицы *auch*. А на периферии категории находятся такие употребления *auch*, где с трудом прослеживается связь с другими значениями этого слова, как, например, в устойчивом высказывании «Teufel **auch!**».

Таким образом, на основе прототипа в общем виде дана характеристика категории, которую образуют значения слова *auch*.

Опора на прототипы может помочь и при выявлении своеобразия частиц, близких по значению. Например, в высказываниях директивного типа употребляются частицы *doch*, *schon*, *mal*, *bloß*, *nur*, *auch*, и о каждой из них говорится, что они усиливают просьбу, приказ и т. п. Понять, в чем состоит различие, можно лишь обратившись, с одной стороны, к контексту, а с другой — к прототипу каждой из частиц.

Так, например, в основе прототипа модальной частицы *doch* лежит тот факт, что ожидания говорящего и действительность противопоставляются друг другу. Эта частица употребляется тогда, когда есть противоречие между ожиданиями (желаниями) говорящего и поведением слушателя. С помощью этой частицы корректируется поведение слушателя. Следующий пример можно отнести к типичным случаям употребления *doch* в высказываниях директивного типа. «Sag **doch** was! Was wirst du tun? — fuhr Martin fort, freundschaftlich, bittend, denn Fernand schwieg immer noch» [6, S. 416].

В основе прототипа *schon* лежит восприятие говорящим некой ситуации как свершившейся. Говорящий берет на себя роль последней инстанции, чтобы каузировать выполнение действия слушателем. Слушатель сомневается в возможности выполнения действия или спрашивает разрешения. Высказывание с частицей часто содержит обоснование необходимости выполнения действия или пояснение. «Du bist wohl's erstmal verwundet, sonst wüßtest du, dass Verwundete auch Patienten sind, na geh **schon** jetzt» [10, S. 354].

Прототип *bloß* связан с вычлениением некоего элемента, который наиболее существенен в данной ситуации. Говорящий намеревается или может совершить некоторое действие, которое может иметь негативные последствия. Частица акцентирует внимание на действии, которое в данной ситуации нежелательно. Это, как правило, предостережение, угроза. «Das ist der Chef! — flüsterte Macht. Seid bloß still!» [10, S. 146].

Итак, обращение к прототипу может помочь выявить наиболее характерные случаи употребления частиц в определенных типах ситуаций, например волеизъявления, и понять разницу в семантике частиц, употребляемых в сходных контекстах. Но некоторые случаи значительно отличаются от прототипа, они смещаются в направлении периферии. Особенно это касается употребления комбинаций частиц и случаев возникновения новых употреблений на основе аналогии.

Библиографический список

1. Демьянков В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке / Отв. ред. Е. С. Кубрякова. М., 1994.
2. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка: Морфология. М., 1956.
3. Торопова Н. А. Эгоцентричность темпоральных частиц *nach* и *schon* в современном немецком языке: (Опыт прототипического описания семантики частиц) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Иваново, 2003.
4. Brauße U. Lexikalische Funktionen der Synsemantika. Tübingen, 1994.
5. Dürrenmat F. Der Richter und sein Henker. Der Verdacht. М., 2000.
6. Feuchtwanger L. Narrenweisheit oder Tod und Verklärung des Jean-Jacques Rousseau. М., 1957.
7. Fontane T. Grete Minde. Nach einer amerikanischen Chronik // www.gutenberg2000.de.
8. Helbig G. Lexikon deutscher Partikeln. Leipzig; Berlin; München; Wien; Zürich; New York, 1994.
9. Heringer H. J. Ja, ja, die Partikeln! Können wir Partikelbedeutungen prototypisch erfassen? // Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Phonetik, Kommunikation. [Bd.] 41. Berlin, 1988. № 6.
10. Kant H. Die Aula. Berlin, 1969.
11. Meibauer J. Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung: Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen, 1994.
12. Schwanitz D. Der Campus. Frankfurt am Main; Berlin; Weimar, 1996.
13. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen // Linguistische Arbeiten. Niemeyer, 1989.

Е. А. Вансяцкая

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ОПИСАНИЕ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(На материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»)

Рассматриваются основные типы невербальных компонентов коммуникации, встречающихся в тексте художественного произведения. Отмечаются наиболее частотные виды НВК, характерные для литературы XIX века.

The article describes the major types of non-verbal communication components in fiction. The most frequent kinds of non-verbal components typical of the literary works of the 19th century are analyzed.

В рамках невербальной коммуникации выделено понятие невербальных компонентов (далее — НВК), под которыми понимают «все средства несловесной коммуникации в речевом акте и все несловесные элементы, принимающие участие в процессе порождения речи и при ее рецепции» [1, с. 25].

Были предприняты различные попытки изучения НВК в различных типах речевых актов в речи мужчин и женщин. Наша задача — проследить роль НВК в произведениях первой половины XIX века.

Для анализа НВК было выбрано произведение английской писательницы первой половины XIX века Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Этот роман представляет собой комбинацию романтизма и сатирического реализма, который после нее стал популярен до конца века. Главное в ее романе — представление событий и чувств с точки зрения молодой женщины, которые она пропускает через себя. Именно поэтому в романе много внимания уделяется описанию внутреннего состояния героини.

1. My heart beat quick, my head grew hot; a sound filled my ears, which I deemed the rushing of the wings: something seemed near me; I was oppressed, suffocated, endurance broke down, I rushed to the door and cried [4, p. 28].

Героиня сама характеризует себя, используя для этого прилагательные, имеющие отрицательную коннотацию, — «oppressed» и «suffocated». При этом ее состояние сопровождается следующим описанием: «my heart beat quick», «my head grew hot». Эти словосочетания не имеют ярко выраженного коннотативного значения, но из общей картины известно, что сердце бьется учащенно и человеку становится жарко, если он испытывает сильную эмоцию. За этими действиями следует побег героини и крик: «rushed to the door and cried», таким образом героиня выражает отрицательную ЭР — страх, ужас от нахождения в красной комнате, где несколько лет назад умер ее дядя.

В тексте художественного произведения присутствуют различные коммуникативные акты.

Рассмотрим пример 2, в котором дается лишь описание НВК, коммуниканты безмолвны.

2. «You had this morning a breakfast which you could not eat; you must be hungry: — I have ordered that a lunch of bread and cheese shall be served to all».

The teachers looked at her with a sort of surprise [4, p. 67].

В ответ на слова мисс Темпл о низком качестве завтрака другие учителя ничего не говорят, а проявляют удивление, которое представлено в тексте описанием НВК через словосочетание «looked at her with a sort of surprise», в котором ключевым является существительное «surprise», имеющее положительную направленность — «the feeling caused by something unexpected happening» [5]. Достаточно часто встречаются примеры, в которых присутствует несколько НВК различной природы.

3. Miss Temple embraced us both, saying, as she drew us to her heart: — «God bless you, my children!» [4, p. 99]

В примере 3 коммуникант совершает два невербальных действия, не говоря ни слова. Эти действия описываются в тексте словосочетанием «to draw to one's heart» и глаголом «to embrace», который имеет значение «to hold someone tightly with both arms to express love, liking or sympathy» [5]. А из картины мира известно, что прижимая кого-то к груди, коммуникант проявляет положительную ЭР — внимание, заботу.

4. In another second I was embracing and kissing her rapturously: «Bessie! Bessie! Bessie!» [4, p. 120].

В следующей ситуации глаголы «to embrace» и «to kiss» окрашены положительно, о чем свидетельствуют словарные дефиниции глаголов — «hold someone tightly with both arms to express love, liking or sympathy» и «to touch or press your lips against another person, especially their lips or cheek, as a greeting or to express love» [5]. Поэтому читателю нет необходимости привлекать экстралингвистические знания для декодирования смысла высказывания. В этом примере обращает на себя внимание наречие-интенсификатор «rapturously» со значением «in the way to express extreme pleasure and happiness or excitement» [5], которое усиливает значение невербальных действий.

Таким образом, рассмотренные выше примеры 3 и 4 позволяют сделать вывод о том, что описания НВК однонаправлены и дополняют друг друга, выражая положительную ЭР.

5. «Deceit is not my fault!» I cried out in a savage, high voice [4, p. 54].

Если в предыдущих случаях были представлены НВК мимической и пантомимической природы, то в примере 5 представлен НВК фонационного характера. Вербальный компонент окрашен отрицательно, его ядром является негативно коннотированное существительное «deceit», которое имеет следующее словарное значение — «an act of keeping the truth hidden, especially to get an advantage» [5]. Далее следуют описания НВК, в котором автором описывается голос главной героини с помощью прилагательных «high» и «savage», словарные дефиниции которых «near or at the top of the range of sounds» и «severe and fierce» [5]. Они также окрашены отрицательно, и присутствующий в тексте компонент ВК, и НВК, дополняя друг друга, выражают одну отрицательную ЭР — гнев.

6. I saw Mr. Lloyd smile and frown at the same time: «Ghost! What, you are a baby after all! You are afraid of ghosts?» [4, p. 35].

Особый интерес, на наш взгляд, представляют случаи, когда в тексте присутствует описание НВК, которое противоречит характеру ЭР, испытываемой говорящим. В примере 6 говорящий (доктор) совершает два невербальных действия — «to smile» и «to frown», которые можно считать разнонаправленными из-за их словарных дефиниций. Глагол имеет значение «to make a happy or friendly expression in which the corners of your mouth curve up slightly, often with the lips moving apart so that the teeth can be seen», а глагол имеет значение «to bring your eyebrows together so that there are lines on your face above your eyes to show that you are annoyed or worried» [5]. Для адекватного понимания испытанной ЭР необходим вербальный компонент «Ghost!», который имеет значение «the spirit of a dead person, sometimes represented as a pale, almost transparent image of that person, which some people believe appears to people who are alive» [5]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что описание второго НВК является истинным и выраженная через него ЭР означает смущение, удивление.

Так как коммуникация не представляет собой непрерывного говорения, в тексте могут присутствовать паузы, ситуации молчания.

7. «You have a kind heart and cousins». Again I paused; then bunglingly enounced: — «But John Reed knocked me down, and my aunt shut me up in the red-room» [4, p. 36].

Рассмотрим пример 7, в котором присутствует разновидность молчания, пауза, которая выражает определенную ЭР. Коммуникант совершает невербальное действие (делает паузу) в ответ на слова о том, что у нее есть теть и двоюродные брат с сестрой. Глагол «to pause» имеет следующую словарную дефиницию «to stop doing something for a short period of time» [5]. Но Джейн не считает это благом для себя, что подтверждается следующим за паузой вербальным компонентом, в котором она говорит о бесчеловечном обращении с ней. Таким образом, пауза, предшествующая ВК, выражает отрицательную ЭР — сомнение, неуверенность, которая находит подтверждение в ВК.

8. «Hush, Jane! You think too much of the love of human beings; you are too impulsive, too vehement <...> Besides this earth, and besides the race of men, there is a n invisible world and a kingdom of spirit; that world is around us, for it is everywhere» <...>

I was silent: Helen had calmed me [4, p. 94].

В следующей ситуации говорящий пытается успокоить адресата в том, что она не так плоха, как ей говорят. Джейн молчит — «I was silent», но можно предположить, что она мысленно соглашается с говорящим, но не может вербализовать свои слова. Но то, что цель коммуникации достигнута, выражается через предложение — «Helen had calmed me», ядром которого является глагол «to calm», имеющий положительное значение — «to stop someone felling upset, angry or excited» [5]. Таким образом, ЭР, выраженная через молчание, означает смущение.

Довольно часто в тексте можно встретить прерывистую речь, которая является маркером интенсивности ЭР.

9. «You are not a servant at the hall, of course. You are...» He stopped, ran his eye over my dress, which, as usual, was quite simple: a black merino cloak, a black beaver bonnet; neither of them half fine enough for a lady's maid. He seemed puzzled what I was; I helped him:

«I am the governess» [4, p. 151].

Встретив Джейн на дороге, мистер Рочестер не может сделать окончательного вывода о ее социальном статусе, поэтому его речь прерывается «You are...». Таким образом, присутствующий в тексте НВК выражает ЭР смущения, которая снимается вторым коммуникантом, когда адресат сам сообщает ему о своей профессии: «I am the governess».

Для литературы XIX века [2] характерно употребление полновесных прилагательных, характеризующих героя. Это естественное проявление британского характера: англичане склонны сдержанно говорить о вещах, вызывающих бурную реакцию, и утрировать то, что не заслуживает внимания.

10. I kept expecting that Miss Scatcherd would praise her attention; but, instead of that, she suddenly cried out: — «You dirty, disagreeable girl! You have never cleaned your nails this morning!» Burns made no answer: I wondered at her in silence [4, p. 74].

Пример 10 описывает ситуацию, в которой учитель характеризует Элен Бернс через отрицательно коннотированные прилагательные «dirty» и «disagreeable», которые имеют следующую словарную дефиницию: «not clean; unfair, dishonest or unkind» и «unpleasant» [5]. Девочка получает столь негативную характеристику лишь за то, что она не вымыла руки, и учитель не обращает внимание на тот положительный факт, что Элен лучше всех выучила урок по истории. В ответ на грубые слова учителя Элен ничего не говорит — «Burns made no answer». ЭР первого коммуниканта отрицательна — гнев, что подтверждается описанием невербального действия — «to cry out», которое имеет значение — «to shout or to make a loud noise because you are frightened, hurt, upset» [5].

Отмечают, что для литературы XIX века характерно проводить анализ своего внутреннего «Я», поэтому в тексте много примеров, в которых говорящий интерпретирует свое поведение в ситуации, объясняет свой речевой поступок, а иногда подчеркивает какую-то доминирующую черту своего «Я» [3].

11. I cry because I am miserable [4, p. 35].

Оценивая свою личность, говорящий проявляет определенную эмоцию. Ядром высказывания является прилагательное «miserable», которое окрашено отрицательно, что подтверждается словарной дефиницией «very unhappy, unpleasant and causing unhappiness» [5]. ВК дополняется описанием НВК — «to cry» — «to shout in the way which is made to attract people's attention» [5]. Оба компонента, будучи однонаправленными, выражают отрицательную ЭР — недовольство.

Таким образом, из примеров можно сделать вывод о том, что для литературы первой половины XIX века характерны различные виды НВК. Их дальнейшее изучение может способствовать лучшему пониманию процессов речевого общения.

Библиографический список

1. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
2. Ивушкина Т. А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект. Волгоград, 1997.
3. Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989.
4. *Bronte Ch.* Jane Eyre. M., 1954.
5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. <http://dictionary.cambridge.org>.

Н. Г. Лаврентьева

**НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СЛОЖНЫХ СЛОВ,
ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ЯЗЫКЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ**

Представлены некоторые лингвистические характеристики сложных терминов, функционирующих в языке делового общения. Сложные термины подвергаются анализу с точки зрения их семантики, принадлежности к той или иной части речи, морфологической структуры и компонентного состава. В результате анализа широкого корпуса исследовательского материала сложные термины языка делового общения были разделены на несколько семантических групп, а также были выделены наиболее частотные словообразовательные модели, представленные в данной группе сложных слов.

The article presents some linguistic characteristics of compound terms functioning in Business English. Compound terms were analyzed from the point of view of their semantics, part of speech belonging, morphological structure and component composition. As a result of this analysis compound terms functioning in Business English were subdivided into several semantic groups. The analyses allowed to define the most productive word formation models used in the analyzed group of English compounds.

Язык делового общения — явление неоднородное. Говоря о функционально-стилистической дифференциации языка делового общения, исследователи выделяют в нем различные подрегистры: язык коммерческой корреспонденции, язык деловых документов и контрактов, язык переговоров и презентаций, язык повседневного общения [2, 3]. Понятие *бизнес* включает в себя «менеджмент и торговлю, производство товаров, обеспечение финансирования подобной деятельности, предоставление денежных займов, торговлю ценными бумагами, различные виды страхования, бухгалтерский учет и т. п.» [4, с. 3]. Коммуникация в сфере бизнеса предполагает общение на различные темы, связанные с экономикой, финансовыми операциями, управлением предприятием, торговлей и т. п. Анализ широкого корпуса исследуемого материала (1000 сложных терминов, отобранных методом сплошной

выборки из различных бизнес-курсов английского языка) позволил нам разделить все зарегистрированные нами сложные слова, функционирующие в деловой английской речи, на следующие семантические группы:

1) термины экономики и менеджмента: *market price* — рыночная цена; *capital goods* — средства производства, капитальное имущество; *face value* — номинальная стоимость; *profit margin* — прибыль, маржа, сделка с частичной оплатой; *gross product* — валовая продукция; *public company* — государственная компания; *private brand* — марка производителя и т. д.;

2) банковская и финансовая терминология: *current account* — текущий счет; *real account* — активный счет, статья бухгалтерского баланса; *balance sheet* — балансовая ведомость; *general ledger* — главная бухгалтерская книга; *debt funding* — консолидирование долга; *year-end* — конец бюджетного года; *paycheck* — платежный чек; *paysheet* — платежная ведомость и т. д.;

3) термины, связанные с торговыми операциями и транспортировкой товара: *field selling* — реализация товара; *way-bill* — транспортная накладная; *consignment note* — транспортная накладная; *timely delivery* — своевременная доставка; *chartering order* — фрахтовый ордер; *retail price* — розничная цена; *unit cost* — цена отдельного товара и т. д.;

4) сложные слова, не являющиеся терминами и используемые в различных ситуациях бизнес-общения: *chairman* — председатель; *data-base* — база данных; *paper work* — канцелярская работа; *fax-message* — сообщение по факсу; *help-desk* — стол справочной информации; *handbook* — руководство, справочник, указатель и т. д.

Кроме указанных выше семантических групп английских сложных слов, функционирующих в языке делового общения, нам представляется целесообразным выделить еще 3 более узкие и специальные подгруппы бизнес-терминов:

1) термины — названия документов:

Banker's Draft — банковская трата; *Banker's Transfer* — банковский перевод; *Release Note* — расписка о получении долга; *Cover Note* — сопроводительная записка; *Declaration Form* — декларация, заявление и т. д.;

2) термины — названия должностей:

Sales Manager — менеджер по продажам; *Personnel Manager* — управляющий отделом кадров; *Works Manager* — управляющий заводом (фабрикой); *Sales Clerk* — служащий отдела сбыта; *Export Director* — директор по экспорту и т. д.;

3) термины — названия структурных подразделений предприятия:

Staff Department — отдел кадров; *Credit Department* — отдел кредитования; *Sales Department* — отдел (служба) сбыта; *Export Department* — отдел экспорта и т. д.

Таким образом, семантический анализ исследуемого материала показал, что сложные слова в языке делового общения представлены в основном терминами, обслуживающими разнообразные стороны бизнес-коммуникации (экономика, менеджмент, финансирование предприятий, бухгалтерия, торговля и т. п.). Сложные термины помогают четко и лаконично передать объемное содержание, вкладываемое в понятие. Употребление сложных терминов в деловой английской речи позволяет сокращать сложные синтаксические конструкции, что значительно повышает эффективность коммуникации.

Исследуемый материал был также проанализирован с точки зрения принадлежности интересующей нас группы английских сложных слов к той или иной части речи. Как показали результаты проведенного нами анализа, примеры сложных слов, вошедшие в широкий корпус исследовательского материала в основном функционируют в деловой речи как термины-существительные (963 единицы, что составило 96,3 % от общего числа примеров): *hard-currency* — конвертируемая валюта; *artificial person* — юридическое лицо; *clearing house* — банковская расчетная плата; *profit statement* — балансовая ведомость и т. д. Сложные термины-прилагательные составили немногочисленную группу. В результате анализа экспериментального материала нами было зарегистрировано всего 36 сложных прилагательных (3,6 % от общего числа примеров): *duty-free* — беспошлинный; *brand-even* — безубыточный; *short-term* — краткосрочный; *long-term* — долгосрочный и т. д. Сложные глаголы были представлены всего одним примером (0,1 % от общего числа проанализированных сложных слов) «*to test market (a product)*» — апробировать товар на рынке, образованным по конверсии от существительного «*test market*» — пробный рынок.

Анализ сложных слов, функционирующих в языке делового общения, с точки зрения их морфологической структуры и компонентного состава показал, что интересующие нас английские слова довольно разнообразны по своей морфологической структуре. Наряду со сложными словами, образованными простым соположением основ (*trade mark*, *common stock*, *current account*, *hard currency*, *soft currency* и т. д.), нами были зарегистрированы также сложнопроизводные слова, например: *law-maker* — законодатель; *taxpayer* — налогоплательщик; *time-sharing* — собственность, принадлежащая нескольким лицам; *credit-rating* — оценка кредитоспособности; *field selling* — реализация товара и т. д.

Анализируя зарегистрированные нами сложные слова с точки зрения их компонентного состава, мы пришли к выводу о том, что большинство интересующих нас английских слов состоят из двух компонентов (всего 864 единицы, что составляет 86,4 % от общего числа примеров). Трехкомпонентные сложные слова образуют менее многочисленную группу — 136 единиц (13,6 % от общего числа примеров сложных слов).

Далее исследуемый материал был проанализирован с точки зрения принадлежности компонентов сложных слов к той или иной части речи. В связи с этим нам представляется целесообразным привести следующую классификацию словообразовательных моделей зарегистрированных нами английских сложных слов, функционирующих в языке делового общения.

I. Двухкомпонентные сложные слова (86,4 % от общего числа примеров):

1) N + N (41,8 % от общего числа примеров): *trade-mark* — торговая марка; *unit cost* — цена отдельного товара; *promotion man* — посредник, агент; *loan-bank* — ссудный банк; *loan-society* — касса взаимопомощи; *market rate* — биржевой курс и т. д.;

2) Adj. + N (20,2 % от общего числа примеров): *common stock* — обыкновенные акции; *legal tender* — законное платежное средство; *silent partner* — партнер, не имеющий права голоса; *general ledger* — главная бухгалтерская книга; *specific indent* — частный контракт и т. д.;

3) PI + N (10,6 % от общего числа примеров): *clearing house* — банковская расчетная плата; *borrowing costs* — проценты по займам, стоимость

кредита; *shipping terms* — условия поставки; *running costs* — эксплуатационные издержки и т. д.;

4) РII + N (7,6 % от общего числа примеров): *preferred debt* — долг, погашенный в первую очередь; *limited company* — компания с ограниченной ответственностью; *listed stock* — котирующаяся на бирже акция; *registered share* — именная акция; *sold note* — извещение о продаже и т. д.;

5) N + G (2,9 % от общего числа примеров): *stock taking* — инвентарная опись; *debt funding* — консолидирование долга; *field selling* — реализация товара; *credit rating* — оценка кредитоспособности и т. д.;

6) N + Adj. (1,6 % от общего числа примеров): *duty-free* — беспошлинный; *brand-even* — безубыточный; *brand-new* — новый; *note payable* — вексель к платежу; *account payable* — счет кредиторов и т. д.;

7) Adv. + N (1 % от общего числа примеров). В качестве первого компонента в данной группе сложных слов чаще выступает наречие «well»: *well-founded* — обоснованный; *well-assorted* — имеющий хороший ассортимент; *well-stocked* — имеющий большой запас товаров и т. д.;

8) Num. + N (0,4 % от общего числа примеров): *first/second/ class* — первоклассный; *first/second/ hand* — новый, свежий; *first/second/ grade* — первосортный и т. д.

Кроме перечисленных выше групп двухкомпонентных сложных слов, нами были зарегистрированы единичные примеры сложных слов, образованных по следующим моделям:

V + V: *go-go (stock)* — ходовой;

V + N: *follow interview* — вторичный опрос;

V + Adv.: *know-how* — секреты производства, технология.

II. Трехкомпонентные сложные слова (13,6 % от общего числа примеров):

1) N + Prep. + N: *back-to-back* — компенсационный; *door-to-door* — без посредников; *day-to-day* — повседневный; *loss-of-profits* — неприбыльный, убыточный;

2) Adv. + Particle «to» + V: *hard-to-sell* — неходовой, трудно продаваемый; *well-to-do* — состоятельный;

3) Num. + Prep. + N: *one-of-a kind* — единственный, уникальный в своем роде;

4) Prep. + Art. + N: *bellow-the-line* — запредельный, очень низкий (о стоимости);

5) P I + Prep. + N: *paying-in-slip* — чек, квитанция;

6) N + V + Prep.: *tax-write-off* — налоговая скидка.

К трехкомпонентным сложным словам мы также отнесли так называемые «структурно осложненные композиты» [1], под которыми обычно понимаются сочетания из трех (четырех) основ, одним из компонентов которых является собственно сложное слово, например: *registered trademark* — фабричная марка, клеймо; *joint-stock company* — акционерное общество; *petty cash book* — кассовая книга для записи мелких товаров; *demand-push inflation* — инфляция, вызванная увеличением спроса и т. д.

Таким образом, проанализировав широкий корпус исследовательского материала, мы пришли к выводу о том, что сложные слова представлены в языке делового общения довольно широко, они разнообразны по семантике и

структуре. Большинство сложных слов интересующей нас группы функционируют в деловой речи в качестве двухкомпонентных терминов-существительных, образованных по модели N + N (41,8 % от общего числа примеров).

Библиографический список

1. *Винокуров А. М.* Новые сложные слова в английском языке // Подвижность языковых подсистем. Тверь, 1994.
2. *Подгайская И. М.* Функционально-прагматический аспект построения речи на английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
3. *Яковлева Е. Б., Волошин П.* Язык делового общения как лингвистическое и культурное явление // Вестн. МГУ. Сер.19. 1988. № 1.
4. *Matoulevitch T.* What is Business?: (Starting a Business English Course with EFL Majors) // ESP BESIG Russia. 1999. № 11.

ХРОНИКА

ХРОНИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

(январь - февраль 2004 г.)

- ◆ Европейская Академия информатизации (АЕИ), учрежденная королевским указом в Бельгии, в соответствии с ее уставом, подписанным Министерством юстиции Бельгии, присудила научную степень **Гранд доктора философии ректору ИвГУ В. Н. Егорову**. Данная степень является высшей международной научной степенью, присуждаемой за личный вклад в развитие науки.
- ◆ **20 января** прошло торжественное открытие XXX тура Всероссийской математической олимпиады, что положило начало проведению областных олимпиад по общеобразовательным дисциплинам. В соответствии с решением ректората все задания впервые будут выставлены на сайте ИвГУ. Адрес сайта: <http://www.ivanovo.ac.ru/>
- ◆ **23 января 2004 года в ИвГУ** были подведены итоги конкурса грантов на выполнение научно-исследовательских работ студентами и аспирантами университета. Решением конкурсной комиссии гранты ИвГУ на 2004 год присуждены студенческим и аспирантским научным работам юридического, филологического, экономического, социолого-психологического, физического, биолого-химического факультетов.
- ◆ **30 января** впервые в ИвГУ состоялся прием участников областного семинара для глав муниципальных образований по социальным вопросам. Семинар проходил по инициативе администрации области. Делегацию возглавляла заместитель губернатора по социальным вопросам О. А. Хасбулатова. Перед участниками семинара с приветственным словом выступил ректор ИвГУ В. Н. Егоров, а также проректор по научной работе В. И. Назаров с докладом о внедрении новых информационных технологий в образовательный процесс. Участники семинара познакомились с информационными ресурсами библиотеки и вычислительного центра ИвГУ.
- ◆ **В январе — феврале в профориентационном центре ИвГУ** продолжились встречи в рамках «Ярмарки образовательных услуг», в которых принимали участие представители филологического и юридического факультетов, а также работники ЦПО. Данная акция позволила учащимся школ г. Иванова, а также г. Кинешмы, Фурманова и Пучежа узнать о правилах приема и вступительных испытаниях в ИвГУ, о сроках проведения Централизованного компьютерного тестирования. В результате в ЦПО заметно увеличилось количество абитуриентов, пришедших за консультациями.
- ◆ **10 февраля в ИвГУ** прошла ежегодная творческая встреча коллектива «Радио-Иваново» с преподавателями и студентами, приуроченная к юбилею руководителя объединения **Н. Б. Егошиной**. Встречу открыли ректор ИвГУ В. Н. Егоров и директор компании ИГТРК В. Е. Кашаев. С приветственным словом также обратились заместитель губернатора по социальным вопросам О. А. Хасбулатова, начальник управления образования Ивановской области В. М. Лапшин, ректоры других вузов г. Иванова, руководители предприятий.

- ◆ На «Радио-Иваново» начался новый цикл информационных передач, посвященный девяти факультетам ИвГУ. Данные программы пройдут при участии деканов факультетов и ведущих ученых вуза.
- ◆ **Продолжается сотрудничество ИвГУ с представителями СМИ.** Заключено соглашение о сотрудничестве Отдела по связям с общественностью с Радио 104.2. В соответствии с договоренностью Отдел будет ежедневно освещать новости ИвГУ на Радио 104.2.
- ◆ **Возобновил свою работу** студенческий Пресс-клуб под руководством доц. Е. Ю. Беловой, которая вернулась из г. Белграда (Сербия), где читала лекции сербским студентам о синтаксисе и культуре речи русского языка. Е. Ю. Беловой готовятся статьи о ее пребывании в Белграде, которые будут выставлены в Internet-газете на сайте ИвГУ.
- ◆ **17 февраля** отец Иоанн освятил новый учебный корпус № 8. После освящения корпуса представители Епархии обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества с ИвГУ, в частности по поддержке православной гимназии, расположенной в Николо-Шартомском монастыре.
- ◆ **20—21 февраля 2004 года в спортивном зале ИвГУ** состоялось открытие первенства Ивановской области и отбор на 3-й Международный юношеский турнир городов-героев по самбо «Победа» и 3-й городской фестиваль спортивных единоборств, посвященный Дню защитника Отечества и Дню вывода войск из Афганистана. В соревнованиях принимали участие спортсмены из городов Ивановской области (Иваново, Тейково, Шуя, Фурманов, Приволжск, Вичуга, Наволоки).
- ◆ **24 февраля 2004 года** в ИвГУ проходил День губернатора. В. И. Тихонов встретился с ректоратом и деканами факультетов университета, посетил библиографический отдел, читальный зал, литературный музей, информационно-вычислительный центр, спортивную базу, ознакомился со стендами музея истории ИвГУ. День губернатора завершился беседой со студентами и аспирантами, в ходе которой были поставлены важные вопросы о сотрудничестве вузов г. Иванова, в частности ИвГУ, с администрацией области. Встреча оставила благоприятное впечатление, так как многие сумели напрямую поговорить с губернатором и получить долгожданные ответы.
- ◆ Завершена работа по созданию **фильма об Ивановском государственном университете**, в котором получает подробное освещение научная, общественная, международная, культурная и спортивная жизнь ИвГУ. Премьерный показ фильма состоится 3 апреля в День абитуриента ИвГУ в актовом зале ЦКиО «Ивтекс». Демонстрационные версии фильма будут сделаны для всех факультетов ИвГУ.
- ◆ Ивановский государственный университет стал участником партнерской программы «Обучение для будущего» Министерства образования РФ, корпорации «Intel» и Московского представительства «Microsoft». С 1 марта в Ивановском государственном университете начнется обучение преподавателей по программе «Intel» («Обучение для будущего»). Учебный план программы основан на изучении слушателями курсов новых информационных и педагогических технологий, программных продуктов «Microsoft Office XP» и «Microsoft Publisher». Обучение предусматривает работу с мультимедиа- и Интернет-ресурсами, освоение офисных приложений,

проектирование веб-страниц. Преподаватели, прошедшие обучение, получают сертификаты тьюторов программы и в дальнейшем обучают студентов — будущих учителей — использованию базовых информационных технологий для организации самостоятельной творческой и исследовательской деятельности школьников в учебном процессе. В течение года пройдут обучение и получат сертификаты компании «Intel» 500 студентов, осваивающих дополнительную профессионально-образовательную программу «Преподаватель».

- ◆ **Сотрудники ПЛЖК профессор Н. В. Усольцева и ведущий научный сотрудник В. В. Быкова** совместно с коллегами из ИГХТУ **получили патент на изобретение**, связанное с жидкокристаллическими свойствами и практическим использованием нового производного фталоцианина.
 - ◆ **В феврале в ИвГУ** вышел 2-й номер межвузовского сборника научных трудов «Физика, химия и механика трибосистем» под редакцией доктора технических наук В. Н. Латышева. В сборнике помещены статьи, посвященные процессам, протекающим в трибосистемах при различных условиях. Приведены оригинальные данные авторов, отражающие новые подходы к изучению физико-химических процессов и моделированию трибосистем, к модификации и созданию новых антифрикционных и износостойких материалов, а также смазок и смазочно-охлаждающих сред.
 - ◆ **В феврале в ИвГУ** началась подготовка к проведению Всероссийской научной конференции «Молодые женщины в науке», открытие которой состоится 1—2 апреля 2004 года в актовом зале ИвГУ. Цель конференции — стимулирование творческого мастерства женской научной молодежи, развитие и расширение профессиональных контактов молодых женщин-ученых, поддержка женщин, успешно сочетающих научную и преподавательскую работу с участием в общественной жизни, решением социальных проблем, повышение престижа научной, исследовательской и преподавательской работы, привлечение внимания общественности, органов государственной власти, средств массовой информации к перспективным, талантливым молодым ученым — женщинам.
 - ◆ **В феврале ректором ИвГУ** и руководителем **Ивановского областного художественного музея** был подписан договор, в рамках которого предусматривается проведение Дня музея в ИвГУ, информационные встречи, практика студентов исторического, социолого-психологического факультетов и факультета РГФ, конкурсы студенческих работ.
 - ◆ **Продолжается сотрудничество ИвГУ с Ивановским областным государственным учреждением «Филармония» по проекту «Студенческая филармония».** Концерты проходят в актовом зале ИвГУ, где уже состоялся концерт камерного оркестра под руководством С. Добролюбова, а в марте перед преподавателями и студентами университета выступит трио «Меридиан».
 - ◆ **В ИвГУ** объявлен конкурс на лучшую студенческую комнату в общежитии № 4. По решению ректора за первое место будет вручен телевизор, а также предусмотрено много поощрительных призов. Конкурс будет проводиться отдельно для русских и иностранных студентов.
-
-

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ (январь — март 2004 г.)

- ◆ Аспирантка ПЛЖК Н. В. Жарникова получила приглашение на краткосрочную стажировку в Университет г. Байройта, в Институт высокомолекулярной химии (Германия) в группу д-ра Телакката. Командировка поддержана финансированием Немецкого исследовательского общества (DFG). Научная работа Н. В. Жарниковой в Германии связана с темой ее диссертационного исследования (научный руководитель — проф. Н. В. Усольцева).
- ◆ Подписаны Договор о сотрудничестве и Рабочая программа на 2004/05 г. между Ивановским государственным университетом и Университетом г. Белграда (Сербия). Документы предусматривают обмен студентами для изучения русского и сербского языков, обмен преподавателями-специалистами по русскому языку и литературе наших стран для проведения семинаров и чтения лекций, участие в конференциях, совместное издание учебных и учебно-методических материалов. Координаторами программ определены декан филологического факультета ИвГУ доц. И. А. Хромова и заведующий кафедрой славистики Белградского университета проф. Предраг Пипер.
- ◆ Достигнуто соглашение о разработке Рабочей программы на 2004/05 г. с Университетом г. Клуж (Румыния). Ректор Университета, проф. А. Марга в своем письме выразил пожелание, чтобы делегация Клужского университета побывала в ИвГУ для согласования конкретных планов дальнейшего сотрудничества. Делегации Университета г. Клуж направлено официальное приглашение на визит в г. Иваново.
- ◆ Международными службами Ивановского университета совместно с представителями факультетов подготовлен очередной выпуск «Университетского обозрения», в котором представлен табличный материал по итогам международной деятельности университета за 2003 г., а также статьи, комментирующие некоторые из перечисленных мероприятий.
- ◆ Вышел в свет очередной выпуск международного научного журнала «Жидкие кристаллы», издаваемого в издательстве «Ивановский университет». В нем опубликованы материалы V Международной конференции по лиотропным жидким кристаллам (часть 1). Статьи представлены учеными МГУ, Челябинского государственного университета, Института органической и физической химии им. А. Е. Арбузова КНЦ РАН (Казань), Таджикского аграрного университета (Душанбе), Московской академии тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова, Самарского государственного университета, ИвГУ и других крупных научных центров.
- ◆ Ивановский государственный университет выиграл грант корпораций Intel и Microsoft «Информатика для будущего» (руководитель — проректор по учебной работе проф. В. И. Назаров). В рамках этого гранта будет проведено переобучение специалистов ИвГУ, а затем студентов с использованием новых программных продуктов. Всего ИвГУ будет передано безвозмездно 40 лицензированных пакетов на общую сумму 26,5 тыс. долларов.

-
-
- ◆ Европейская Академия информатизации (АЕИ), учрежденная королевским указом в Бельгии, в соответствии с ее уставом, подписанным Министерством юстиции Бельгии, присудила научную степень Гранд доктор философии (Grand Ph. D), являющуюся высшей международной научной степенью, ректору Ивановского государственного университета, доктору экономических наук, профессору В. Н. Егорову. Информация об этом важном решении Европейской Академии информатизации, играющей роль интеллектуального моста между Восточной и Западной Европой, находится на сайте: <http://www.bridgeworld.org>.
 - ◆ 5—8 января был проведен обучающий семинар «Интернет на занятиях по немецкому языку» для учителей школ города и области на базе факультета романо-германской филологии университета. Организаторы — Немецкий культурный центр им. Гете (г. Москва), ИвГУ и Институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров. Учителя познакомились с возможностями использования новых информационных технологий в учебном процессе. В ходе семинара им были даны теоретические и практические рекомендации по подготовке проектов занятий с использованием материалов из Интернета.
 - ◆ 13 января состоялось очередное совместное заседание Комиссии по международным связям Совета ректоров вузов Ивановской области (председатель — проф. Н. В. Усольцева) и Межвузовского центра международного сотрудничества и академической мобильности (директор — доц. Р. И. Бабаева). Повестка дня включала следующие вопросы: обсуждение итогов приема иностранных учащихся в вузы города на 2003/04 учебный год, проведение межвузовской школы-семинара «Технологии повышения академической мобильности», которая состоится на базе ИвГУ в рамках недели «Молодая наука в вузе» в апреле 2004 г.
 - ◆ 16 января в Посольстве США в Москве состоялась первая встреча вновь избранного исполнительного комитета Российской ассоциации выпускников Программы Фулбрайт. Кроме директора Программы Фулбрайт в России Эдварда Рослофф и зам. атташе по культуре Деборы Сисбарро в ней приняли участие 12 членов исполкома, представлявшие крупнейшие университетские центры России — от Владивостока до Санкт-Петербурга. Среди участников встречи была и зав. кафедрой зарубежной литературы университета, проф. О. Ю. Анцыферова. В ходе дискуссий в конференц-зале им. Джона Слая обсуждался план деятельности исполкома, тематика будущих конференций Ассоциации, подводились итоги конкурса малых грантов, обсуждалась новая концепция «Российского вестника Программы Фулбрайт».
 - ◆ 23 января на базе университета организовано и проведено собрание «Ивановского регионального немецкого общества» (ИРНО), целью которого является установление отношений дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Германией. Лучшим преподавателям школ области вручены дипломы за пропаганду немецкого языка и культуры Германии, рассмотрен план работы общества на 2004 год в рамках Года Германии в России. Студенты 5-го курса немецкого отделения факультета РГФ подготовили концерт на немецком языке, посвященный

католическому Рождеству, который был очень тепло встречен участниками собрания.

- ◆ 24—31 января восемь студентов ИвГУ и шесть школьников под руководством зав. кафедрой английского языка доц. Е. А. Вансяцкой приняли участие в XXXVI сессии Международной Гаагской Модели ООН (Нидерланды).
- ◆ 26 января зав. кафедрой теории и истории государства и права Е. Е. Амплеева получила сообщение о том, что по результатам работы отборочной комиссии в Бонне по программе ознакомительных поездок студенческих групп в Германию заявка студентов юридического факультета получила поддержку DAAD. Поездка состоится с 30 апреля по 9 мая. Конкурс заявок был очень большой. Цель поездки — знакомство с системой судов разной юрисдикции, со спецификой судебного устройства в Германии, участие в семинарах по защите прав человека, а также знакомство с культурой страны. Планируется посетить следующие города: Берлин, Лейпциг, Дрезден, Нюрнберг, Пассау, Мюнхен. Заявка на стипендию была подготовлена студентами совместно с отделом международных связей университета.
- ◆ С 28 января в течение пяти месяцев в университете будет находиться студент 2-го курса экономического факультета специальности «Финансы и кредит» Тимо Матиас Кяхкениен (Финляндия). Он учится в Оулуском университете. Наряду с освоением основной программы Тимо еще интересуется русским языком. В языковом центре Оулуского университета он прошел начальный курс русского языка. А сейчас через Центр международного сотрудничества в Финляндии «СИМО» он оформил стажировку (включенное обучение) на один семестр по линии Министерства образования РФ в наш университет (так называемая Президентская стипендия). В течение семестра Тимо будет изучать русский язык на кафедре практического русского языка. В программу его обучения войдут такие курсы, как язык специальности, язык деловой сферы, русский язык (общее владение) в рамках первого сертификационного уровня.
- ◆ 29 января состоялась успешная защита кандидатской диссертации «Литературная критика Ю. И. Айхенвальда периода эмиграции» на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при Ивановском государственном университете гражданкой Германии Михаэлой Риппинг (научный руководитель — проф. В. С. Раков). Члены совета отметили обширный материал (библиография включает в себя перечень научной литературы на пяти иностранных языках), отличное владение русским языком, на котором проходила защита. Было сказано, что творческое содружество аспирантки из Германии с российским научным руководителем принесло замечательные плоды, что сегодня очень актуально, это своеобразная полоса в нашем литературоведении. Замечательно то, что Михаэла привнесла в текст диссертации аромат западноевропейской культуры.
- ◆ 31 января — 7 февраля состоялась поездка во Флоренцию группы студентов трех факультетов (исторического, социолого-психологического, РГФ) под руководством проф. Д. И. Польшанного на основе договора с Фондом Ромуальдо дель Бьянко. В соответствии с этим договором по инициативе ИвГУ в рамках недели культурной интеграции была подготовлена темати-

ка конференции, в которой приняли участие также студенты МГУ и Софийского университета. Была особо отмечена работа студентки 2-го курса исторического факультета Е. Дубовой, которая в качестве поощрения получила приглашение Фонда на недельное посещение Флоренции. Эксперты Фонда — ректор университета, проф. В. Н. Егоров и проф. Н. В. Ревякина — приглашены принять участие в заседаниях «VI Международного круглого стола экспертов Фонда Ромуальдо дель Бьянко» 25—29 февраля 2004 г. Следует особо отметить, что это была первая конференция в области гуманитарных наук, проводимая Фондом.

- ◆ В феврале закончилась научная стажировка помощника проректора по связям с общественностью Е. А. Шапошниковой. В течение пяти месяцев Е. А. Шапошникова находилась в Дании, в Высшей школе бизнеса г. Копенгагена (Copenhagen Business School — CBS). Целью научной стажировки являлась разработка теоретического курса по общей терминологии, чтение которого планируется начать на факультете РГФ со следующего учебного года. Свободный доступ к самой современной литературе и новым информационным технологиям в библиотеках, Лингвистическом и Терминологическом центрах CBS позволил собрать интересный и богатый материал, изучить и обобщить зарубежный опыт по разрабатываемой тематике и подготовить к публикации методическое пособие. Во время стажировки молодой кандидат наук встретила с коллегами из Университета Южной Дании (Suddansk Universitat), установив новые профессиональные контакты. Екатерина Анатольевна получила самые высокие отзывы о своей работе со стороны администрации факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации CBS и от своего научного руководителя — проф. Г. Пихта, одного из ведущих терминологов-теоретиков, ученого с мировым именем.
- ◆ 18 февраля состоялось очередное совместное заседание комиссии по международным связям Совета ректоров вузов Ивановской области и Межвузовского центра международного сотрудничества и академической мобильности. Сотрудники международных служб вузов города обсудили следующие вопросы: о подготовке к проведению межвузовской школы-семинара «Технологии повышения качества академической мобильности», которая будет проводиться в ИвГУ в апреле 2004 года; о разработке региональной программы по поддержке и работе с соотечественниками, проживающими за рубежом; об участии иностранных студентов в телефонной «горячей линии» «Обеспечение прав иностранных студентов и аспирантов, обучающихся в Российской Федерации», проводимой Аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.
- ◆ 26—28 февраля во Флоренции состоялось совещание экспертов Фонда Ромуальдо дель Бьянко, в работе которого приняла участие проф. Н. В. Ревякина. В числе немногих она была также приглашена на заседание Международного комитета председателей Фонда, где обсуждалась программа мероприятий на 2004—2005 гг. Данный визит является развитием тесных контактов ИвГУ с Фондом. Планируется проведение очередной молодежной международной конференции по тематике, предложенной учеными нашего университета.

- ◆ 1—31 марта в рамках Рабочей программы на 2004 год, договора о сотрудничестве с Университетом г. Пассау приступила к занятиям на лингвострановедческих курсах группа студентов (5 человек) из Германии. Кроме учебных занятий в университете студенты смогут совершить ознакомительные экскурсии во Владимир, Ярославль, Кострому, Плес, Суздаль, принять участие во встрече со студентами ИвГУ, членами IRAM при международном отделе, и в КВНе на немецком отделении факультета РГФ.
- ◆ 7—12 марта университет посетил г-н Дитер Штайнлихт, представитель Дияконической службы г. Ганновера (Германия) для обсуждения вопросов по организации социально-педагогической практики студентов социолого-психологического факультета. По итогам собеседования девять студентов социолого-психологического факультета примут участие в конкурсном отборе для прохождения практики в социальных учреждениях Германии.
- ◆ 9—11 марта кафедрой английской филологии (зав. кафедрой проф. О. М. Карпова) организован и проведен пятый научно-методический семинар для учителей города и области «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (руководитель — старший координатор региональных программ Посольства США Эдэр Матерс-Гаспарян). В рамках работы семинара учителя получили возможность познакомиться с новыми методиками работы с текстом, ресурсами интернета, доступными для них и содержащими полезную информацию и языковой материал, методиками работы в Сети. Второй день работы был посвящен литературе для младших школьников.
- ◆ 10 марта в университете состоялось очередное заседание комиссии по международным связям Совета ректоров вузов Ивановской области и Межвузовского центра международного сотрудничества и академической мобильности. На заседании обсуждались организация и проведение межвузовской школы-семинара студентов и молодых ученых «Технологии повышения качества академической мобильности», которая будет проходить 23 апреля на базе ИвГУ, был создан оргкомитет конференции, определены руководители секций.
- ◆ 10—13 марта согласно договору о сотрудничестве юридический факультет (декан — проф. О. В. Кузьмина) посетила научный сотрудник Университета г. Пассау (Германия) Изабель Вайдеманн. Руководству университета передана Рабочая программа на 2004 год, подписанная ректором проф. Швайтцером. Г-жа Вайдеманн познакомилась с работой арбитражного суда, провела семинар со студентами по судопроизводству в Германии, передала литературу для экономического и юридического факультетов и приглашение на визит в Пассау проф. О. В. Кузьминой от проф. Финке в мае 2004 г.
- ◆ 16—22 марта доцент кафедры русской словесности и культурологии Н. В. Капустин принял участие с докладом на конференции «А. П. Чехов сегодня» в Университете г. Варшавы (Польша).



КАФЕДРА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

На кафедре работают два доктора и семь кандидатов филологических наук и один кандидат педагогических наук. Обучается десять аспирантов, в том числе один аспирант из Китайской Народной Республики, один аспирант из Ирака и два аспиранта из Монголии. На кафедре проходят стажировку преподаватели вузов г. Иванова и Ивановской области, а также других стран — Германии, Китая, Монголии. Аспирантка Ц. Цэцэгмаа принимала участие в конкурсе грантов Фонда Сороса для аспирантов и получила грант на 2002/03 учебный год (код гранта В 9064). Аспирантка Л. Г. Юдина является стипендиатом Правительства Российской Федерации. Аспирант Р. Н. Канафиев рекомендован кафедрой для участия в конкурсе на получение стипендии Президента Российской Федерации.

За последние три года членами кафедры опубликовано более 90 научных работ и издано более 30 учебно-методических пособий. Преподавателями кафедры подготовлены и защищены одна докторская и две кандидатские диссертации: Ф. Ф. Фархутдиновой «Лингвокультурологическая диалогия В. И. Даля в парадигме идей и направлений современной русистики» (защита 1 ноября 2001 года в диссертационном совете Д 212.166.02 при Нижегородском государственном университете), А. В. Костиным «Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В. И. Даля (на материале концепта «Вода»)» (защита 27 ноября 2002 года в диссертационном совете К 212.062.01 при Ивановском государственном университете) и Н. В. Курниковой «Интонационно маркированные фразеологические единицы в современном русском литературном языке» (защита 26 июня 2003 года в диссертационном совете К 212.062.01 при Ивановском государственном университете). Готовятся к защите еще две кандидатские диссертации: Р. И. Веселовой «Лингвокультурологический анализ концепта свобода — воля (на материале трудов В. И. Даля)» и Л. Г. Юдиной «Функционирование фразеологических единиц в произведениях русской литературы второй половины XVII века».

На кафедре разработаны новые учебно-методические комплексы к курсу «Русский язык и культура речи» для студентов факультета романо-германской филологии, исторического, физического и биолого-химического факультетов.

Кафедрой ежегодно проводятся научно-методические конференции для преподавателей вузов и средних учебных заведений «Ушаковские чтения», посвященные памяти видного методиста Н. Н. Ушакова. Особенностью Ушаковских чтений является, во-первых, то, что их тематика и проблематика целиком определяются самими преподавателями вузов и школ области, во-вторых, то, что в них не только ставятся и обсуждаются насущные проблемы преподавания русского языка в современных условиях, но и предлагаются пути и способы их решения. В конференциях принимают участие преподава-

тели вузов, средних специальных учебных заведений, учителя школ, лицеев, гимназий города и области. Материалы конференций опубликованы в сборниках: «Новое в преподавании русского языка в школе и вузе» (Иваново, 1998), «Проблемы изучения русского языка на современном этапе» (Иваново, 2000), «Школьный учебник русского языка: проблемы и решения» (Иваново, 2001), «Проблемы преподавания русского языка и культуры речи в школе и вузе» (Иваново, 2003). В ноябре 2003 года состоялась VI научно-методическая конференция «Преподавание русского языка в условиях вариативного обучения». Материалы конференции готовятся к публикации. В 2004 году планируется проведение VII конференции, посвященной проблемам воспитания в обучении русскому языку в школе и вузе.

3—5 апреля 2003 года на филологическом факультете Ивановского государственного университета состоялась II Всероссийская научная конференция «В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык — словесность — культура — словари». Цель конференции — определить место и значение творческого наследия В. И. Даля в истории отечественной науки и культуры, а также выявить круг его идей, разработка которых будет способствовать дальнейшему развитию науки в области изучения русского языка и литературы, диалектологии, этнографии и фольклора, истории, культурологии, методики преподавания и культуры речи, теоретической и практической лексикографии. В конференции приняли участие доктор и кандидаты наук, докторанты и аспиранты из различных вузов и научных учреждений России (Белгорода, Ельца, Иванова, Костромы, Курска, Новокузнецка, Пскова, Санкт-Петербурга, Старого Оскола, Сыктывкара, Тулы, Шуи, Ярославля), а также других стран (Германии, Китая, Монголии). Материалы конференции готовятся к изданию. III Всероссийскую научную конференцию «В. И. Даль в парадигме идей современной науки» планируется провести в апреле 2005 года.

Кафедра много внимания уделяет вопросам методики преподавания русского языка в школе. Для учителей школ города и области ежегодно организуются научно-методические семинары и читаются лекции по актуальным проблемам преподавания русского языка в школе. Ведется активная работа по внедрению новых учебных комплексов в практику преподавания русского языка в школе. Преподаватели кафедры знакомят учителей школ города и области с лингвистическими особенностями современных учебников и методикой работы с ними.

Преподавателями кафедры ведется большая работа по пропаганде общей и языковой культуры, популяризации русского языка. Члены кафедры выступают с лекциями в школах города и области, в средствах массовой информации. Два члена кафедры работают в областном совете по русскому языку при губернаторе Ивановской области. На кафедре накоплен огромный опыт организации и проведения городских и областных олимпиад по русскому языку для школьников. С 2003 года проводятся олимпиады для абитуриентов.

*Заведующий кафедрой современного русского языка
и методики преподавания
доктор филологических наук А. А. Хуснутдинов*

Отчет о проведении областной олимпиады для абитуриентов по русскому языку и литературе

Первая областная олимпиада для абитуриентов по русскому языку и литературе была проведена на базе филологического факультета ИвГУ 19 апреля 2003 года. К выполнению конкурсных заданий были допущены 89 учащихся 11 классов средних школ. Среди них 54 выпускника школ города Иванова (№ 1, 4, 5, 6, 8, 9, 14, 18, 21, 22, 23, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 40, 43, 44, 48, 50, 53, 55, 62, 63, 65, 67, 68, лицей ИГХТУ). Ивановская область была представлена школами городов Пучеж, Фурманов, Гаврилов Посад, Заволжск, Тейково, Шуя, Кохма, Кинешма, Юрьеvec, а также выпускниками школ поселков Ильинское, Новое Леушино, Михалево, населенных пунктов Ильинского, Савинского, Шуйского районов.

На выполнение олимпиадных заданий было отведено 3 астрономических часа. При составлении заданий учитывались базовые компоненты филологического образования и основные виды деятельности учащихся при освоении знаний по русскому языку и литературе. Вместе с тем данные задания были рассчитаны на наиболее эрудированных школьников, чье филологическое образование не ограничивается школьной программой.

Конкурсные вопросы и задания структурно были объединены в три раздела.

В первый раздел входили вопросы, ориентированные на знание художественных текстов, теоретико-литературных понятий, значимых фактов из истории литературы и биографий русских писателей. Вопросы этого раздела требовали конкретных, однозначно оцениваемых ответов. Максимальное количество баллов за выполнение заданий, входящих в этот раздел, получила М. Щукина (ср. шк. № 63 г. Иванова — 32 балла). Е. Сиднева (ср. шк. № 1 г. Иванова), Т. Чадкова (гимназия № 1 г. Шуи), Т. Гаврикова (ср. шк. № 32) набрали соответственно 30, 29 и 28,5 баллов. Работы этих и других участников олимпиады отличали хорошее знание историко-литературного материала, владение литературоведческой терминологией, внимание к деталям текстов художественных произведений. Вместе с тем можно выделить и общие недочеты и типичные ошибки, встречавшиеся в работах конкурсантов: слабое представление о литературных направлениях (их хронологии, объеме понятий), неумение соотнести произведение с эпохой, временем написания, слабое знание критических работ, неверное написание терминов.

Во второй раздел олимпиады было включено задание, связанное с восприятием, истолкованием и оценкой предложенного поэтического текста. Это задание было рассчитано на проявление творческих способностей учащихся, навыков идейно-художественного анализа текста и предполагало его читательскую интерпретацию. Данное задание позволяло определить, как выпускники владеют понятийным и терминологическим аппаратом современного литературоведения. При этом учитывался прикладной характер теории литературы в школьном курсе. Наиболее интересными были работы Т. Касаткиной (ср. шк. № 55 г. Иванова — 18 баллов из 19 возможных), Я. Ильиной (ср. шк. № 6 г. Иванова — 17 баллов), А. Скурихиной (ср. шк. № 1, Гаврилов Посад) и учащихся ивановских школ: М. Лякишева (ср. шк. 30), Е. Ломыги и Л. Асамбадзе (ср. шк. № 33), Т. Гавриковой (ср. шк. № 32), набравших по 16 баллов.

Выпускники продемонстрировали широкий диапазон литературоведческих умений и навыков, прежде всего в осмыслении художественных особенностей произведения. В процессе анализа художественное произведение осмыслялось ими в единстве содержания и формы. Однако обращало на себя внимание то, что в ряде случаев участники олимпиады стремились подменить анализ произведения его пересказом, не чувствовали условности, метафоричности образов, излишне социологизировали авторскую позицию.

Задания третьего раздела олимпиады были посвящены русскому языку и включали в себя творческие вопросы по русской фонетике, словообразованию и морфемике, лексике, синтаксису и пунктуации, морфологии. Самыми простыми оказались задания, связанные с морфемным анализом слов и с определением их частеречной отнесенности. Наибольшие сложности вызвало выполнение заданий, учитывающих два раздела языкознания: синтаксис и пунктуацию.

При подведении итогов олимпиады выявилась следующая особенность: наибольшее количество баллов по русскому языку набрали участники, не вошедшие в число победителей. Так, максимальное количество баллов — 47 — набрала А. Скурихина, выпускница средней школы № 1 г. Гаврилова Посада (общее количество баллов — 70), на втором месте оказалась И. Калугина из гимназии № 3 г. Кинешмы (44,5 баллов; общее количество набранных ею баллов — 69,5).

Решением методической комиссии победителями олимпиады названы первые 9 участников, набравших максимальное число баллов:

1. Т. Гаврилова, гимназия № 32 г. Иванова, — 88 баллов.
2. М. Щукина, школа № 63 г. Иванова, — 88 баллов.
3. Е. Ломыга, лицей № 33 г. Иванова, — 87 баллов.
4. Л. Асамбадзе, лицей № 33 г. Иванова, — 83 балла.
5. Я. Ильина, лицей № 6 г. Иванова, — 77,5 баллов.
6. Е. Сиднева, школа № 1 г. Юрьевца, — 76 баллов.
7. Н. Плешанова, школа № 9 г. Иванова, — 74,5 баллов.
8. Н. Сазонова, лицей № 21 г. Иванова, — 74 баллов.
9. Т. Касаткина, школа № 55 г. Иванова, — 73 балла.

Итоги олимпиады обсуждались на заседании методической комиссии филологического факультета (протокол № 9 от 22 апреля 2003 года) и будут объявлены участникам.

Председатель жюри олимпиады
доктор филологических наук, доцент Ф. В. Фархутдинова
Председатель методической комиссии филологического факультета
старший преподаватель М. А. Дмитриева

42-я олимпиада школьников по русскому языку

42-я областная олимпиада по русскому языку проводилась филологическим факультетом ИвГУ и областным управлением образования 7 февраля 2003 года.

В олимпиаде приняли участие 72 человека:

9-е классы — 22 человека,
10-е классы — 23 человека,
11-е классы — 27 человек.

Жюри олимпиады признало победителями следующих участников.

Среди учеников 9-х классов:

I место — Борис Калибин (48 б.), лицей «Гармония»;

II место — Татьяна Колотилова (23,5 б.), школа-гимназия № 3, г. Кинешма;

III место — Елена Скобелева (42,5 б.), гимназия № 1, г. Шуя.

Среди учеников 10-х классов:

I место — Нона Вардазарян (48,5 б.), ср. школа № 7, г. Иваново;

II место — Алексей Рассадин (47,5 б.), ср. школа № 8, г. Фурманов;

III место — Дарья Веселова (47 б.), школа-гимназия № 32, г. Иваново.

Среди учеников 11-х классов:

I место — Юлия Кузнецова (61 б.), школа № 11, г. Вичуга;

II место — Сергей Машин (56 б.), школа-гимназия № 3, г. Кинешма,

III место — Анастасия Выдрёноква (55 б.), лицей «Гармония».

7.02.2003г.

Председатель жюри олимпиады

_____ доц. Е. А. Ларина

**Отчет о работе секции «Современный русский язык
и методика преподавания», прошедшей в рамках конференции
«Научно-исследовательская деятельность
в классическом университете: ИвГУ — 2004»
3 февраля 2004 г.**

В ходе работы секции (руководитель — д-р филол. наук, проф. Ф. В. Фархутдинова, секретарь — канд. пед. наук, доц. И. А. Сотова) было заслушано и обсуждено 9 докладов преподавателей кафедры современного русского языка и методики преподавания.

В докладе **Ф. В. Фархутдиновой** «*Человеческий фактор языке: шкала возраста в русской лексике*» на обширном языковом материале было показано, что системно-структурный подход к описанию языка в лексикологических и фразеологических изысканиях является недостаточным и ведет к однобокости и схематизму. Описание лексической системы, основанное на словарных материалах и выполненное с опорой на научную картину мира, искаженно представляет многие фрагменты русской языковой картины мира, в частности русское представление о возрасте. Опираясь на тексты разнообразных художественных произведений (Л. Толстого, М. Горького, И. Шмелева, А. Твардовского), докладчик доказал, что главными в лексико-фразеологических единицах, отражающих русское представление о возрасте, являются оппозиции «большой» — «маленький», «молодой» — «старый», «старый» — «нестарый», а заложенная в них возрастная оценка не совпадает с традиционной градацией *детство, отрочество, юность, зрелость, старость*.

В докладе канд. филол. наук, доц. **Е. А. Лариной** «*О статусе предложений со словами поэтому, потому*» были рассмотрены вопросы о классификации сложных предложений, о различных подходах к квалификации со словами *поэтому, потому* в роли связующих средств.

В докладе канд. филол. наук, доц. **Н. В. Мозгаловой** «*Связность текста и проблемы лингвистической экспертизы*» были поставлены и рассмотрены вопросы анализа текста газетных публикаций и проблемы, которые встают перед журналистами-ответчиками в связи с лингвистической экспертизой.

Канд. филол. наук, доц. **Н. Е. Бурова** в докладе «*Соотношение понятий фразеологическая единица и крылатое слово*» выделила два аспекта: во-первых, соотношение двух понятий *фразеологизм* и *крылатое слово* (*лицом к лицу, живой труп, алые паруса* и др.); во-вторых, причины перехода крылатых слов в состав идиоматики. Кроме того, докладчица показала, что *крылатость* как черта «крылатых слов» и идиоматичность как отличительный признак фразеологизма могут развиваться последовательно и параллельно.

В докладе д-ра филол. наук, проф. **А. А. Хуснутдинова** «*Эквивалентная и безэквивалентная фразеология: проблемы перевода*» рассматриваются проблема соотносительности идиом разных языков и способы ее решения во фразеологической науке, лексикографии и фразеографии, теории перевода. Докладчик сформулировал принципы, которые, с его точки зрения, позволяют обеспечить «переводимость» не только эквивалентной, но и безэквивалентной фразеологии.

В докладе канд. филол. наук, доц. **С. Н. Зайцевой** «*Как Вы себя чувствуете в этой жизни? (Размышления о некоторых особенностях современного словоупотребления)*» проанализированы изменения, происходящие в семантике и прагматике местоимения *этот* в последнее десятилетие. Так, докладчица показала, что это местоимение вступает в семантические связи со словами *тот* (неземной, потусторонний), *виртуальный, прошлый, настоящий* и, значит, теряет свою семантику указательности, приобретая значение прилагательного.

В докладе канд. пед. наук, доц. **И. А. Сотовой** «*Обучение студентов педагогического вуза проверке творческих работ учащихся*» были рассмотрены методические условия формирования у студентов умений контрольно-оценочной деятельности на материале творческих работ учащихся 5—9-х классов.

Ст. преподаватель **О. В. Сапожникова** в докладе «*Личностно-деятельностное обучение на уроках русского языка*» подняла вопрос о том, каковы цели и ценности современной общеобразовательной школы. С точки зрения докладчика, это создание наиболее благоприятных условий для развития личности ученика как *индивидуальности*. Цель такого обучения, основной ценностью которого является признание в каждом ученике неповторимой индивидуальности, состоит в создании системы психолого-педагогических условий, позволяющих в едином классном коллективе работать с ориентацией не на «усредненного» ученика, а с каждым в отдельности с учетом индивидуальных познавательных возможностей, потребностей и интересов.

В обсуждении докладов приняли участие канд. филол. наук А. В. Костин, канд. филол. наук Н. В. Курникова, проф. А. А. Хуснутдинов, отметившие актуальность и высокий научный уровень представленных докладов.

VI научно-методическая конференция «Ушаковские чтения»

VI научно-методическая конференция «Ушаковские чтения» прошла в стенах ИвГУ 20 ноября 2003 года. Она была организована кафедрой современного русского языка и методики преподавания при содействии Совета по русскому языку при губернаторе Ивановской области и Ивановского городского методического центра. Конференция была посвящена проблемам преподавания русского языка в условиях вариативного обучения.

С приветствием к участникам и гостям конференции обратились проректор ИвГУ по научной работе Д. И. Польшинский, декан филологического факультета ИвГУ И. А. Хромова. Член совета по русскому языку при главе администрации Ивановской области Н. Б. Семеновская ознакомила присутствующих с первым номером «Вестника совета по русскому языку при главе администрации Ивановской области». Фаина Ивановна Ушакова, супруга и единомышленник Н. Н. Ушакова, поблагодарила организаторов и участников конференции за внимание к творческой личности Николая Николаевича, за интерес к вопросам преподавания русского языка, которые долгие годы занимали ученого, и пожелала успехов в работе конференции.

В ходе пленарного заседания были заслушаны доклады преподавателей и учителей В. В. Авциной, Н. С. Шаповаловой, Э. В. Кромер о принципах преподавания русского языка на современном этапе, вызвавшие немалый интерес слушателей, и, как следствие, живую дискуссию.

Проблемы вариативного обучения обсуждались на заседаниях двух секций: «Теоретические и практические вопросы преподавания русского языка в школе в условиях вариативного обучения» и «Теоретические и практические вопросы преподавания русского языка в вузе в условиях вариативного обучения». Здесь прозвучали выступления ученых из Иванова, Шуи, учителей города и области, аспирантов. В обсуждении докладов приняли участие представители ИвГУ, ШГПУ, ИГЭУ, ИГТА, ТГПУ им. Л. Н. Толстого, школ № 19, 33, 30, 15, 17, 22, 24, 48, 53. Всего было заслушано 25 докладов и сообщений.

В ходе конференции обозначился круг проблем, который предстоит решать современному учителю, работающему в условиях разных программ по предмету с различными учебными комплексами. Как в пленарных, так и в секционных докладах была высказана идея приоритета принципов развивающего обучения.

Участниками конференции был отмечен высокий уровень организации мероприятия. Прозвучали призывы к интеграции усилий по достижению единой цели — развивающего обучения русскому языку школьников и студентов, а также повышению уровня грамотности и речевой культуры носителей языка. При всей разноплановости прозвучавших докладов их объединили новаторский характер, актуальность проблематики, а также, как было отмечено доцентом кафедры современного русского языка и методики преподавания Н. Е. Буровой, их научная и эвристическая ценность.

II Всероссийская научная конференция
«В. И. Даль в парадигме идей современной науки:
язык — словесность — культура — словари»

Вторая Всероссийская научная конференция «В. И. Даль в парадигме идей современной науки» (первая конференция проходила в ИвГУ в апреле 2001 года и была посвящена двухсотлетию юбилею Даля) избрала в качестве основного круга проблем определенный в подзаголовке: «*язык — словесность — культура — словари*». Цель конференции была сформулирована организаторами следующим образом: определить место и значение творческого наследия В. И. Даля в истории отечественной науки и культуры и выявить круг его идей, разработка которых может способствовать дальнейшему развитию науки в области изучения русского языка и литературы, диалектологии, этнографии и фольклора, истории, культурологии, методики преподавания и культуры речи, теоретической и практической лексикографии.

Заявки на участие в конференции поступили от докторов и кандидатов наук, докторантов и аспирантов из различных вузов и научных учреждений России (Белгорода, Ельца, Иванова, Костромы, Курска, Новокузнецка, Пскова, Санкт-Петербурга, Старого Оскола, Сыктывкара, Тулы, Шуи, Ярославля), а также других стран (Германии, Китая, Монголии). Всего было подано более 70 заявок, в ходе конференции было заслушано и обсуждено 55 докладов и сообщений.

Конференция открылась приветственным словом декана филологического факультета ИвГУ И. А. Хромовой.

На пленарном заседании конференции выступили ученые из Ельца, Иванова и Костромы. Доктор филологических наук, профессор В. И. Макаров из Елецкого государственного педагогического университета в докладе «*Достижения В. И. Даля в контексте принципов истории науки*» рассказал о деятельности славянских языковедов XIX века, сосредоточив особое внимание на уникальности «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля, являющегося удивительным для мировой и русской культуры подход к осмыслению национального языка.

В докладе кандидата филологических наук, доцента кафедры русской литературы Н. Л. Ермолаевой (ИвГУ) «*Проза В. И. Даля в литературном контексте*» была показана неправомерность включения В. И. Даля в круг писателей «натуральной школы». Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Т. Н. Головина (ИвГУ) в докладе «*На грамотность ударил Даль...*» рассказала о взглядах В. И. Даля, его единомышленников и оппонентов на проблему распространения грамотности в народе.

Доктор филологических наук, доцент Ф. В. Фархутдинова в докладе «*Деятельность В. И. Даля в оценке В. В. Виноградова*» остановилась на рассмотрении тех мифов, которые сложились в отечественном языкознании вокруг лексикографа, и показала, что по-настоящему объективной оценки сделанного этим ученым до сих пор нет, а по-прежнему из одного научного издания в другое кочуют суждения о дилетантизме В. И. Даля, основанные на мнениях академических ученых, неодобрительно отнесшихся к его словарю в годы его первой публикации.

Кандидат филологических наук, профессор Н. С. Ганцовская (Костромской государственной педагогической университет) в докладе *«В. Даль о костромских говорах, окающих и акающих»* подробно рассказала об особенностях фиксации диалектных данных Костромского края XIX века в словаре Даля и той роли, которую словарь сыграл для исследования современного состояния этих говоров.

Доктор филологических наук, профессор А. А. Хуснутдинов (ИвГУ) в докладе *«В. И. Даль и русская фразеология: аспекты изучения»* показал особенности описания фразеологического материала в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, которые могут быть применены при составлении современных фразеологических словарей.

Другие доклады и сообщения участников конференции были заслушаны на секционных заседаниях, чья работа проходила 3 и 4 апреля.

Секция **«Словесность, культура и межкультурная коммуникация»** включала доклады на стыке трех направлений: Даль и проблемы изучения русской диалектологии и языка фольклора, Даль и русская художественная школа, русская языковая личность и проблемы межкультурной коммуникации. В работе секции приняли участие ученые Шуйского государственного педагогического университета (отмечен доклад канд. филол. наук, доц. Л. П. Батыревой *«Чалдон — яман, а яман — чалдон, или Несколько замечаний по поводу русской ментальности»*), Ивановского госуниверситета (асп. Р. Н. Канафиев выступил с сообщением *«Логоэпистема дубина в разножанровых фольклорных текстах»*, канд. филол. наук, доц. Л. В. Кованцева сделала сообщение на тему *«К вопросу об аксиологическом анализе идеологизированного дискурса»*; отмечен коллективный доклад *«Особенности маскулинного и феминного невербального поведения: сопоставительный анализ»* (авторы — д-р филол. наук, Ф. И. Карташкова, В. В. Ганина, О. Н. Гудкова, О. В. Барина). Д-р филол. наук, доц. В. А. Смирнов выступил с докладом по литературному краеведению *«"Сабутки" и "кокуй": историко-типологический аспект»*, а канд. филол. наук, доц. П. М. Тамаев — с докладом *«Проблемы русской художественной школы: Н. В. Гоголь и В. И. Даль»* показал, что духовные искания этих писателей шли в одном русле. В докладах ученых Ивановского государственного химико-технологического университета на первый план были выдвинуты проблемы межкультурной коммуникации: *«Американская образовательная среда: проблема межкультурной коммуникации (По материалам «Руководства для иностранных студентов»)* (д-р филол. наук, проф. Н. К. Иванова), *«Английские формулы речевого этикета и межкультурная коммуникация»* (канд. филол. наук, доц. И. В. Куликова), ст. преп. Т. С. Рычагова *«Общество и язык: опыт языковой политики Франции»*, ст. преп. Г. Л. Мальцева *«О молодежном жаргоне в Германии (На материале молодежного журнала «Лита», «Художественный текст как модель межкультурной коммуникации»* (канд. филол. наук, доц. С. Г. Шишкина), *«Учет влияния родного языка в процессе профессионально-направленного обучения грамматики иностранного языка»* (канд. филол. наук, доц. Т. И. Баделина).

На заседаниях секции **«Лексикография и фразеология»** прозвучали доклады канд. филол. наук, ассист. А. В. Костина (ИвГУ) *«Вербальная концептуализация действительности в "Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля" ...»*, асп. Б. Бавалын (Дархан, Монголия) *«По-*

нятие **близко** в "Толковом словаре живого великорусского языка" В. И. Даля», канд. филол. наук, доц. Е. Б. Ершовой «*Бранные слова в словаре В. И. Даля*», канд. филол. наук, доц. Е. А. Лариной «*Служебные слова в Словаре В. И. Даля*», проф. ШГПУ В. Д. Пятницкого «*Об особенностях словарных статей с заглавным глаголом в Словаре В. И. Даля*»; асп. Ю. С. Чичкиной «*Отражение лексического варьирования пословично-поговорочных выражений в сборнике "Пословицы русского народа" В. И. Даля*» (Тульский государственный педуниверситет), канд. филол. наук, доц. И. В. Лобановой «*Опыт сопоставления основных принципов регистрации произношения в словаре В. Даля и в орфоэпическом словаре В. Фиетора*» (ИГХТУ), канд. филол. наук, доц. О. В. Филатова «*Слова с лексическим значением **национальность** в словаре Даля*» и др.

В работе секции «**Язык и культура речи**» приняли участие асп. Ю. Б. Ларионова «*Об идеографическом описании разнотипных языковых единиц*» (ИвГУ), канд. филол. наук, доц. М. А. Фокина «*Фразеологические единицы в сказочных формах повествования (По рассказам В. И. Даля, П. И. Мельникова-Печерского, В. Я. Шишкова)*» (Костромской гос. ун-т), канд. филол. наук, доц. Н. Е. Бурова (ИвГУ) и канд. филол. наук, доц. В. А. Фалина (ИГЭУ) «*Пословицы и поговорки в частной переписке XIX века и в словарях*», ассист. И. Ю. Малышева «*Произведения Н. А. Некрасова как источник изучения лексики народных говоров*» (Костромской гос. ун-т), канд. филол. наук, Е. В. Цветкова «*Активные процессы образования микропонимов Костромской области*» (Костромской гос. ун-т), асп. Ю. В. Бестугина (ИвГУ) «*Использование фразеологических единиц в речи дошкольников*», канд. филол. наук, доц. Ш. А. Ахадов «*Диалектика отношений тождества и различия в диалоге*» (ИвГУ), С. Е. Ершова «*Лексические средства актуализации недифференцированного тождества в диалоге*» (ИГХТУ), канд. филол. наук, доц. Т. А. Лобанова (ИвГУ) «*К вопросу о механизме формирования противительной семантики в однородных рядах с союзом НО (На материале словаря В. И. Даля)*», ст. преп. Н. П. Варзина (ШГПУ) «*Одиночный союз "и" в многокомпонентном блоке однородных членов предложения*», канд. филол. наук Э. В. Кромер «*Явление парцелляции в отношении к разговорной речи и художественному тексту*» (ИвГУ), канд. филол. наук, доц. Г. В. Токарева (ИГЭУ) «*О содержании и структуре курса "Научный стиль речи" для аспирантов технических вузов*».

На заседании круглого стола были подведены итоги конференции и определены сроки, тематика и проблематика следующей конференции.

В выступлениях участников конференции была отмечена эффективность и плодотворность совместного обсуждения творческого наследия В. И. Даля исследователями, представляющими разные области научного знания: литературоведения и лингвистики, этнографии и фольклора, истории и социологии, культурологии, методики преподавания и культуры речи, теоретической и практической лексикографии. Объединение усилий ученых, работающих в разных областях, позволяет увидеть всю масштабность и значимость того, что было сделано В. И. Далем, цельно представить его творчество и определить вклад в каждую из наук, где он оставил свой след. В дискуссиях, состоявшихся на пленарном заседании и заседаниях секций, определился целый круг проблем, требующих разработки на стыке разных наук.

Участники конференции высоко оценили работу оргкомитета. Была отмечена незаурядность и оригинальность подхода к проведению конференции. Особенно удачной показалась идея «гнездовым способом» сгруппировать доклады. «Гнездовой способ, — утверждает Н. В. Мозгалова, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания ИвГУ, — дал возможность каждому участнику конференции — лингвисту и литературоведу, этнографу и культурологу — не только воспринять весь спектр филологической проблематики научных докладов, но и живо запечатлеть в сознании гениальный феномен В. И. Даля». Коллеги из ИГХТУ отметили «объединяющий, всеобъемлющий» и даже «просветительский» характер конференции, что, по их словам, способствует «взаимообогащению в духовной и научной сфере». Тульские и костромские ученые искренне поблагодарили за предоставленную «возможность встречи и совместной работы специалистов разных профилей» в рамках одной конференции и пожелали дальнейшего столь же плодотворного сотрудничества.

В результате состоявшегося обсуждения участниками были приняты следующие решения:

- 1) отметить актуальность и высокий научный уровень докладов (в том числе и докладов аспирантов), представленных на конференции;
- 2) рекомендовать материалы конференции к публикации в виде сборника научных статей;
- 3) провести III Всероссийскую научную конференцию «В. И. Даль в парадигме идей современной науки» в апреле 2005 года;
- 4) разработать на основе материалов конференций проект подготовки и издания серии 5—6 коллективных научных монографий под общим названием «В. И. Даль в истории отечественной науки и культуры» и представить данный проект на конкурс грантов.

Из отзывов участников конференции

Спасибо В. И. Далю и организаторам конференции!

Далю — за то, что своим живым интересом к народному, дышащему проселками слову, — интересом, переходящим в восхищение и гениальный труд, — неустанно побуждает филологов (лингвистов, литературоведов, культурологов) не только живо интересоваться как его наследием, так и активными процессами, происходящими в языке сегодня, но и глубоко исследовать их. Парадигма научных идей конференции — колоссальная по аспектуальности, а источник один — наследие Даля.

Спасибо оргкомитету за конференцию, за блестящую идею «гнездовым способом» сгруппировать доклады! «Гнездовой способ» дал возможность каждому участнику конференции — лингвисту и литературоведу, этнографу и культурологу — не только воспринять весь спектр филологической проблематики научных докладов, но и живо запечатлеть в сознании гениальный феномен В. И. Даля, «модель» которого — «одно есть многое, многое есть одно».

И, конечно же, искренняя благодарность участникам за неформальное обсуждение докладов! Филология — наука живая, активная. И в этой рабочей детали конференции тоже ответ феномена В. И. Даля!

*Н. В. Мозгалова,
канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка
и методики преподавания ИвГУ*

Отзывы о конференции самые хвалебные. Ее можно назвать объединяющей, всеобъемлющей, просветительской. Взаимообогащение в духовной сфере — вот что прозвучало во многих выступлениях. Хочется отметить высокий научный уровень докладов, а также связь лингвистики с прикладными сферами жизни. Приятно было погрузиться в мир родного языка благодаря В. И. Далю и вашей замечательной кафедре. Атмосфера самая комфортная и добросердечная. Спасибо!

Преподаватели ИГХТУ

Хотелось бы отметить широкие научные рамки конференции — объединение специалистов в разных направлениях филологии и лингвистики служит эффективному обсуждению широкого круга актуальных проблем, позволяет обсудить ряд междисциплинарных вопросов, а главное — дает прекрасное впечатление о нашей «провинциальной» науке, об удивительных людях, влюбленных в свое дело.

*Н. К. Иванова,
д-р филол. наук, проф.,
зав. кафедрой иностранных языков и лингвистики ИГХТУ*

Конференция интересна и полезна, причем независимо от того, опытным или нет, опытным или начинающим работником является ее участник. Всегда полезно знать, чем занимаются коллеги других учебных заведений. Это стимулирует собственные работы научного характера. Организаторам конференции большое спасибо. Было бы неплохо, если бы за 2-й последовала 3-я и т. д. конференции, посвященные изучению наследия В. И. Даля. Это, безусловно, объединяет нас, где бы мы ни жили.

Коллеги из ШГПУ

Конференция отлично организована, проблематика обширна и актуальна, уровень докладов высокий, обстановка доброжелательная и неформальная. Чувствуется искренняя заинтересованность коллег. Научное общение обогащает, дает возможность перспективно мыслить, углубляя исследование. Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

С пожеланием успехов в научном творчестве — костромские коллеги:
Е. В. Цветкова, М. А. Фокина, И. Ю. Малышева.

*Костромской госуниверситет им. Н. А. Некрасова,
кафедра русского языка*

Конференция замечательная. Неоценимой оказывается возможность встречи и совместной работы специалистов разных профилей. При этом объединение в секциях докладов исследователей различных научных интересов представляется совершенно естественным и очень полезным в плане расширения научных взглядов. Надеемся на продолжение этого доброго начинания. От лица всех тульских коллег и единомышленников,

*Ю. С. Чичкина, асп.,
Тульский государственный педагогический университет*

Конференция устроена очень хорошо, просто замечательно. Мне очень понравилось присутствовать на вашей конференции и слушать хорошие интересные доклады. Я очень много узнала, и участие в этой конференции дало много мне. Я очень благодарна вам за то, что приняли меня участвовать в этой хорошей конференции.

М. Бадамцэцег, асп. из Монголии

КАФЕДРА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ В 2003 ГОДУ

В 2003 году кафедра русской литературы развивала свою научную деятельность по четырем основным направлениям: «Литература и фольклор», «Художественная метафизика русской литературы», «Культурологические исследования русской литературы» и «Содержание и структура гуманитарного образования в средней и высшей школе».

В память выдающегося методиста В. П. Медведева, бывшего сотрудника кафедры, в марте 2003 года были организованы «Медведевские чтения», заинтересовавшие и ученых-филологов, и учителей-словесников из Иванова и Ивановской области. Представленные на конференции доклады вошли в сборник научных статей «Содержание и технологии литературного образования в средней школе» (Иваново, 2003). В марте 2004 года планируется проведение третьей научно-методической конференции, посвященной памяти В. П. Медведева. По ее итогам также планируется издание сборника (ответственный редактор — М. А. Дмитриева).

Члены кафедры принимали активное участие в подготовке и проведении конференций различного уровня: ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов ИвГУ, «Дни Андрея Тарковского на Иванов-

ской земле», «Детство и сказка в литературе, кинематографии и педагогике», Далевской, Тютчево-Хомяковской и других. В общей сложности члены кафедры приняли участие в десяти международных конференциях. На базе кафедры прошли четыре конференции.

В марте 2003 года доцент В. П. Океанский защитил докторскую диссертацию «Русская метафизическая лирика XIX века: Е. А. Баратынский, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев (поэтика пространства)». В июне состоялась защита докторской диссертации доцента Н. В. Капустина «"Чужое слово" в прозе А. П. Чехова: жанровые трансформации». По материалам диссертаций опубликованы монографии.

В течение года в Диссертационном совете ИвГУ прошли успешные защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук Н. А. Колодиной «Проза С. Т. Аксакова. Контекст и поэтика» (научный руководитель — П. М. Тамаев), Ж. Л. Сурковой «Вопросы жизни и смерти в романе Л. Н. Толстого "Анна Каренина"» (научный руководитель — Г. Г. Ермилова), М. А. Миловзоровой «Формообразование русской драмы: традиции сценической литературы 1830—1840-х годов и творчество А. Н. Островского» (научный руководитель — Л. А. Розанова), И. А. Ермолаевой «Литературно-критический метод В. В. Розанова» (научный руководитель — В. В. Тихомиров).

Членами кафедры опубликовано 44 статьи в различных изданиях, из них 3 — в изданиях федерального уровня.

На кафедре — 6 аспирантов очной и заочной форм обучения.

В 2003 году на кафедре открыта новая специализация «Словесность в домашнем обучении».

*Заведующая кафедрой русской словесности и культурологии
доктор филологических наук Г. Г. Ермилова*



КАФЕДРА ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

2003 год

Научно-исследовательская работа кафедры развивается по трем традиционным направлениям:

- Вопросы онтологической поэтики (научный руководитель — профессор *В. П. Раков*): исследование глубинных онтологических оснований художественного текста и связанных с ними вопросов семиотики, стиля и мифопоэтики.

- К. Бальмонт, М. Цветаева и художественные искания XX века (научный руководитель — профессор *С. Н. Тяпков*): изучение творческого наследия К. Бальмонта и М. Цветаевой с точки зрения судеб русского романтизма

в культуре XIX—XX веков и в общем контексте литературного развития первой половины XX века.

• Потаенная литература (научный руководитель — профессор *Л. Н. Таганов*): изучение потаенной литературы как особого художественного явления и многообразия его форм (генезис, онтология, контекст).

В феврале 2003 года состоялась Всероссийская научная конференция «Потаенная литература в культурно-исторической перспективе», организованная в рамках проекта «Потаенная литература» (грант Министерства образования). По материалам конференции готовится сборник научных работ, развивающий заявленную в предыдущих трех изданиях серии концепцию проекта: демонстрацию разнообразного спектра малоизученных литературных явлений и определение исторических и теоретических контуров феномена потаенного слова в русской литературе XIX—XX вв.

В апреле 2003 года научные семинары преподавателей кафедры приняли активное участие в вузовской конференции «Молодая наука». Студенты и аспиранты, выступившие с докладами и сообщениями, получили возможность опубликовать результаты своих исследований в сборнике «Филологические штудии» (научный редактор — доктор филологических наук *З. Я. Холодова*). Сборник, построенный по принципу мастер-класса, объединяет под своей обложкой работы «учителей» и «учеников». Среди авторов сборника не только студенты, аспиранты и преподаватели кафедры теории литературы и русской литературы XX века, но и их коллеги с кафедр русской словесности и культурологии и журналистики.

К 135-летию со дня рождения *К. Бальмонта* и 110-летию *М. Цветаевой* вышел сборник «*К. Бальмонт, М. Цветаева и художественные искания XX века*» (научный редактор — проф. *С. Н. Тяпков*), составленный на основе материалов пятых Бальмонтовско-Цветаевских чтений.

В 2003 году кафедра получила предложение выступить в качестве номинатора одной из самых престижных российских премий «Букер — Открытая Россия», ежегодно вручаемой за лучший роман, написанный на русском языке.

Исследовательская работа кафедры завершилась в прошлом году получением нескольких грантов. Продолжено финансирование проекта «Потаенная литература» (научный руководитель — проф. *Л. Н. Таганов*). Творческая лаборатория по изучению наследия *К. Д. Бальмонта* (научный руководитель — проф. *С. Н. Тяпков*) победила во Всероссийском конкурсе студенческих инновационных проектов. Грант ИвГУ получил другой студенческий проект кафедры (руководитель — аспирантка кафедры *Л. Г. Качалова*), направленный на разработку архивных материалов литературного музея ИвГУ (зав. музеем — *Л. Н. Матенина*).

В декабре 2003 года вышел сборник «Шестое чувство», посвященный памяти профессора кафедры, доктора филологических наук *П. В. Куприяновского*. Издание подготовлено докторами филологических наук *Н. В. Дзущевой* и *Л. Н. Тагановым*.

Издательская деятельность кафедры разнообразна по жанрам. Вышли следующие монографии и книги:

1. *Раков В. П.* Филология и культура. Иваново, 2003.
2. *Холодова З. Я.* М. М. Пришвин: Материалы для библиографии. Иваново, 2003.

3. Таганов Л. Н. Дневники 1970—2000 гг. Иваново, 2003.

4. Колоколов Н. И. Мед и кровь / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. И. В. Синохиной. Иваново, 2003.

5. Николаев А. И. Введение в литературоведение: Методические указания для студентов 1 курса филологического факультета. Иваново, 2003.

6. Николаев А. И. Введение в литературоведение: Методические указания для студентов 1 курса факультета РГФ. Иваново, 2003.

*И. О. зав. кафедрой теории литературы
 и русской литературы XX века,
 кандидат филологических наук Е. М. Тюленева*

Конференции

27—28 февраля 2003 г. — конференция «Потаенная литература»

24 апреля 2003 г. — студенческая конференция

15 мая 2003 г. — участие кафедры в номинировании кандидатов на премию «Букер — Открытая Россия»

Гранты

Декабрь 2003 г. — студенческий грант на Всероссийском конкурсе студенческих исследований (руководитель — проф. С. Н. Тяпков);

Январь 2004 г. — грант Минобразования по проекту «Потаенная литература» (руководитель — проф. Л. Н. Таганов);

грант ИвГУ на разработку архивных материалов Литературного музея ИвГУ (руководитель — аспирант кафедры Л. Г. Качалова).

Издательская деятельность

1. Раков В. П. Филология и культура. Иваново, 2003.

2. Холодова З. Я. М. М. Пришвин: Материалы для библиографии. Иваново, 2003.

3. Таганов Л. Н. Дневники 1970—2000 гг. Иваново, 2003.

4. «Шестое чувство»: Сб. науч. тр. памяти П. В. Куприяновского. Иваново, 2003.

5. К. Бальмонт, М. Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2003.

6. Филологические штудии: Сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 2003. Вып. 6.

О работе Диссертационного совета Д 212.062.04 по филологическим наукам в 2003 году

В прошедшем году в Диссертационном совете были защищены 2 докторские и 7 кандидатских диссертаций:

1. *ОКЕАНСКИЙ Вячеслав Петрович* — докторская диссертация на тему: «Русская метафизическая лирика XIX века: Е. А. Баратынский, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев (Поэтика пространства)»;

2. *САВВИНА Элла Рафитовна* — кандидатская диссертация на тему: «И. С. Тургенев во французской критике 1850—1880-х годов»;

3. *КАПУСТИН Николай Венальевич* — докторская диссертация на тему: «"Чужое слово" в прозе А. П. Чехова: жанровые трансформации»;

-
-
4. *МАРЬЕВА Майя Владимировна* — кандидатская диссертация на тему: «Книга К. Д. Бальмонта "Будем как солнце". Вопросы поэтики»;
5. *КОЛОДИНА Надежда Алексеевна* — кандидатская диссертация на тему: «Проза С. Т. Аксакова. Контекст и поэтика»;
6. *СУРКОВА Жанна Леонидовна* — кандидатская диссертация на тему: «Поэтика романа Л. Н. Толстого "Анна каренина": идиллические мотивы и эсхатологическая символика»;
7. *МИЛОВЗОРОВА Мария Алексеевна* — кандидатская диссертация на тему: «Формообразование русской драмы: традиции сценической литературы 1830—1840-х годов и творчество А. Н. Островского»;
8. *УШАКОВА Татьяна Андреевна* — кандидатская диссертация на тему: «Символ и аллегория в поэзии Николая Гумилева (текст и контекст)»;
9. *ШИТОВА Татьяна Петровна* — кандидатская диссертация на тему: «Женщина в лирике К. Д. Бальмонта: поэтика, образ, миф».

Всего за год:

докторских — 2,
кандидатских — 7.

Из них:

аспиранты ИвГУ — 6,
из других вузов — 1.

*Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат филологических наук Е. М. Тюленева*

СЕМИНАР ПОСОЛЬСТВА США

Кафедра английской филологии Ивановского государственного университета известна различными добрыми традициями академического и научного сотрудничества. Одной из таких традиций является практика работы с Посольством США. В рамках данного проекта каждый год представители офиса английского языка Посольства США проводят научные семинары для учителей школ и вузов города Иванова и Ивановской области.

9 и 10 марта состоялся пятый семинар, посвященный использованию новых информационных технологий в практике преподавания английского языка, который проводила старший координатор региональных программ Посольства Эдэр Матерс-Гаспарян. В рамках работы семинара учителя получили возможность ознакомиться с новыми методиками работы с текстом, ресурсами Интернета, доступными для них и содержащими полезную информацию и языковой материал, методиками работы в Сети. Второй день работы был посвящен литературе для младших школьников.

По окончании программы каждый преподаватель получил сертификат об участии. Традиционно семинар вызвал большое количество положительных откликов, поскольку данное направление сотрудничества ИвГУ открыло

широкие возможности для повышения профессиональной квалификации учителей английского языка, при том, что еще несколько лет назад курсы повышения квалификации подобного уровня существовали только в вузах Москвы.

Руководитель ЦПО
М. В. Булакова

В 2003 году в Диссертационном совете К 212.062.01 защищены следующие диссертации по специальности 10.02.04 — Германские языки:

1. *Петросян И. В.* Отражение сочетаемости в учебных словарях современного английского языка. Иваново, 2003.
2. *Таганова Т. А.* Заимствования в американский вариант английского языка: лексикографический и культурологический аспекты. Иваново, 2003.
3. *Тюрина С. Ю.* Лексико-фонетические характеристики связующих элементов дискурса в английской деловой речи. Иваново, 2003.
4. *Кирсанова Н. Е.* Проблема выбора косвенного имени в речевом общении. Иваново, 2003.
5. *Пастухова Е. Н.* Наименование артефактов в древнеанглийской героической поэзии. Иваново, 2003.
6. *Пименова Е. А.* Логико-прагматические аспекты функционирования немецких частиц *noch, schon, erst*.
7. *Якимова Е. А.* Отрицание *nicht / kein* с прилагательными в современном немецком языке (логика, семантика, прагматика).

КАФЕДРА ЖУРНАЛИСТИКИ

Главным событием в минувшем учебном году стал первый выпуск студентов, обучавшихся по специальности 021400 — «Журналистика». Дипломы о получении высшего образования и квалификацию «Журналист» получили 15 россиян (при плановом наборе в 1998 году — 15 человек) и один иностранец. Общие итоги государственного междисциплинарного экзамена (более 90 % отличных и хороших оценок) и защиты дипломных сочинений (около 90 % отличных оценок) свидетельствуют о достойной академической подготовке. Все выпускники в настоящий момент трудоустроились по специальности в редакциях Иванова, Москвы, Костромской области, либо обучаются в профильных аспирантурах.

Сейчас журналистскую подготовку в ИвГУ получают 119 студентов из России и 18 из дальнего зарубежья (Китай, Монголия, Ангола). Преподаватели кафедры разрабатывают новые специальные курсы, оснащают учебный

процесс электронными версиями учебников и наглядными пособиями. Закупается новая техника, создается лаборатория теле- и радиожурналистики.

*Заведующий кафедрой журналистики
доктор филологических наук С. Л. Страшнов*

КАФЕДРА ОБЩЕГО И СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1. На кафедре общего и славянского языкознания продолжается работа над проектом «Диалектное слово в говорах Ивановской области» по федеральной целевой программе «Интеграция науки и высшего образования России на 2002—2003 годы».

В конце июля 2003 года группа студентов второго курса филологического факультета под руководством зав. кафедрой общего и славянского языкознания Натальи Руфовны Рогозы выехала на диалектологическую практику в г. Плес.

Задача студентов состояла в том, чтобы собрать как можно больше лексического материала, который будет являться базой будущего словаря диалектных слов Ивановской области.

Группа со своей задачей справилась, хотя в ходе работы было немало трудностей, т. к. не все коренные жители г. Плеса шли на прямой, открытый контакт, часто случались ситуации, когда жители отказывались отвечать на вопросы, объясняя это тем, что они ничего не знают или не помнят. Но много было и таких людей, которые с радостью были готовы помочь студентам в их нелегком деле.

Кроме общения с коренным населением, студенты получили много интересной информации, посетив музеи г. Плеса, такие, как Музей пейзажа (единственный в России), Музей Левитана, Музей прикладного искусства, Музей «Русская изба». Также насладились прекрасными видами Волги, осмотрели достопримечательности г. Плеса. И в итоге прекрасно провели время, получили множество впечатлений и испытали удовольствие от поездки.

2. На филологическом факультете ИвГУ изучаются чешский и польский языки. По мере возможности мы, преподаватели кафедры общего и славянского языкознания, стараемся знакомить студентов с историей и культурой Чехии и Польши.

В августе 2003 года группа (15 человек), в которую вошли преподаватели, студенты и аспиранты филологического факультета, а также несколько школьников, отправилась в экскурсионную поездку по Чехии. Путешествие продолжалось 8 дней. Два дня мы познакомились с очаровательной столицей Чехии Прагой, которая поразила нас своим великолепием. Мы увидели Град, замечательный Карлов мост, знаменитые куранты на Староместской площади. Впрочем, в центре Праги каждое здание интересно и своеобразно.

Но мы познакомились не только со столицей Чехии, но и посетили Карловы Вары, известный курорт с термальными источниками, г. Кутна Гора, Оломоус. Поразили наше воображение южноморавские пещеры. Мы имели возможность оценить особенности чешской кухни, попробовать знаменитые кнедлики, разные сорта чешского пива, посидеть в небольших очень уютных и недорогих ресторанчиках.

Но самое главное — нам представилась возможность послушать живую чешскую речь, пообщаться с чехами. Думаю, что тот, кто побывал в Чехии, особенно в ее столице, навсегда полюбит Прагу, которую не случайно называют магическим городом. Очень хочется снова туда поехать.

3. На кафедре общего и славянского языкознания установлены контакты с чешским центром и посольством Чешской республики в Москве, а также с Южночешским университетом в г. Чешские Будеёвицы в Чехии.

4. В течение 2002/03 учебного года проведены заседания «Славянского клуба»:

1). Мир славянской культуры (с участием студентов музыкального училища).

2). Летние впечатления...(диалектологическая экспедиция, поездка в Чехию, летняя школа в Сербии).

25 марта на факультете РГФ состоялся юбилейный вечер, посвященный английскому писателю Дж. Р. Толкину и жанру фэнтэзи, организованный кафедрой зарубежной литературы и студентами РГФ. В программу вошли доклады, посвященные жизни и творчеству Толкина, переводам его произведений на русский язык, жанру фэнтэзи в живописи. Прозвучали музыкальные баллады, навеянные творчеством оксфордского профессора. Кроме того, была проведена викторина «Как стать властелином?», дебат «Властелин колец — опиум для народа?», в котором свою позицию смогли заявить как толкинисты, так и антитолкинисты. Вечер завершился мюзиклом «Властелин сердец», имевший громкий успех.



Егоров Владимир Николаевич

С Владимиром Николаевичем Егоровым судьба свела нас в 1971 году, когда он поступил учиться на математический факультет ИГПИ, а я после защиты кандидатской диссертации стал старшим преподавателем, а потом заместителем декана матфака. С тех пор вот уже более 30 лет наши жизни идут параллельным курсом. Сначала у нас были отношения студента и преподавателя, а потом мы стали коллегами по работе.

На факультете по достоинству оценили незаурядные организаторские качества Владимира Николаевича и назначили его заместителем декана, потом заведующим кафедрой. В 1983 году он блестяще защитил кандидатскую диссертацию под руководством Д. И. Молдаванского. В то время потребовался толковый и разумный человек на физическом факультете, где сложилась очень непростая обстановка. И Владимир Николаевич стал деканом факультета.

Он прошел все ступени роста — от студента и ассистента до ректора, что позволило ему досконально, до мельчайших особенностей изучить многомерный, сложный и многообразный вузовский механизм. А у коллег Владимира Николаевича по работе было достаточно времени для того, чтобы понять: в вуз пришел одаренный человек. На мой взгляд, его основополагающий принцип таков: если берешься за какое-то дело, делать его нужно лучше других, чтобы достичь самых высоких вершин. Эта черта характера проявилась уже в школьные годы, когда он занимался в математической школе при ИГПИ и становился победителем областных и республиканских олимпиад по математике, когда вместе с аттестатом зрелости получил золо-

тую медаль. И сохранилась до сих пор. Став ректором, Владимир Николаевич последовательно, целеустремленно делает все для того, чтобы университет по праву считался одним из лучших вузов не только в регионе, но и в стране. Этот настрой завораживает, вызывает доверие к Владимиру Николаевичу как к руководителю.

Работать с ним и легко, и сложно. Он хорошо видит перспективу, мыслит масштабно, вникая при этом во все детали какого-то конкретного дела. Он демократичен, умеет встать на уровень своего собеседника, поэтому общаться с Владимиром Николаевичем легко и интересно. Он никогда не давит, далек от административных схем, но в интересах дела, когда речь идет об авторитете вуза, может быть жестким и нелицеприятным. И тут обижаться не приходится, так как понимаешь — все делается ради общего дела, тебе доверяют и ждут от тебя соответствующей отдачи. Это доверие обязывает, его необходимо оправдать.

Наш ректор умеет предвидеть ситуацию, развитие событий и принимать такие решения, которые позволяют достичь поставленной цели или, наоборот, избежать нежелательных последствий. Умелый тактик и стратег, руководствуясь современными и разумными принципами административного управления, он создал слаженную команду единомышленников, без сбоев работающих в одной связке. На проректорские посты он назначает не универсалов, а людей, которые делают порученное им дело лучше других. Один человек успешно справляется с текущей монотонной, порой рутинной, работой, не требующей резких движений, а другой обладает такими качествами, которые позволяют ему быстро организовать какое-то мероприятие, успешно провести рекламную акцию, завязать отношения с нужными людьми, наладить международную жизнь вуза. А вместе мы, как говорится, в одной лодке.

Работа по руководству таким большим вузом (более 11 тысяч студентов и сотрудников), как наш, требует полной отдачи, и, к сожалению, Владимир Николаевич сейчас отошел от преподавательской работы, а это, несомненно, потеря для университета. Студенты его обожают, о его качествах лектора и педагога ходят легенды. Но он является научным руководителем солидной группы аспирантов, с которыми щедро делится идеями, знаниями. С ними он встречается каждую субботу. Результаты налицо: все аспиранты успешно защищают диссертации и становятся зрелыми учеными.

Административная работа накладывает свой отпечаток на руководителя, часто нивелируя простые человеческие проявления. К счастью, этого не случилось с нашим ректором. И поэтому он притягивает к себе людей. Он очень азартен. Захожу как-то к нему, а он увлеченно решает математические задачи, предложенные школьникам — участникам олимпиады. Глаза горят, с гордостью сообщил, что решил большинство из них.

Очень любит спорт. Помнит имена и фамилии кумиров прошлых лет, их достижения. С ним очень интересно побеседовать на эту тему. Не случайно наш спорткомплекс — один из лучших в области. Он вкладывает большие средства в оздоровление студентов.

Владимир Николаевич — очень разносторонний человек, тонко разбирающийся в литературе и поэзии, в живописи. Согласитесь, не так уж часто встречаются среди математиков люди с такими качествами, да и не только среди них.

Общаясь с ним, открываешь для себя все новые черты. Как-то я попал в больницу (повод был не слишком серьезный). Уже будучи ректором, Владимир Николаевич выкроил время и пришел навестить меня. Не скрою, я был приятно удивлен и тронут его участием.

Он счастливый семьянин, молодой дедушка. У него надежные тылы: жена и дети — его единомышленники и помощники. Я был среди немногих его друзей приглашен к нему на свадьбу, видел зарождение этой прекрасной семьи.

Поздравляя Владимира Николаевича с золотым юбилеем, хочется пожелать ему крепкого здоровья, простого человеческого счастья и дальнейших успехов на трудном посту ректора.

А. И. Щеглов,

кандидат физико-математических наук,
проректор по учебной работе ИвГУ



С Владимиром Николаевичем Егоровым я встретился в 1971 году, когда, приступив к учебе на первом курсе математического факультета, он стал участником руководимого мной студенческого научно-исследовательского семинара. Выбор В. Н. Егоровым профессии математика был, разумеется, вполне осознанным: к моменту окончания средней школы он уже являлся победителем двух областных и призером республиканских математических олимпиад. Следует, однако, заметить, что далеко не каждый успешный участник математических олимпиад школьников делает математику своей профессией. На олимпиадах предлагают задачи, решение которых известно их организаторам. Сознывая это, многие молодые люди вполне удовлетворяются тем, что умеют находить их решение, но некоторые идут дальше и хотят научиться решать и такие математические задачи, решение которых никому не известно. Именно это желание и привело В. Н. Егорова и его однокурсников Сергея Бродского и Анатолия Зимина в мой семинар. Они стремились, не ограничиваясь изучением стандартных математических дисциплин учебного плана, познакомиться с одним из разделов современной математической науки и применить свои способности к решению стоящих здесь задач.

И это им вполне удалось. А. И. Зимин получил ряд интересных научных результатов в теории полугрупп, а С. Д. Бродский и В. Н. Егоров посвятили себя теории групп. Задачи, которыми они занимались, имеют совершенно классическую постановку, и я попробую сейчас ее сформулировать в максимально доступной форме.

Каждый окончивший среднюю школу знает, что квадратное уравнение с действительными коэффициентами может не иметь действительных корней, а тем, кто в школе изучал математику по углубленной программе или прослушал хотя бы втузовский курс высшей математики, известно, что каждое такое квадратное уравнение имеет комплексные корни. Более того, расширив множество действительных чисел до множества комплексных чисел, мы сделаем разрешимым любое алгебраическое уравнение с действительными коэффициентами. Это утверждение было доказано достаточно давно, в XV

веке, а на рубеже XIX и XX веков его распространили с числовых систем на более общие образования — так называемые поля. Полем считается совокупность объектов, которые можно складывать и умножать, причем для этих операций справедливы все основные свойства операций сложения и умножения чисел (системы рациональных, действительных и комплексных чисел, являющиеся примерами полей, далеко не исчерпывают списка данных алгебраических систем, широко применяемых в современной математике и ее приложениях). По аналогии с уравнениями, имеющими числовые коэффициенты, мы можем рассматривать алгебраические уравнения с коэффициентами из произвольного поля, и ставший уже классическим результат утверждает, что для любого поля и любого уравнения над этим полем можно построить более широкое поле, в котором у этого уравнения найдется хотя бы один корень.

Наряду с другими важнейшим понятием современной алгебры и всей математики является понятие группы. Возникшее в работах Эвариста Галуа, это понятие успешно работает в настоящее время практически в каждом разделе математики и в ее приложениях в физике, химии и других науках. Группа — это совокупность некоторых объектов, над которыми можно выполнять одну операцию, называемую чаще всего умножением и обладающую некоторыми естественными свойствами. Допустимо ввести понятие уравнения над группой и говорить о корнях уравнений. Мы скажем, что данное уравнение над данной группой разрешимо, если можно построить более широкую группу, в которой это уравнение имеет корень. Оказалось, что в отличие от вышеописанной ситуации для полей имеется группа, над которой существует неразрешимое уравнение. С другой стороны, были известны примеры групп, над которыми разрешимы любые уравнения, и примеры уравнений, разрешимых над любыми группами. Таким образом, здесь естественно возникают две задачи: первая состоит в описании всех таких групп, над которыми разрешимы любые уравнения, а вторая — в описании всех таких уравнений, которые разрешимы над любыми группами. В студенческие, а затем аспирантские годы первой из этих задач занимался С. Д. Бродский, а второй — В. Н. Егоров. Каждый из них получил здесь значительные результаты, о важности которых говорит не только то, что обе задачи до сих пор не имеют окончательного решения, но и то, что за прошедшие четверть века в мировой печати не появилось сообщений о каких-либо улучшениях их результатов.

Найденное В. Н. Егоровым доказательство того, что все уравнения определенного вида разрешимы над любой группой, составило основное содержание кандидатской диссертации, которую он успешно защитил в 1983 году в совете Ленинградского государственного университета. В качестве оппонентов выступили ведущие специалисты в области теории групп — профессор Московского университета Альфред Львович Шмелькин и старший научный сотрудник Института математики Сибирского отделения Академии наук Николай Семенович Романовский. Высоко оценив научный уровень представленных в диссертации результатов, они отметили и крайнюю нетривиальность, и техническую сложность их доказательств, подчеркнув тем самым упорство и настойчивость, проявленные автором работы.

Очень часто научно-исследовательская работа в математике поглощает человека целиком, не оставляя ему ни времени, ни сил для чего-то другого. К

Владимиру Николаевичу это никак не относится. Он великолепно знает и ценит художественную литературу. По пути из университета домой мы с ним обсуждали не только математические проблемы, но и, например, последние вещи Стругацких; о некоторых достойных внимания писателях я узнал именно от него. Он любит музыку, знает массу отличных песен и великолепно исполняет их, аккомпанируя себе на гитаре, аккордеоне или пианино. На мой взгляд, основной чертой личности Владимира Николаевича является постоянное стремление к творчеству и расширению области применения своих способностей. Еще до защиты диссертации (но уже после того как были получены ее основные результаты) он неоднократно говорил мне, что хотел бы заняться и прикладными вопросами математики, ее применением в медицине или экономике; припоминается, что в это время он уже выполнил какую-то работу совместно с учеными из медицинского института. Тем не менее победила экономика, и его успехи в этой области общеизвестны.

Отдельная тема — общественная и административная работа Владимира Николаевича. Я не хочу перечислять все должности, которые он занимал, и давать оценку его работы на этих должностях, результаты которой также общеизвестны и весьма наглядны. Отмечу лишь, что здесь мы имеем поразительное и довольно редко встречающееся соединение интенсивной исследовательской работы в весьма непростой области науки с желанием и — главное — умением вести столь же интенсивную и разнообразную организационную работу.

На мой взгляд, во всем многообразии своей деятельности Владимир Николаевич остается математиком. Это проявляется и в точности его формулировок, и в выверенности и обоснованности принимаемых решений, и во многом другом. Математика, как первая любовь, остается с человеком навсегда. Часто при встрече со мной Владимир Николаевич с удовольствием рассказывает о найденном им решении очередной олимпиадной задачи.

Д. И. Молдаванский,
профессор, зав. кафедрой алгебры и математической логики ИвГУ,
научный руководитель диссертационной работы В. Н. Егорова
на соискание степени кандидата физико-математических наук



Владимира Николаевича я знаю с десятков лет, еще до моего прихода в Управление образования Ивановской области, когда моя жизнь проходила по известному адресу: Рабфаковская, 34 — ИГЭУ.

Наш, казалось бы, сугубо технический вуз имел тогда, да и имеет сейчас широкие межвузовские связи в области и стране. Это позволило нам узнать многих заметных людей из других вузов. Среди них был и Владимир Николаевич Егоров, молодой, красивый, умный, с амбициями.

Моя судьба круто изменилась, и я стал причастен к проблемам регионального образования. Пришло понимание единого образовательного пространства, взаимосвязи его составляющих. Среди тех, кто ясно понимал

проблемы образования и видел перспективы их решения, был и Владимир Николаевич.

Когда Владимир Николаевич Егоров стал ректором, все его потенциальные возможности проявились в полной мере. Университет менялся на глазах и внешне, и, главное, содержательно. Он все больше становился необходимым Управлению образования как партнер, как базовое учреждение для общих проектов. Сейчас в наших планах полномасштабный договор о сотрудничестве.

Владимир Николаевич подтверждает созидательную роль лидера. Считаю, что коллектив университета, студенты сделали несколько лет назад единственно правильный выбор.

Я не завидую «белой завистью» Владимиру Николаевичу. У зависти нет цвета. Я просто радуюсь за хорошего и умного человека, преданного образованию.

Юбилей ректора — это начало второй половины длинного пути. Желаю добра, удачи и счастья Владимиру Николаевичу!

В. Лапшин,
начальник Управления образования Ивановской области



Как-то незаметно в жизни появились не дни рождения, а юбилеи.

Не будучи философом, когда думаешь об этих датах, то ловишь себя на мысли, что с годами усиливается склонность обобщать и формулировать, но как приятно успокаиваться тем, что, может, это не возрастное, а профессиональное, результат накопления научно-педагогического опыта. А что уж совсем приятно, так это не утраченное с возрастом чувство душевной молодости (или, по крайней мере, сладкий самообман тем, что именно так все и обстоит). Потому и отношение к юбилеям — и к своим, и к чужим — пока еще не грустное, а скорее азартное.

Особая категория — юбилеи друзей, на которых душа насыщается чувством единения с этим событием, причастностью к «близкому и далекому», а по сути в эти дни вновь убеждаешься в непрерывности и преемственности течения жизни. А юбиляру от всего сердца хочется говорить хорошее и главное.

Должно быть, самое разумное рассказать о делах и поступках человека. С Владимиром Николаевичем Егоровым мы знакомы практически всю жизнь (за исключением детсадовских лет и раннего отрочества). Школьная дружба переросла в студенческую. А потом пришло время, и ребята нашей компании стали замечать, как красивы девушки, а некоторые из них очень красивые. В конце концов один из нас подумал жениться. Свои романтические устремления он решил подкрепить букетом белых лилий. Проблема была в том, где взять эти дивные цветы. Володя к этой ситуации отнесся очень ответственно и конструктивно. Тогда из всех нас машина была только в семье Егоровых. Володя попросил ее у отца и объявил: «Машина есть, куда ехать?» Цветы мы

нашли в одном из заливов в самом начале Уводского водохранилища. Невеста была очень довольна.

Владимиру Николаевичу всегда было присуще чувство сопереживания. Наверное, поэтому людей, которые рядом с ним, с годами становилось все больше.

Время шло, мы выросли, защитили кандидатские диссертации. Был период, когда наша компания собиралась в д. Нагорное, что находится по дороге Палех — Южа. Однажды я с семьей подъехал туда в конце июля. Егоровы отдыхали уже недели две. Природа роскошная, погода — чудо, рядом река. Самое время немного понежиться. Наверное, так бы и сделало большинство, но только не наш будущий проректор. Конечно, он и окунался, и собирал грибы, и лесную малину. Но даже на отдыхе была работа. Владимир Николаевич учил английский. На карточках были аккуратно выписаны слова, которые каждый день заучивались, пополняя словарный запас. Урок начинался неизменно в 7—7.30 утра. И не стоит этому удивляться, у Володи всегда было и есть то, что можно назвать программой личностного роста и развития. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть хотя бы его личную библиотеку: в ней нет непрочитанных томов...

Сегодня Владимир Николаевич Егоров руководитель самой крупной организации в нашем регионе (более одиннадцати тысяч человек учатся и работают в ИвГУ). Работать под его руководством непросто. Он построил дело так, что каждый подчиненный завершает рабочую неделю самоотчетом: что мною сделано для развития вуза. А вторая мысль такая: чем надо заниматься с понедельника будущей недели.

Все продуманные, просчитанные проекты находят у нашего ректора понимание и поддержку. Одновременно всегда чувствуется, что в суете будней он никогда не забывает о том, что можно назвать духовностью университета, его лучшими традициями. Будучи лидером и творческой натурой, Владимир Николаевич заражает созидательной энергией своих подчиненных, работающих с ним в одной команде.

В. И. Назаров,

доктор психологических наук,
проректор по учебной работе ИвГУ



В течение почти 30 лет преподавания в ИвГУ я имел возможность наблюдать работу ректората, направлявшего всю многообразную деятельность по становлению университета. Что можно сказать об этой работе после того, как во главе ректората встал энергичный и молодой доктор экономических наук, профессор Владимир Николаевич Егоров?

Университет сделал большой рывок вперед. И главное, что отличает стиль работы нового ректора — это четко выраженный коллективный метод руководства, опора на свою команду, в которой каждый ее член — яркая, своеобразная личность, прекрасно дополняющая других. Именно это, на мой взгляд, позволило получить эффект синергии, то есть дополнительные ре-

зультаты от сложения усилий всех членов ректорской команды. Положительные результаты сегодня видны каждому: реконструированные читальный, актовый и спортивный залы, кардинально обновленный вычислительный центр, полностью перестроенный корпус № 7, по существу, новый корпус № 8, преобразившаяся база отдыха студентов и преподавателей на Рубском озере и многое другое. И все это — за какие-нибудь 3—4 года!

Сделанное убеждает еще в одном — это следствие глубоко продуманной и обоснованной стратегии развития университета не только на ближайшую, но и на более длительную перспективу. И первые результаты осуществления стратегического плана сегодня видит каждый студент и преподаватель.

Но мне хотелось бы привести еще один пример той большой и необходимой работы, которая подчас не видна и неизвестна коллективу, но которая имеет существенное значение для судеб университета. Пару раз мне довелось побывать с Владимиром Николаевичем в «Белом доме» на встрече с крупным руководителем аппарата Правительства России. Казалось бы, задача тогда стояла чисто научная — координация работ по исследуемой проблеме. Однако и здесь Владимир Николаевич сумел использовать ситуацию для обсуждения перспектив развития университета и необходимых мер по укреплению его материально-технической базы. И это в дальнейшем помогло решить ряд важных вопросов развития ИвГУ. Словом, наш ректор всегда остается тем руководителем, который ни на минуту не забывает о своей главной задаче — успешном развитии своей альма-матер.

Поэтому в канун события, знаменательного для каждого человека, хочется поблагодарить юбиляра и от имени коллектива кафедры экономики и организации предпринимательства пожелать ему дальнейших успехов, здоровья и счастья!

А. Г. Кайгородов,
заведующий кафедры ЭиОП, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ



Отмечая основные черты в характере человека, хочется выделить главное, что определяет его суть, восприятие его людьми, с ним работающими, хорошо его знающими. Мне кажется, что о Владимире Николаевиче Егорове можно сказать словами одной старой советской песни:

Стоят мосты, стоят вокзалы
И заводские корпуса,
И заводские корпуса,
Могу назвать Вам адреса.
А без меня, а без меня
Здесь ничего бы не стояло.
Здесь ничего бы не стояло,
Когда бы не было меня.

Пришел новый ректор к руководству университетом, и в нем жизнь за-била ключом: вводятся в строй новые корпуса, главный корпус приобретает вид, соответствующий статусу государственного университета; научная деятельность зазвучала по-новому, воспряла и развернулась от профессорского уровня до студенческой молодой науки; наша жемчужина, Рубское озеро, получает достойное обрамление в виде хорошеющего университетского лагеря отдыха и т. д. Как приятно, что хорошее так долго можно перечислять!

Наверное, нам (преподавателям, сотрудникам и студентам) хочется еще большего. Но, к сожалению, все и сразу бывает только в сказках. Владимиру Николаевичу исполнилось сегодня всего 50 лет. Сколько еще впереди возможностей для свершения полезных и добрых дел! Поздравляя Владимира Николаевича с золотым юбилеем, хочу пожелать: так держать!

Взрослеете Вы — с нами вуз наш растет,
Мы движемся вместе и вверх, и вперед,
И кадры растут, и растут корпуса,
Их точные можно назвать адреса.
Ваш круг интересов широк бесконечно:
На озере Рубском нас встретят сердечно,
Нам рады в Германии, в Дании тоже,
И к этому труд Ваш огромный приложен.
Как пели мы в песнях из прошлого века,
В истории роль велика человека!
Но каждый по-своему может сыграть.
Сегодня уверенно можно сказать,
Что и без Вас, да-да, без Вас,
Возможно, дело б не стояло,
Оно скорее бы лежало,
Когда бы не было здесь Вас.

В. Еремин,
профессор, декан экономического факультета ИвГУ



Это было почти 20 лет назад. Да-да, 20 лет. Тогда нам, едва поступившим в университет на экономический факультет, в основном девчонкам — еще таким зеленым и несмышленным, но уже мечтавшим о карьере экономиста на каком-нибудь ведущем предприятии, почти сразу пришлось изучать курс высшей математики. Поначалу он вызывал у большинства из нас недоумение: зачем будущим экономистам, например, теорема Фишера? Некоторых вообще охватывал панический ужас, когда они заглядывали в лекции старшекурсников. При этом рассказывались «страшилки» о том, что сдать с первого раза «вышку» редко кому-либо и когда-либо удавалось, что мы, «детский сад», вообще утонем в формулах и уравнениях и что преподаватели — «звери лютые».

Можно себе представить, как мы заранее «полюбили» этот предмет и ждали встречи с тогда еще просто молодым преподавателем Владимиром Николаевичем Егоровым...

Удивительно, но буквально с первой лекции и первого практического занятия чувство страха перед ужасной «вышкой» пропало. Все мы столкнулись с необыкновенным, редко кому свойственным умением преподнести сухую и очень сложную науку просто, доходчиво и даже наглядно. Еще одна черта — обаяние — отличала Владимира Николаевича особенно. Мягкая манера общения, живое и очень теплое отношение к студентам подкупало. Было в его манере говорить, одеваться, да просто входить в аудиторию что-то такое, что нас, девчонок, завораживало. Особенно запомнилось его умение говорить так, как хотелось бы каждому — красиво, правильно, образно, очень интеллигентно. А относительно наглядности можно сказать о том, что при объяснении, например, непрерывности функции пространства аудиторной доски Владимиру Николаевичу зачастую не хватало, и очень органично записи переносились на стену. Причем процесс был настолько интересен, а аудитория так увлечена происходящим, что никто этого факта не замечал. Как-то раз, чтобы наглядно изобразить какой-то дискретный процесс, Владимир Николаевич встал на стул и спрыгнул с него, потом опять встал и спрыгнул, и так несколько раз, пока мы со смехом не закричали: «Понятно, понятно». Он так выстраивал отношения со студентами, что почти каждый из нас считал себя молодцом, которому по силам такие сложные понятия. Просто неудобно было придти на практическое занятие неподготовленным. Это считалось дурным тоном. Не потому что за это полагалась плохая оценка, а потому что не было возможности не понять, не запомнить, не разобраться. И еще... Очень хотелось понравиться любимому преподавателю.

Впрочем, вряд ли у кого-то студенческая юность прошла без приключений. Наверняка каждый может вспомнить, как убегал с занятий и «выплывал» на экзаменах. Помню, как-то подруга в день своего рождения принесла в университет торт, но съесть его нам захотелось непременно на лекции, и непременно по высшей математике (вот такие девичьи причуды). И мы почти на первой парте, делая вид, что исправно списываем с доски все умопомрачительные формулы, умудрились этот торт разрезать и передавать кусочки по аудитории. Конечно, Владимир Николаевич все это видел, но даже не сделал нам тогда замечания. Наверное, по природной своей деликатности и демократичности. Сейчас за то поведение стыдно, неловко. И может быть, не поздно извиниться?..

У моей знакомой до сих пор сохранились тетради тех лет с лекциями Егорова. Сейчас трудно поверить, что тогда мы все понимали в них, и даже кое-кто из наших отличников решался поспорить с Владимиром Николаевичем на предмет более изящного решения той или иной задачи. Он с удовольствием вступал в такие споры. Сейчас, спустя годы, мне кажется, что именно благодаря «вышке» я училась учиться в университете. Терпение, настойчивость, умение вглядываться в детали, выбирать приоритеты, находить оптимальные решения в дальнейшем пригодились при решении уже не математических, а жизненных задач.

А. Загорюкина
(бывшая студентка А. Дикань)



Сведения об авторах

- АНЦИФЕРОВА** доктор филологических наук,
Ольга Юрьевна заведующая кафедрой зарубежной литературы
- БАБАЕВА** кандидат филологических наук,
Раиса Ивановна доцент кафедры немецкой филологии
- ВАНСЯЦКАЯ** кандидат филологических наук,
Елена Александровна заведующая кафедрой английского языка
- ГРИГОРЯН** кандидат филологических наук,
Ашот Арамович доцент кафедры английской филологии
- ЕРМОЛАЕВА** кандидат филологических наук, доцент
Нина Леонидовна кафедры русской словесности и культурологии
- КАЗАКОВА** старший преподаватель кафедры
Ирина Анатольевна романской филологии и латинского языка
- КРОМЕР** кандидат филологических наук,
Эрна Владимировна доцент кафедры современного русского языка
и методики преподавания
- ЛАВРЕНТЬЕВА** кандидат филологических наук, старший
Наталья Геннадьевна преподаватель кафедры английского языка
- ЛАКЕРБАЙ** кандидат филологических наук,
Дмитрий Леонидович доцент кафедры журналистики
- САМУТКИНА** кандидат филологических наук,
Людмила Алексеевна докторант Санкт-Петербургского
государственного университета
- СТРАШНОВ** доктор филологических наук, профессор,
Сергей Леонидович заведующий кафедрой журналистики
- ТАГАНОВ** доктор филологических наук, профессор,
Александр Николаевич декан факультета романо-германской филологии
- ТЮЛЕНЕВА** кандидат филологических наук,
Елена Михайловна заведующая кафедрой теории литературы
и русской литературы XX века
- УЖОВА** кандидат филологических наук,
Ольга Александровна доцент кафедры английской филологии

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета»

1. В журнал принимаются рукописи в электронном виде на диске стандартного формата (на ней должен быть **только** файл с данной статьей!!!) с приложением 2 экземпляров распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц машинописного текста через 2 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке или компьютерного набора, выполненного в редакторе Microsoft Word 6.0 или Word 97 шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **инициалы, фамилия автора, название материала, полное название кафедры** (для внешних авторов — учреждения), для научных статей — **аннотация** (на русском и английском языках, включая инициалы, фамилию автора, название статьи, объемом 5—10 строк), **текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, и в тексте статьи ссылки даются в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными. Рисунки должны быть выполнены так, чтобы помещаться на полосу журнала, т. е. их размер вместе с подрисуночной подписью не должен превышать 13 × 21,7 см.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество полностью. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.